

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ВЕСТНИК

**ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА
ЮЖНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Том 9 Номер 2 Апрель-Июнь
2022

SCIENTIFIC AND PRACTICAL JOURNAL

BULLETIN

**OF THE LAW FACULTY,
SOUTHERN FEDERAL UNIVERSITY**

Volume 9 Issue 2 April-June
2022

**НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ВЕСТНИК ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА ЮЖНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
2022 Том 9 Номер 2 Апрель-Июнь**

Учредитель: *Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Южный федеральный университет»*

344006, Россия, Ростовская обл., г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 105/42

Адрес редакции, издателя: 344002, Россия, Ростовская обл., г. Ростов-на-Дону, ул. М. Горького, д. 88, к. 321

тел./факс: +7 (863) 240-36-10; email: vestnik@sfnu.ru; сайт: <http://urvestnikpravo.sfnu.ru>

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-57149). Периодичность выхода: 1 раз в квартал

ISSN 2313-6138 / DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-2

Входит в систему РИНЦ (лицензионный договор № 537-09/2014) Подписной индекс Е33060

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор: *Овчинников А. И.*, доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой теории и истории государства и права юридического факультета Южного федерального университета

Ответственный редактор: *Тищенко Е. В.*, кандидат юридических наук, доцент

Ответственный секретарь: *Фролова Е. Ю.*, кандидат юридических наук, доцент

Помощник главного редактора: *Кононий А. С.*

Артеменко Н. В., кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой уголовного права и криминологии юридического факультета Южного федерального университета

Волова Л. И., доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного права юридического факультета Южного федерального университета

Джорджевич А., доктор юридических наук, профессор юридического факультета Государственного университета в Нише (Республика Сербия)

Зиновьев И. П., кандидат юридических наук, доцент, декан юридического факультета Южного федерального университета

Колесников Ю. А., доктор юридических наук, доцент, зав. кафедрой финансового права юридического факультета Южного федерального университета

Лукьянцев А. А., доктор юридических наук, профессор

Ляхов Ю. А., доктор юридических наук, профессор

Небратенко Г. Г., доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права Ростовского юридического института МВД России

Овсепян Ж. И., доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой государственного (конституционного) права юридического факультета Южного федерального университета

Селиванова Е. С., кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой гражданского права юридического факультета Южного федерального университета

Смагина Е. С., кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой гражданского процессуального и трудового права юридического факультета Южного федерального университета

Степанов К. В., кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой уголовного процесса и криминалистики юридического факультета Южного федерального университета

Тарасова А. Е., кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой международного права юридического факультета Южного федерального университета

Цыганенко С. С., доктор юридических наук, профессор

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Баранов В. М., доктор юридических наук, профессор, помощник начальника Нижегородской академии Министерства внутренних дел Российской Федерации по инновационному развитию научной деятельности

Баранов П. П., доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой конституционного и муниципального права ЮРИУ РАНХиГС

Бондарь Н. С., доктор юридических наук, профессор, Судья Конституционного Суда Российской Федерации в отставке

Бирюков П. Н., доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного и евразийского права Воронежского государственного университета

Васильев А. А., доктор юридических наук, Директор института права АлтГУ

Величко А. М., доктор юридических наук

Гайстенгер М., доктор права, профессор Университета Зальцбурга

Корецкий Д. А., доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Южного федерального университета

Кузнецова Н. С., доктор юридических наук, профессор, академик Академии правовых наук Украины

Левушкин А. Н., доктор юридических наук, профессор

Ляхов Е. Г., доктор юридических наук, профессор, Вице-президент Ассоциации Международного права

Мамитова Н. В., доктор юридических наук, профессор, РАНХиГС

Мамычев А. Ю., доктор политических наук, кандидат юридических наук, доцент, заведующий лабораторией политико-правовых исследований, факультет политологии, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Оганесян В. А., доктор юридических наук, профессор Ереванского государственного университета, зам. председателя Конституционного Суда Армении

Ристов А., профессор, доктор права, доцент юридического факультета Iustinianus Primus Университета Св. Кирилла и Мефодия в Скопье, Республика Северная Македония

Зражевская Т. Д., доктор юридических наук, профессор, Уполномоченный по правам человека в Воронежской области

Толочко О. Н., доктор юридических наук, зав. кафедрой международного права, Белорусский институт правоведения, г. Минск

Турлуковский Я., кандидат юридических наук, доцент кафедры коммерческого права факультета права и администрации, Варшавский университет (Республика Польша)

Цибуленко З. И., доктор юридических наук, профессор Саратовской государственной академии права

Шапсугов Д. Ю., доктор юридических наук, профессор

Шатковская Т. В., доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой теории и истории права и государства ЮРИУ РАНХиГС

Яценко Т. С., доктор юридических наук, профессор, руководитель департамента частного права, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

SCIENTIFIC AND PRACTICAL JOURNAL
BULLETIN OF THE LAW FACULTY, SOUTHERN FEDERAL UNIVERSITY
2022 Volume 9 Issue 2 April-June

Established by: Southern Federal University

(a Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education)

105/42 Bolshaya Sadovaya Street, Rostov-on-Don, Rostov Oblast 344006, Russian Federation
Editorial Office: 88 M. Gorkogo Street, office 321, Rostov-on-Don, Rostov Oblast 344002, Russian Federation
phone/fax: +7 (863) 240-36-10; email: vestnik@sfedu.ru; website: <http://urvestnikpravo.sfedu.ru>

The journal is registered with the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom,
Information Technologies and Mass Communications (Registration Certificate FS77-57149)

Publication frequency: 1 time per quarter. ISSN 2313-6138 / DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-2

Included into the Russian Science Citation Index System (Licence Agreement 537-09/2014) Subscription Index E33060

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief: *Ovchinnikov, A. I.*, Doctor of Law, Professor, Head of Department of Theory and History of State and Law, Law Faculty, Southern Federal University

Responsible editor: *Tishchenko, E. V.*, PhD in Law, Associate Professor

Executive Secretary: *Frolova, E. Yu.*, PhD in Law, Associate Professor

Assistant to the Editor-in-Chief: *Konopiy A. S.*

Artemenko, N. V., PhD in Law, Associate Professor, Head of Department of Criminal Law and Criminology, Law Faculty, Southern Federal University

Volova, L. I., Doctor of Law, Professor, Professor at the Department of International Law Law Faculty, Southern Federal University

Djordjevic, A., Doctor of Law, Professor at the Law Faculty of the State University in Nis (Republic of Serbia)

Zinoviev, I. P., PhD in Law, Associate Professor, Dean of the Law Faculty of the Southern Federal University

Kolesnikov, Yu. A., Doctor of Law, Associate Professor, Head of Department of Financial Law, Law Faculty, Southern Federal University

Lukyantsev, A. A., Doctor of Law, Professor

Lyakhov, Yu. A., Doctor of Law, Professor

Nebratenko G. G., Doctor of Law, Professor, Head of Department of Theory and History of State and Law, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Hovsepyan, Zh. I., Doctor of Law, Professor, Head of Department of State (Constitutional) Law, Law Faculty, Southern Federal University

Selivanova, E. S., PhD in Law, Associate Professor, Head of Department of Civil Law, Law Faculty, Southern Federal University

Smagina, E. S., PhD in Law, Associate Professor, Head of Department of Civil Procedure and Labour Law, Law Faculty, Southern Federal University

Stepanov, K. V., PhD in Law, Associate Professor, Head of Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Law Faculty, Southern Federal University

Tarasova, A. E., PhD in Law, Associate Professor, Head of Department of International Law, Law Faculty, Southern Federal University

Tsyganenko, S. S., Doctor of Law, Professor

EDITORIAL COUNCIL

Baranov, V. M., Doctor of Law, Professor, Assistant to the Head of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation on the innovative development of scientific activity

Baranov, P. P., Doctor of Law, Professor, Head of Department of Constitutional and Municipal Law of the Law Institute of the RANEPA

Bondar, N. S., Doctor of Law, Retired Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation

Biryukov, P. N., Doctor of Law, Professor, Head of the Department of International and Eurasian Law of Voronezh State University

Vasilyev, A. A., Doctor of Law, Director of the Institute of Law of the AltSU

Velichko, A. M., Doctor of Law

Geistenger, M., Doctor of Law, Professor of the University of Salzburg

Koretsky, D. A., Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology, Faculty of Law, Southern Federal University

Kuznetsova, N. S., Doctor of Law, Professor, Academician of the Academy of Legal Sciences of Ukraine

Levushkin, A. N., Doctor of Law, Professor

Lyakhov, E. G., Doctor of Law, Professor, Vice President of the International Law Association

Mamitova, N. V., Doctor of Law, Professor, RANEPA

Mamychev, A. Yu., Doctor of Political Sciences, PhD in Law, Associate Professor, Head of the Laboratory for Political and Legal Studies, Department of Political Science, M. V. Lomonosov Moscow State University

Oganesyan, V. A., Doctor of Law, Professor at Yerevan State University,

Deputy Chairman of the Constitutional Court of Armenia

Ristov, A., Professor, Doctor of Law, Associate Professor, Justinianus Primus Faculty of Law, Ss. Cyril and Methodius University in Skopje, Republic of North Macedonia

Zrazhevskaya, T. D., Doctor of Law, Professor, Commissioner for Human Rights in the Voronezh Region

Tolochko, O. N., Doctor of Law, Head of Department of International Law, Belarusian Institute of Law, Minsk
Turlukovskiy, J., PhD in Law, Associate Professor at the Department of Commercial Law, Faculty of Law and Administration, University of Warsaw (Poland)

Tsibulenko, Z. I., Doctor of Law, Professor of the Saratov State Academy of Law

Shapsugov, D. Yu., Doctor of Law, Professor

Shatkovskaya T. V., Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory and History of Law and State at the Law Institute of RANEPA

Yatsenko, T. S., Doctor of Law, Professor, Head of the Private Law Department, National Research University Higher School of Economics

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора юридических наук

Национальная библиографическая база данных научного цитирования, аккумулирующая более 9 миллионов публикаций российских авторов, а также информацию о цитировании этих публикаций из более 6000 российских журналов. Штаб-квартира – Россия

Международная база данных, содержащая библиографическую информацию о научных журналах в области гуманитарных и социальных наук. Штаб-квартира – Норвегия

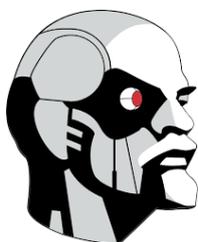
Поисковая система по полным текстам научных публикаций, вобравшая в себя данные из большинства рецензируемых онлайн-журналов, выпускаемых основными научными издательствами Европы и Америки. Штаб-квартира – США

Международный мультидисциплинарный каталог журналов открытого доступа. Содержит более 10 000 названий научных журналов и метаданные статей этих журналов. Штаб-квартира – Великобритания

Крупнейшая в мире библиографическая база данных, насчитывающая свыше 240 млн записей о всех видах произведений на 470 языках мира. Штаб-квартира – США

КиберЛенинка – российская научная электронная библиотека открытого доступа, основными задачами которой является популяризация науки и научной деятельности, а также общественный контроль качества научных публикаций. Насчитывает более 1 млн статей. Штаб-квартира – Россия

Справочно-правовая система по законодательству Российской Федерации, первая массовая коммерческая справочно-правовая система в России (выпускается с 1990 года). Распространяется через дилерскую сеть из более чем 250 компаний в России и СНГ

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАКТИКИ

АВДЕЕВ Е. А., ВОРОБЬЕВ С. М., КОЛЕСНЯК В. С. Социокультурные основы правовых ценностей в представлениях молодежи Северного Кавказа: трансформации и риски конфликтности	9
ВЛАСОВА Г. Б., ЛЕОНОВА А. И. Роль правовых аксиом в судебном правоприменении	18
ДЕНИСЕНКО С. В., МОЛЧАНОВА Е. С. К вопросу о понятии и характеристике судебной власти	23
КАЗАЧАНСКАЯ Е. А. Консервативно-правовой тип мыследеятельности: аксиологические, теонормативные и праксиологические характеристики	29
КОВКЕЛЬ Н. Ф. Нарратологическая перспектива развития семиотики права	37
КОЛЕСНИКОВ Ю. А., ХУДЯКОВА Н. В. Обеспечение информационной безопасности как институт современного российского права	58
КОНОПИЙ А. С. Цифровая технократия и дискурсивная сила Китайского государства: политико-правовой аспект	65
ЛАРИОНОВ А. Н. Историко-правовое осмысление понятия «традиционные семейные ценности» в условиях современного этапа общественно-экономического развития Российского государства	72
МАЗУРОВ И. И. Общеправовые подходы к изучению личности	77
ОВЧИННИКОВ А. И., ФАРАПОНОВА Т. К. Конфессиональный компонент этнокультурной экспертизы в правотворчестве	87
РАКОВ К. А. Устойчивые формы правового поведения как основание правопорядка: понятие и классификация.....	94
ФАЛЬШИНА Н. А. Тенденции развития права в условиях цифровых технологий	101

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

ЛЯХОВ Е. Г., РЫЖАК В. А.

Контртеррористическая операция – легитимный комплексный метод профилактики транснациональных преступлений 109

ТАРАСОВА А. Е., ОНАСЕНКО А. А.

Перспективы развития международного права в условиях односторонних и коллективных санкций государств 115

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС

ДМИТРИЕВА О. В., ЗАРЯ А. А.

Гражданско-правовая защита национальных интересов в эпоху политических потрясений 127

КОЛЕСНИЧЕНКО О. В.

Эволюция правовых средств возмещения вреда здоровью в советском гражданском праве: область терминологических подмен и ключ к определению современных тенденций развития законодательства..... 134

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

КОЛЕСНИКОВ Ю. А., ЕНИНА М. А.

Цифровизация финансовой системы как новый вектор развития России..... 144

Трибуна молодого ученого

БАРЦИЦ В. И.

Развитие законодательства Европейского Союза в сфере защиты персональных данных 150

ВОЛКОВА Г. Е.

Судебная защита «права на забвение» в современной России: вопросы теории и практики..... 165

ЛЕОНТЕНКОВА Е. А.

Понятие этнокультурной экспертизы законодательства: концептуальные аспекты..... 172

ПЕРСОНАЛИИ

КРАКОВСКИЙ К. П.

Sic transit vitae... 179*КОНФЕРЕНЦИИ, КРУГЛЫЕ СТОЛЫ, СЕМИНАРЫ*

ДЖАГАРЯН Н. В., КУТКОВА А. А.

Правоохранительному конституционализму быть! (Обзор II Форума судебного конституционализма) 190

BULLETIN
OF THE LAW FACULTY, SOUTHERN FEDERAL UNIVERSITY
2022 Volume 9 Issue 2 April-June

CONTENTS

*GENERAL THEORETICAL AND HISTORICAL ISSUES
OF LEGAL RESEARCH AND PRACTICE*

AVDEYEV, Evgeniy A., VOROBYOV, Sergey M., and KOLESNYAK, Vasiliy S. Socio-Cultural Bases of Legal Values in the Perceptions and Ideas of the Youth of the Northern Caucasus: Transformations and Risks of Conflicts	9
VLASOVA, Galina B., and LEONOVA, Alina I. The Role of Legal Axioms in Judicial Enforcement	18
DENISENKO, Svetlana V., and MOLCHANOVA, Ekaterina S. On the Question of the Concept and Characteristics of the Judiciary	23
KAZACHANSKAYA, Elena A. Conservative-Legal Type of Thinking: Axiological, Theo-Normative, and Praxiological Characteristics	29
KOVKEL, Natalia F. Narratological Perspective of Development of the Semiotics of Law	37
KOLESNIKOV, Yuriy A., and KHUDYAKOVA, Natalia V. Ensuring Information Security as an Institution of Modern Russian Law	58
KONOPIY, Anna S. Digital Technocracy and the Discursive Power of China: Political and Legal Aspect	65
LARIONOV, Alexey N. Historical and Legal Understanding of the Concept of ‘Traditional Family Values’ under the Conditions of the Current Stage of Socio-Economic Development of the Russian State	72
MAZUROV, Igor I. General Legal Approaches to the Study of Personality	77
OVCHINNIKOV, Alexey I., and FARAPONOVA, Tatyana K. Confessional component of ethnocultural expertise in lawmaking	87
RAKOV, Kirill A. Sustainable Forms of Legal Behaviour as the Basis of Law and Order: Concept and Classification	94
FALSHINA, Nelly A. Trends in the Development of Law in the Context of Digital Technologies	101

INTERNATIONAL LAW

- LYAKHOV, Yevgeny G., and RYZHAK, Victoria A.
The Counter-Terrorism Operation is a Legitimate Integrated Method
for the Prevention of Transnational Crimes 109
- TARASOVA, Anna E., and ONASENKO, Alexander A.
Prospects for the Development of International Law in the Context
of Unilateral and Collective Sanctions of States 115

CIVIL LAW AND CIVIL PROCEDURE

- DMITRIEVA, Olga V., and ZARYA, Alexander A.
Civil Law Protection of National Interests in the Epoch of Political Upheavals..... 127
- KOLESNICHENKO, Olga V.
The Evolution of Legal Means of Compensation for Harm to Health
in the Soviet Civil Law: the Area of Terminological Substitutions and the Key
to the Definition of Modern Trends in the Development of Legislation 134

FINANCIAL LAW

- KOLESNIKOV, Yuriy A., and ENINA Maria A.
Digitalization of Financial System as a New Development Vector of Russia 144

PLATFORM FOR YOUNG SCIENCE

- BARTSITS, Valeria I.
Development of the European Union Legislation in the Field of Personal Data Protection 150
- VOLKOVA, Galina E.
Judicial Protection of the 'Right to Be Forgotten' in Modern Russia:
Issues of the Theory and Practice..... 165
- LEONTENKOVA, Elena A.
The Concept of Ethno-Cultural Expertise of Legislation: Conceptual Aspects..... 172

PERSONALITIES

- KRAKOVSKIY, Konstantin P.
Sic transit vitae... ..

CONFERENCES, ROUND TABLES, SEMINARS

- DZHAGARYAN, Natalya V., and KUTKOVA, Anastasia A.
Law Enforcement Constitutionalism is to be!
(Review of the 2nd Forum of Judicial Constitutionalism) 190

ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАКТИКИ

УДК 316.4

DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-2-1

Авдеев Евгений Александрович,
кандидат философских наук, доцент кафедры
философии, Северо-Кавказский
федеральный университет,
355017, г. Ставрополь, ул. Пушкина, д. 1,
email: ewg.avdeev@yandex.ru

Avdeyev, Evgeniy A.,
PhD in Philosophy, Associate Professor,
Department of Philosophy, North-Caucasus
Federal University, 1 Pushkin Str., Stavropol,
355017, Russian Federation,
email: ewg.avdeev@yandex.ru

Воробьев Сергей Михайлович,
кандидат политических наук, доцент
кафедры философии, Северо-Кавказский
федеральный университет,
355017, г. Ставрополь, ул. Пушкина, д. 1,
email: sergey_vorobev_54@mail.ru

Vorobyov, Sergey M.,
PhD in Politics, Associate Professor,
Department of Philosophy, North-Caucasus
Federal University, 1 Pushkin Str., Stavropol,
355017, Russian Federation,
email: sergey_vorobev_54@mail.ru

Колесняк Василий Сергеевич,
магистрант кафедры философии, Северо-
Кавказский федеральный университет,
355017, г. Ставрополь, ул. Пушкина, д. 1,
email: Philosophy@ncfu.ru

Kolesnyak, Vasiliy S.,
Master Degree Student, Department of Philosophy,
North-Caucasus Federal University, 1 Pushkin Str.,
Stavropol, 355017, Russian Federation,
email: Philosophy@ncfu.ru

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВЫ ПРАВОВЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ МОЛОДЕЖИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА: ТРАНСФОРМАЦИИ И РИСКИ КОНФЛИКТНОСТИ*

SOCIO-CULTURAL BASES OF LEGAL VALUES IN THE PERCEPTIONS AND IDEAS OF THE YOUTH OF THE NORTHERN CAUCASUS: TRANSFORMATIONS AND RISKS OF CONFLICTS*

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются основания мировоззрения молодых людей, составляющие стержень их ценностно-нормативных ориентаций и способствующие социокультурной интеграции в полиэтничных молодежных сообществах. Определяется взаимосвязь основ правовых ценностей с культурными традициями и современными универсальными представлениями и установками. Анализируются

ABSTRACT. The article considers the grounds for young people worldview, which form the core of their value-normative orientations and contribute to socio-cultural integration in multi-ethnic youth communities. The interrelation between the grounds for legal values and cultural traditions and modern universal ideas and attitudes is determined. The value-legal grounds for the social identity of the multi-ethnic Northern Caucasian youth,

* Работа выполнена при поддержке гранта Президента Российской Федерации для молодых ученых – кандидатов наук № МК-431.2021.2.

* The presented study was supported by Grant No. МК-431.2021.2 from the President of the Russian Federation for young scientists – PhDs.

ценностно-правовые основы социальной идентичности полиэтничной северокавказской молодежи, приоритетность национальной, конфессиональной и региональной идентичности, основные риски конфликтности социокультурных оснований идентичности. Было определено, что ценностные основания идентичности современного молодого человека имеют многокомпонентный иерархический характер. В молодежной среде проходят процессы трансформации социокультурных норм и ценностей. Для молодежи северокавказских народов традиционные ценности имеют большее значение, чем для русской молодежи. В целом для молодежи региона, независимо от национальности, роль традиционных ценностных оснований правосознания снижается. Выявленные ценностные различия между русской и северокавказской молодежью могут стать триггером конфликтности. Эмпирическую базу исследования составили результаты социологического опроса, проведенного авторами в 2021 году.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: молодежь; Северный Кавказ; идентичность; правовые ценности; традиционные и современные ценности; полиэтничность; конфликт.

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Авдеев, Е. А. Социокультурные основы правовых ценностей в представлениях молодежи Северного Кавказа: трансформации и риски конфликтности [Текст] / Е. А. Авдеев, С. М. Воробьев, В. С. Колесняк // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. – 2022. – Т. 9, № 2. – С. 9–17. – DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-2-1.

Введение. Ценности представляют собой обобщенные представления о целях и нормах социального поведения, они воплощают исторический опыт и базовые морально-этические представления, лежащие в основе правосознания. Правовые ценности являются одними из основ мировоззрения молодого человека. Они составляют стержень его ценностно-нормативных ориентаций, поддерживают общественный порядок и служат фактором социокультурной интеграции. Примерами правовых ценностей, с точки зрения Л. С. Гурьевой и С. И. Копкаревой, являются свобода, справедливость, равенство, демократия, безопасность и порядок [5, с. 50]. Таким образом, правовые ценности тесно связаны с морально-этическими принципами и нормами, как культурными традициями того или иного этноса, так и современными универсальными представлениями и установками. В этой связи исследование традиционных и современных ценностных оснований идентичности молодежи полиэтничного региона представляется

the priority of national, confessional and regional identity, the main risks of conflicts of socio-cultural grounds for the identity are analyzed. It was determined that the value bases of the identity of a modern young person have a multi-component hierarchical character. Amongst the Northern Caucasian youth, the processes of transformation of socio-cultural norms and values take place. For the youth of the Northern Caucasian peoples, traditional values are of greater significance than for the Russian youth. In general, the role of traditional value bases of legal consciousness decreases for the youth of the region, regardless of ethnicity-nationality. The revealed value differences between the Russian and Northern Caucasian youth may become a trigger for conflicts. The empirical basis of the study was the results of a sociological survey conducted by the authors in 2021.

KEYWORDS: youth; Northern Caucasus; identity; legal values; traditional and modern values; polyethnicity; conflict.

FOR CITATION:

Avdeyev, E. A. Socio-Cultural Bases of Legal Values in the Perceptions and Ideas of the Youth of the Northern Caucasus: Transformations and Risks of Conflicts [Text] / E. A. Avdeyev, S. M. Vorobyov, V. S. Kolesnyak. Bulletin of the Law Faculty, SFEDU. – 2022. – Vol. 9, No. 2. – P. 9–17 (in Russian). – DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-2-1.

актуальным для формирования основ правосознания и правовой культуры полиэтничной молодежи Северного Кавказа.

Глубина и масштабность трансформации ценностей в полиэтничных и поликонфессиональных молодежных сообществах, социокультурные различия в молодежной среде, обесценивание ценностей и жизненных моделей предыдущих поколений, формирующиеся новые жизненные стратегии и смыслы несут в себе риски конфликтности. Противоречия в полиэтничных регионах, обусловленные многообразными и разнонаправленными процессами социокультурной трансформации, усиливаются в связи с различными этнокультурными и цивилизационными основаниями идентичности, приобретая ценностный характер. Современный Северный Кавказ переживает очередной этап социокультурной модернизации, и молодежь региона находится в авангарде этих процессов. Особой чертой Северного Кавказа является его поликонфессиональность и полиэтничность, вековые тра-

диции совместного проживания и социокультурного взаимодействия русского и кавказских народов. Доля молодежи в структуре населения региона выше среднероссийских значений. Специфика Северного Кавказа находит свое отражение в социокультурных и ценностных особенностях. В ценностном плане здесь ярче проявляются консерватизм и традиционализм, при этом модернистская тенденция также имеет значение. Это актуализирует проблему трансформации ценностей современной молодежи, в том числе и в рамках обсуждения проекта указа Президента РФ об Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Он ориентирован на формирование высоко нравственной личности, разделяющей традиционные российские духовно-нравственные ценности, и предполагает постепенное преодоление существующих проблем, вызванных трансформацией ценностей в современном обществе, поиск ответов на новые вызовы современного мира.

Полиэтническая молодежная среда Северного Кавказа – пространство, где традиционные социокультурные ценности сочетаются с современными установками. Традиционные и современные социокультурные ценности в разной степени распространены среди молодых людей – представителей различных этнических и конфессиональных групп, а также представителей различных регионов Северного Кавказа. В полиэтнических молодежных сообществах возникают риски конфликтности, как в ценностно-мировоззренческом плане, проявляющиеся в конфликте традиционных и современных ценностей, так и в плане социального взаимодействия, социальной адаптации и интеграции молодых людей в общероссийское социокультурное пространство.

Целью статьи является определение специфики и характера трансформации социокультурных ценностей молодежи Северного Кавказа, общего и особенного в ценностях молодежи русского и северокавказских народов, возникающих на этой основе рисков конфликтности. Предполагается, что при общей направленности трансформации ценностных установок молодежи региона продолжают сохраняться различия в оценках и представлениях молодежи русского и северокавказских народов. Северо-

кавказская молодежь в большинстве своем более традиционна и религиозна, по сравнению с русской. Взаимодействие молодых людей различных национальностей, носителей традиционных и современных ценностей, может нести в себе риски конфликтности.

В 2021 г. авторами было проведено социологическое исследование представлений полиэтнической молодежи Северного Кавказа о традиционных и современных ценностях. Оно было основано на сочетании качественных («понимающих») и количественных методов. Качественная методология позволила увидеть проекцию современности на ценностные основания идентичности, проследить их трансформации. Применение в настоящем исследовании количественного метода (социологический опрос) дало возможность измерить переменные, отражающие значимость для молодежи Северного Кавказа основных традиционных и современных ценностей, выявить зависимость исследуемых переменных от этнической и религиозной принадлежности. Объектом исследования стали студенты ведущих вузов Северного Кавказа в возрасте 18–24 года. Было опрошено 1027 респондентов – 46 % юношей и 54 % девушек, 60 % русских и 40 % представителей народов Северного Кавказа.

Основная часть. Обсуждение проекта указа Президента РФ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей позволяет уточнить институционально-правовые основы сохранения и укрепления традиционных ценностей в условиях глобального ценностного кризиса. Молодежь является «барометром» социокультурных трансформаций современного общества, требующих нормативно-правового регулирования. Социокультурные конфликты, имеющие ценностную природу, наиболее рискованны в полиэтнической молодежной среде в связи с возможным использованием защитной риторики по отношению к основаниям и традициям этнических культур. Такие конфликты являются наименее управляемыми и наиболее трудноразрешимыми. Социологическое исследование представлений молодежи об основных традиционных и современных ценностях и анализ рисков социокультурной конфликт-

ности представляется актуальным в процессе формирования институционально-правовых основ государственной политики в сфере сохранения и укрепления традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

Большой вклад в исследования социокультурных ценностей россиян, контекста формирования этих ценностей и направленности их трансформаций, а также в разработку инструментария социологических опросов, внесли многочисленные количественные исследования, проводившиеся коллективом ученых Института социологии ФНИСЦ РАН [3; 4; 6; 8].

Для полиэтничного региона конфликт ценностных оснований идентичности приобретает особую значимость в связи с тем, что в его генезисе и развитии этнокультурные стереотипы и нормы, а также существующая социальная неудовлетворенность носят рискогенный характер, имеют агрессивный потенциал культурной нетерпимости. Вероятность радикализации конфликта детерминируется уровнем угроз безопасности, возрастанием неудовлетворенности и степенью институциональной поддержки, эскалацией социального неравенства и может привести к открытому противостоянию, маркерами сторон которого выступает этническая и конфессиональная принадлежность. Регионы с высокой степенью этнизации политики и политизации этничности характеризуются низким уровнем политической стабильности, неэффективностью системы государственного управления, ростом коррупции и несформированностью гражданских институтов [12]. Этнические антрепренеры, активизируя конфликты во имя этнических сообществ, усиливают политическую роль этнической принадлежности и активизируют групповую солидарность, применяя защитную риторику по отношению к этнокультурным ценностям и идентичностям [11]. Исторические обиды, живущие в коллективной памяти народов, актуализируют иррациональные стороны конфликта идентичностей, превращая их в «войны памяти». Этничность воплощает в себе элемент сильной эмоциональной напряженности и может быть реактивирована в случае осознания группами угрозы собственным интересам.

Анализ динамики и конфликтности социокультурных ценностей в полиэтничных молодежных сообществах предполагает обращение

к широкому контексту институциональных преобразований, связанных с современностью и социокультурной модернизацией. Обусловленное модернизационными процессами новое состояние общества, изменение ценностных оснований и структуры идентичности приводят к тому, что существование современного человека теряет устойчивость. Сама его идентичность находится в состоянии перманентного кризиса и трансформаций, приобретает многоуровневый и многосоставный характер. В современном посттрадиционном обществе происходит увеличение спектра возможностей самоидентификации вследствие плюрализации ценностей и смыслов. Это ставит современного человека перед проблемой самоидентификации, погружая его в ситуацию постоянного выбора жизненного пути [9]. Р. Брубейкер подчеркивает «нестабильную, множественную, колеблющуюся и фрагментарную природу современного “я”» [2, с. 66].

Общественные изменения, связанные со многими факторами современности, выводят на первый план политической повестки внутренние вызовы, многие из которых обусловлены растущей дифференциацией и разнообразием современных обществ, углублением этнокультурных и ценностных размежеваний. На сегодняшний день «глубоко разделенные общества» [10] сталкиваются лицом к лицу с вызовами политико-институционального регулирования этнических, религиозных, этнолингвистических, расовых, культурных противостояний. Напряжение между безопасностью, стоящей за традицией, и свободой, предлагаемой модерностью, становится универсальным [7, с. 216].

Успешность политического, экономического и социокультурного развития сегодня напрямую зависит от способности государства быстро и адекватно реагировать на внутренние и внешние вызовы, обеспечивать должную степень поддержания солидарности, доверия и гражданского согласия. Это предполагает разработку уже не универсальных концепций, а институционально-правовых механизмов преодоления этого напряжения, молодежной и национальной политики, отражающей социокультурные особенности полиэтничных сообществ. Практическая потребность в разработке и реализации политико-правовых практик,

направленных на интеграцию нарративов гражданской и этнической идентичности, становится одним из системных вызовов для современных государств, требует радикального пересмотра сложившихся в XX в. траекторий и концепций нациестроительства, понимания недостаточности универсалистских концепций и моделей конституционного патриотизма, лишенных примордиальных традиционных социокультурных оснований. Именно в связи с этим научное обсуждение проекта указа Президента РФ об Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей приобретает особую актуальность и значимость.

Проведенное исследование показало, что для большинства опрошенных молодых людей продолжает оставаться значимым ряд традиционных российских ценностей, таких как уважение к людям труда (92 %), сильное государство (78 %), патриотизм (65 %), традиционная семья (64 %). На важность ценностей религии (43 %) и коллективизма указало меньшинство респондентов (40 %). При этом для представителей народов Северного Кавказа ценность традиционной семьи, религии и коллективизма выше, чем для русской молодежи (см. рис. 1).

В ценностно-смысловом содержании идентичности молодежи региона большую роль играют и современные ценности, которые во многом имеют традиционную социокультур-

ную основу, такие как демократия и права человека (90 %), свобода самовыражения (85 %), политическая свобода и автономия личности (82 %), терпимость (73 %), индивидуализм (73 %) и права меньшинств (55 %). Значимых различий между русскими и северокавказскими респондентами не выявлено (см. рис. 2).

Ориентация опрошенных молодых людей на индивидуализм проявляется и в приоритете для большинства индивидуального успеха, признания и благополучия. Можно предположить, что выход на политическую авансцену молодых людей, ставящих индивидуализм выше коллективистских начал, приведет к актуализации в обществе запроса на перемены, при этом совсем не обязательно, что это примет деструктивные и протестные формы. В условиях растущей нестабильности современного мира «сильное» правовое и демократическое государство, наделенное необходимыми ресурсами и властными полномочиями, остается единственным эффективным многоцелевым инструментом, способным успешно отвечать на все новые вызовы, решать внутренние и внешнеполитические задачи, выражать интересы большинства граждан, формулировать цели и институционально-правовые основы будущего развития. При условии выработки адекватных современным реалиям государственно-патриотических основ идеологии, повышения эффективности работы властных институтов и уровня политико-правовой куль-

Рис. 1. Важны ли для Вас такие традиционные ценности? % (n = 1027)

Рис. 2. Важны ли для Вас такие современные ценности? % (n = 1027)

туры, индивидуализм и «самодостаточность» могут стать ресурсами модернизации и инновационного развития.

Ряд традиционных социокультурных оснований этнической идентичности для молодых людей, относящих себя к народам Северного Кавказа, сохраняет большое значение. Так, 74 % респондентов, относящих себя к народам Северного Кавказа, указали на важность следования национальным обычаям и традициям, среди русской молодежи таких лишь 44 %. Есть основания утверждать, что стираются в боль-

шей степени ценностно-культурные основания традиционной национальной идентичности русской молодежи региона. В основе ценностно-символического наполнения идентичности представителей русской молодежи начинают преобладать современные ценности и гражданские установки. Менее половины респондентов (47 %) отметили, что для них важно и скорее важно следовать религиозным обычаям и традициям. При этом среди мусульман (86 %) и народов Северного Кавказа (73 %) таких студентов абсолютное большинство (см. рис. 3).

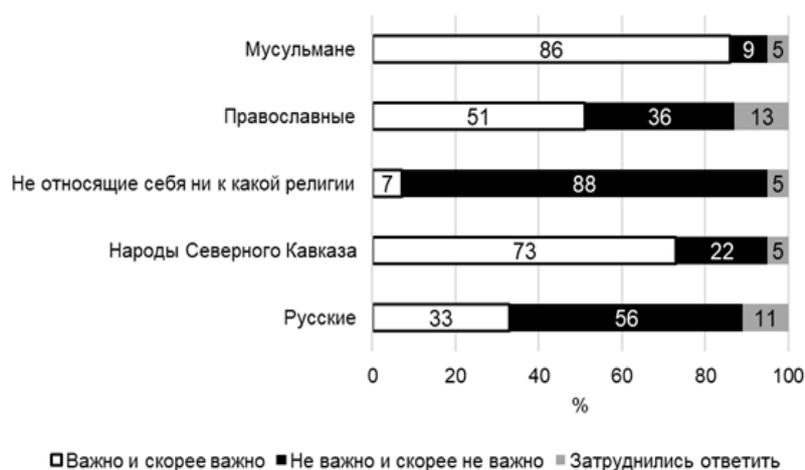

Рис. 3. Важно ли для Вас следовать религиозным обычаям и традициям? % (n = 1027)

Общероссийская идентичность позволяет охарактеризовать принадлежность индивида к российскому макрополитическому сообществу. Общероссийская идентичность является по своей природе социокультурной, т. к. предполагает идентификацию индивида с большой общностью, объединенной общей культурой, ценностями, социальными практиками и институтами. Такая идентичность сформировалась у большинства респондентов независимо от этнической принадлежности (55 %). Региональная, национальная и религиозная идентичность более значима для молодежи народов Северного Кавказа (64 %, 73 %, 58 %), чем для русской молодежи (51 %, 39 %, 26 %). Существенные различия в приоритетах национальной, региональной и религиозной идентичности между молодыми людьми северокавказских народов и русскими по национальности несут в себе риски конфликтности и могут спровоцировать переход бытовых конфликтов в локальные межнациональные конфликты (см. рис. 4).

Рис. 4. Приоритетность национальной, региональной и религиозной идентичности? % (n = 1027)

О рисках конфликтности в полиэтничной молодежной среде Северного Кавказа, в том числе и конфликтной мобилизации посредством апелляции к этнической и религиозной идентичности, свидетельствует выявленная

существенная разница между русской и северокавказской молодежью в ответах на вопросы о возможности принять личное участие в конфликте в интересах своей национальной и религиозной группы. Среди народов Северного Кавказа респондентов, считающих для себя возможным принять личное участие в конфликтах в интересах своей национальной группы, – 40 %, среди русских – 24 %, в интересах своей религиозной группы – 35 % и 14 %.

Результаты ряда научных исследований, проводившихся на Северном Кавказе, показали, что в региональных общественно-политических процессах сохраняются тенденции политизации этничности, наличествуют риски напряженности в межнациональных отношениях [1]. Проблемы формирования общероссийской идентичности наиболее остро проявляются среди молодежи полиэтничного и поликультурного Северного Кавказа. Геополитическое положение Северного Кавказа, совместное проживание в регионе народов, различающихся между собой цивилизационно, культурно и конфессионально, актуализирует проблему формирования общероссийской идентичности у полиэтничной молодежи региона. Недостаточная сформированность общероссийской идентичности может привести к преобладанию этнической или религиозной идентичностей. Это в свою очередь ведет к рискам политизации этничности, радикализации и политизации ислама, росту деструктивного влияния международных исламских экстремистских религиозно-политических организаций в регионе. При этом следует учитывать, что в целом на Северном Кавказе происходят достаточно противоречивые процессы. Имеют место и снижение

роли религиозного фактора, как православного, так и исламского, в жизни молодежи региона, и религиозное возрождение, и влияние различных «нетрадиционных» для Северного Кавказа религиозных учений и направлений. Это связано с процессами урбанизации и секуляризации населения, распадом традиционного общества, все большим включением людей в глобальное инфокоммуникационное пространство. Реакция на эти процессы может быть различной – от их безусловного принятия, до категорического неприятия в формах религиозного и национального радикализма.

Состояние межнациональных отношений среди молодежи Северного Кавказа по результатам исследования можно охарактеризовать как неустойчиво стабильное. Более половины респондентов, независимо от национальности, считают, что проблема в общении, взаимодействии людей разных национальностей является далеко не главной, либо ее не существует.

Невысокий уровень конфликтности межэтнических отношений среди молодежи подтверждается тем, что большинство респондентов не сталкивалось с конфликтными ситуациями, оскорблениями и унижениями, причиной которых была их национальность. Следует отметить, что среди тех, кто с такими конфликтами сталкивался, больше представителей северокавказских народов.

В качестве основных факторов, которые приводят к межнациональным конфликтам на Северном Кавказе, опрошенные молодые люди выделяют враждебность и предубеждение к другим народам, неприятие культуры других народов, территориальные и земельные конфликты, а также социальное неравенство (см. рис. 5).

Рис. 5. Основные факторы, конфликтности межнациональных отношений, по мнению молодежи Северного Кавказа, % (n = 1027)

Негативные оценки межнациональных отношений связаны с объективными социально-экономическими проблемами и их субъективным восприятием молодежью. К ним можно отнести падение уровня жизни и доходов, безработицу, социально-экономическое неравенство, этноклановость и коррупцию, территориальные и земельные конфликты. Данные объективные проблемы усиливают такие социально-психологические установки, как враждебность и предубеждение к другим народам, неприятие культуры других народов, повышают состояние тревожности, связанное с мировым социально-экономическим кризисом и ростом внешнеполитической конфронтации.

Заключение. Результаты исследования показали, что молодежь Северного Кавказа, независимо от этнической принадлежности, проходит процессы трансформации социокультурных ценностей и жизненного уклада. Происходит ее быстрое включение в глобальное инфокоммуникационное пространство и формирование современных ценностей. Для молодежи Северного Кавказа наиболее значимыми являются такие традиционные для российского общества ценности, как уважение к труду, сильное государство, патриотизм и традиционная семья. Менее значимыми являются религиозные и коллективистские ценности. Среди современных ценностей, имеющих традиционную социокультурную основу, наиболее важными для молодых людей являются демократия и права человека, свобода самовыражения, политическая свобода и автономия личности, индивидуализм и терпимость. Традиционные и современные ценности в разной степени распространены среди молодых людей представителей различных этнических и конфессиональных групп. Для молодежи северокавказских народов и мусульман традиционные ценности имеют большее значение, чем для русской молодежи. Снижается роль традиционных ценностей для молодежи региона независимо от национальности. Общероссийская идентичность в представлениях молодежи является значимой, при этом не менее значимыми являются региональная и этническая идентичности. Имеются различия в приоритетах этих идентичностей между русской и северокавказской молодежью, что может стать триггером конфликтности.

В молодежной среде Северного Кавказа по-прежнему сохраняются риски этнического антрепренерства, иррационализации социально-экономических противоречий за счет апелляции к травматическому прошлому в межэтнической полемике, применения защитной риторики по отношению к языку, этнокультурным ценностям и групповым идентичностям. Все это может стать фактором трансформации конфликтов интересов в социокультурные конфликты. Его основания следует искать не в самих фактах полиэтничности и поликультурности, а прежде всего в дефиците общей культуры всего общества, слабом развитии ценностей диалога, доверия и ответственности, зачастую недостаточном уровне сформированности общих ценностно-символических начал, обеспечивающих гармоничное сочетание региональных, этнокультурных и общероссийской идентичностей.

Поддержка и укрепление объединяющих различные этнические общности ценностных оснований общероссийской идентичности, носящих традиционный характер, становится одним из ключевых приоритетов государственной политики. Перед региональным научным сообществом и органами исполнительной власти стоит задача проведения государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей как на институциональном уровне, так и в сферах образования, воспитания и культуры. Превращение этнокультурного многообразия и сохраняющейся более традиционной ментальности северокавказских народов в фактор консолидации и социокультурного развития возможно лишь посредством эффективной государственной политики и общественной активности, направленных на согласование и достижение приоритетных направлений и задач, стоящих в проекте указа Президента РФ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Институты власти, как федеральные, так и местные, в основе своей деятельности должны ориентироваться на диалог с населением, общественными организациями и научным сообществом. Это будет способствовать укреплению в полиэтничной молодежной среде надгрупповых солидарностей и формированию скрепляющей их традиционных ценностных оснований общероссийской идентичности.

Литература

1. Авксентьев, В. А. Этничность в конфликтах на Северном Кавказе: тенденции третьего десятилетия XXI века [Текст] / В. А. Авксентьев, Б. В. Аксюмов, Г. Д. Гриценко // Конфликтология. – 2021. – Т. 16. – № 2. – С. 81–93. – DOI: 10.31312/2310-6085-2021-16-2-81-93.
2. Брубейкер, Р. Этничность без групп [Текст] / Р. Брубейкер. – Москва : Издательский дом Высшей школы экономики, 2012. – 408 с.
3. Горшков, М. К. Российское общество в социологическом измерении [Текст] / М. К. Горшков // Вестник Российской академии наук. – 2020. – Т. 90. – № 3. – С. 232–242. – DOI: 10.31857/S0869587320030068.
4. Горшков, М. К. Молодежь России в зеркале социологии. К итогам многолетних исследований [Текст] / М. К. Горшков, Ф. Э. Шереги. – Москва: ФНИСЦРАН, 2020. – 688 с. – DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-325-6.2020.
5. Гурьева, Л. С. Правовые и политические ценности молодежи [Текст] / Л. С. Гурьева, С. И. Копкарева // Власть. – 2008. – № 3. – С. 50–55.
6. Дробизева, Л. М. Российская идентичность: поиски определения и динамика распространения [Текст] / Л. М. Дробизева // Социологические исследования. – 2020. – № 8. – С. 37–50. – DOI: 10.31857/S013216250009460-9.
7. Эриксен, Т. Х. Что такое антропология? [Текст] / Т. Х. Эриксен. – Москва : Издательский дом Высшей школы экономики, 2014. – 238 с.
8. Ядов, В. А. Трансформация постсоветских обществ: что более значимо – исторически традиционное или недавнее прошлое [Текст] / В. А. Ядов // Социологические исследования. – 2014. – № 7. – С. 47–50.
9. Giddens, A. Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age [Text] / A. Giddens. – Stanford : Stanford University Press, 1991. – 264 p.
10. Guelke, A. Politics in Deeply Divided Societies [Text] / A. Guelke. – Cambridge : Polity Press, 2012. – 178 p.
11. Maksić, A. Ethnic mobilization, violence, and the politics of affect [Text] / A. Maksić. – Cham : Palgrave Macmillan, 2017. – 264 p.
12. Weber, A. Politicized ethnicity. Perspectives in comparative politics [Text] / A. Weber, W. Hiers, A. Flesken. – New York : Palgrave, 2016. – 187 p.

References

1. Avksentiev, V. A. Ethnicity in Conflicts in the North Caucasus: Trends in the Third Decade of the 21st Century [Text] / V. A. Avksentiev, B. V. Aksyumov, G. D. Gritsenko // Conflictology. – 2021. – Vol. 16. – No. 2. – P. 81–93. – DOI: 10.31312/2310-6085-2021-16-2-81-93 [in Russian].
2. Brubaker, R. Ethnicity without groups [Text] / R. Brubaker. – Moscow : Publishing House of the Higher School of Economics, 2012. – 408 p. [in Russian].
3. Gorshkov, M. K. Russian society in the sociological dimension [Text] / M. K. Gorshkov // Bulletin of the Russian Academy of Sciences. – 2020. – Vol. 90. – No. 3. – P. 232–242. – DOI: 10.31857/S0869587320030068 [in Russian].
4. Gorshkov, M. K. The youth of Russia in the mirror of sociology. To the results of many years of research [Text] / M. K. Gorshkov, F. E. Sheregi. – Moscow : FNISC RAS Publ., 2020. – 688 p. – DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-325-6.2020 [in Russian].
5. Guryeva, L. S. Legal and political values of youth [Text] / L. S. Guryeva, S. I. Kopkareva // Power. – 2008. – No. 3. – P. 50–55 [in Russian].
6. Drobizheva, L. M. Russian identity: the search for a definition and the dynamics of distribution [Text] / L. M. Drobizheva // Sociological research. – 2020. – No. 8. – P. 37–50. – DOI: 10.31857/S013216250009460-9 [in Russian].
7. Eriksen, T. H. What is anthropology? [Text] / T. H. Eriksen. – Moscow : Publishing House of the Higher School of Economics, 2014. – 238 p. [in Russian].
8. Yadov, V. A. Transformation of post-Soviet societies: what is more significant – historically traditional or recent past [Text] / V. A. Yadov // Sociological research. – 2014. – No. 7. – P. 47–50 [in Russian].
9. Giddens, A. Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age [Text] / A. Giddens. – Stanford : Stanford University Press, 1991. – 264 p. [in English].
10. Guelke, A. Politics in Deeply Divided Societies [Text] / A. Guelke. – Cambridge: Polity Press. 2012. – 178 p. [in English].
11. Maksić, A. Ethnic mobilization, violence, and the politics of affect [Text] / A. Maksić. – Cham : Palgrave Macmillan, 2017. – 264 p. [in English].
12. Weber, A. Politicized ethnicity. Perspectives in comparative politics [Text] / A. Weber, W. Hiers, A. Flesken. – New York : Palgrave, 2016. – 187 p. [in English].

Поступила в редакцию 15.04.2022

Received April 15, 2022

УДК 340

DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-2-2

Власова Галина Борисовна,
доктор юридических наук, заведующий
кафедрой теории и истории права и
государства, Российский государственный
университет правосудия, Ростовский филиал,
344038, г. Ростов-на-Дону, ул. Ленина, д. 66,
email: vlasovagb@mail.ru

Vlasova, Galina B.,
Doctor of Law, Head of the Department of Theory
and History of Law and State, Rostov-on-Don
Branch of the Russian State University of Justice,
66 Lenin Str., Rostov-on-Don,
344038, Russian Federation,
email: vlasovagb@mail.ru

Леонова Алина Игоревна,
студент 4-го курса юридического факультета,
Российский государственный университет
правосудия, Ростовский филиал,
344038, г. Ростов-на-Дону, ул. Ленина, д. 66,
email: al.kamiren@mail.ru

Leonova, Alina I.,
Fourth Year Student, Law Faculty,
Rostov-on-Don Branch of the Russian State
University of Justice, 66 Lenin Str.,
Rostov-on-Don, 344038, Russian Federation,
email: al.kamiren@mail.ru

РОЛЬ ПРАВОВЫХ АКСИОМ В СУДЕБНОМ ПРАВОПРИМЕНЕНИИ

THE ROLE OF LEGAL AXIOMS IN JUDICIAL ENFORCEMENT

АННОТАЦИЯ. В статье проведен анализ роли правовых аксиом в судебном правоприменении. Исследованы основные вопросы в данном направлении. Рассмотрена сущность правовых аксиом. Сделаны основные выводы по системе правовых аксиом в судебном правоприменении.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: правовые аксиомы; судебное разбирательство; юридическая сила; аксиома.

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Власова, Г. Б. Роль правовых аксиом в судебном правоприменении [Текст] / Г. Б. Власова, А. И. Леонова // Вестник Юридического факультета Южно-го федерального университета. – 2022. – Т. 9, № 2. – С. 18–22. – DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-2-2.

ABSTRACT. The article analyzes the role of legal axioms in judicial enforcement. The main issues within this direction are investigated. The analysis of the essence of legal axioms is carried out. The main conclusions on the system of legal axioms in judicial enforcement are made.

KEYWORDS: legal axioms; trial; legal force; axiom.

FOR CITATION:

*Vlasova, G. B. The Role of Legal Axioms in Judicial Enforcement [Text] / G. B. Vlasova, A. I. Leonova. *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU*. – 2022. – Vol. 9, No. 2. – P. 18–22 (in Russian). – DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-2-2.*

Правовые аксиомы являются уникальным средством юридической техники как с точки зрения практического применения, так и с точки зрения теоретического правоведения. Важно отметить, что правовые аксиомы необходимо рассматривать, раскрывая их общую характеристику и взаимосвязь с правовым мышлением.

В рамках представленного исследования необходимо воспринимать аксиомы именно с точки зрения юридических предписаний и рассматривать их место в общей системе источников права как части правовой системы.

Важно учитывать, что аксиомы не являются стабильными, они меняются со временем, ведь изменяется правовая реальность, которая раньше исторически считалась неизменной. Все зависит от конкретных условий, в которых воспринимается юридический факт.

Многие исследователи в своих научных работах считают сам факт наличия правовых аксиом достаточно спорным: есть ли они в реальности и действительно ли они участвуют в правовом регулировании, а также оправдано ли существование аксиом с позиций юридической науки.

Правовые аксиомы в настоящий момент занимают важное место в правовой системе. Стоит отметить, что есть определенная проблематика с точки зрения связи между правовыми аксиомами и конкретным правовым мышлением.

При рассмотрении понятия нужно отметить, что под аксиомой воспринимается истина, которая не требует доказательств и она должна быть прямо или косвенно отражена в основных нормах права. При этом именно правовые аксиомы не тождественны математическим, также они не сводятся к метафорам. Важно подчеркнуть, что самостоятельность правовых аксиом воспринимается на основании их определенной специфики.

Стоит проанализировать правовую науку с точки зрения самостоятельной совокупности знаний и взглядов, которые являются специальными и тесно связаны непосредственно с правовым регулированием. При этом важно, что в применении аксиомы могут обретать особое значение, выступая в роли положения, которое не требует доказательств. Опираются аксиомы обязательно на очевидные истины, которые в большинстве случаев являются про-

стейшими. В то же время следует отметить, что В. И. Вернадский считал, что на самом деле истины, которые являются общепризнанными и не требующими доказательства, встречаются лишь в нескольких частях научного мировоззрения. Он высказывал сомнение относительно самого наличия аксиом именно в праве. Многими вовсе до сих пор не признается наличие самого факта правовых аксиом. Дополнительно нужно рассматривать аксиомы с точки зрения юридических предписаний, это отдельная группа правовых источников, которая отличается от всех остальных [1, с. 112].

При этом правовые аксиомы наделяются основными функциями права – регулятивной, охранительной, а также познавательной. Подобное положение считается основой и в научных исследованиях трактуется как исходное. Базируется оно на логических понятиях, именно поэтому правовые аксиомы не нуждаются в каких-либо дополнительных доказательствах.

С учетом множества разнообразных научных позиций относительно правовых аксиом можно сделать вывод о том, что однозначно высказываться о подобном правовом феномене сложно с точки зрения как самой его сущности, так и его содержания. При этом в первую очередь необходимо учитывать, что сам термин «правовая аксиома» используется для разнообразных явлений и может восприниматься неодинаково, что осложняет процесс его исследования. Также необходимо учитывать, что правовые аксиомы представляют собой разные формы, при этом они остаются самоидентичными и сохраняют свою сущность с точки зрения их проявления.

В настоящий момент до сих пор само понятие аксиом в первую очередь ассоциируется с тем понятием, которое использовали еще древнеримские юристы, фактически это афоризмы, которые используются для мудрости правовых предписаний. Стоит учитывать, что крайне редко появляются новые аксиомы. В качестве примера стоит использовать данные Г. Н. Манова:

1. В правотворчестве реализуется три основных формы права, в частности это правотворчество, правоотношения и правосознание, четвертой нет.

2. Право представляет собой волю именно господствующего класса, оно защищает его интересы, а также отражает, в какой

степени развивается культурный прогресс общества, при этом он не может быть выше экономического развития.

3. В своем деле никто не может выступать судьей.

На примере представленных данных есть возможность рассмотреть применение аксиом в праве. В частности, стоит обратить внимание на последний тезис. На основании этой аксиомы в праве созданы законы, которые касаются того факта, что человек занимает именно одну роль в судебном процессе, и собственное дело в роли судьи он разбирать не может.

В основу положена именно аксиома, которая не была дополнительно доказана. Некоторые исследователи считают, что правовых аксиом вообще не существует, они представляют собой конкретные правила морали и справедливости, на которых должно выстраиваться любое законодательство. Подобные правила отличаются тем, что они необходимы непосредственно для организации совместной жизни людей [4, с. 50–52].

Отдельно стоит рассматривать, какое именно место занимают правовые аксиомы в существующих системах. Сама по себе система права представляет собой систему, основная задача которой заключается непосредственно в упорядочивании взаимоотношений в обществе.

Необходимо учитывать, что роль права – в регулировке, примирении, а также в возмещении и поощрении в необходимых случаях, также может быть подключено наказание. Основная задача права заключается в том, что оно действует непосредственно в интересах конкретного человека и определенного человеческого общества, это основа и фундамент идей, которые представляют само определение.

При этом правовые аксиомы с точки зрения права можно рассматривать как специфические принципы, они не являются законодательными нормами, но не нуждаются в доказательстве и достаточно строго соблюдаются на практике, ведь были выработаны в юридической системе и приняты как основа.

Необходимо учитывать, что в праве их роль регулятивная, а также организующая, это влияет на сферу правотворчества, правоприменения, судебную, прокурорскую и следственную. Фактически это определенные регуляторы с точки зрения общества, но они являются достаточно своеобразными.

На практике правовые аксиомы в большинстве случаев используются в разнообразных нестандартных ситуациях, а также могут быть полезны и при классическом рассмотрении дела.

Ярким примером с точки зрения практического применения является применение правовой аксиомы в виде презумпции невиновности. Она означает, что пока не доказана вина человека, он считается невиновным. Это используется практически в каждом деле. При этом до суда подозреваемый не может считаться виновным, а значит, не может быть наказан, применяемые меры должны быть четко обоснованы.

Дополнительно необходимо отметить, что нередко дела закрываются на основании отсутствия достаточного количества доказательств. В рамках дела основная задача именно доказать вину, сам подсудимый может совершенно не участвовать в доказательстве своей невиновности. Если не будет необходимых факторов, то дело просто будет закрыто. Подобная аксиома, а также множество других связаны непосредственно с юридической практикой и обязательно должны учитываться в процессе профессиональной подготовки юристов. Можно сделать вывод о том, что доказательства невиновности, а также доказательства самой представленной презумпции совершенно не требуются.

В результате правовые аксиомы представляют собой самоочевидные истины, которые не нуждаются в каких-либо доказательствах. Фактически в правовых аксиомах содержатся истины, которые уже являются общепризнанными достоверными знаниями.

Это правовоположения, основой которых является опыт, которые касаются взаимоотношений внутри общества, а также взаимоотношений между человеком и его окружающей средой. Стоит учитывать, что с точки зрения научных исследований правовые аксиомы представляют собой основные положения, которые активно используются в теории права [3, с. 168–176].

Есть возможность рассмотреть несколько популярных умозаключений в виде правовых аксиом в качестве примеров, которые сейчас используются для регулирования, а также имеют прикладную и познавательную роль:

– Кто живет по закону, тот никому не вредит, ведь действительно закон создан именно

для того, чтобы обеспечить совместную жизнь в социуме.

– Нельзя быть судьей в своем собственном деле. Невозможно без личного внимания рассматривать собственное дело и выносить справедливое решение.

– Что не запрещено, то разрешено. Если какой-либо фактор не рассматривается в законе, значит он допустим и не влечет за собой ответственность.

– Всякое сомнение толкуется в пользу обвиняемого. Это необходимо для того, чтобы не обвинять невиновного человека.

– Люди рождаются свободными и равными в правах. Дополнительно это подкреплено в Конституции.

– Закон обратной силы не имеет. Нельзя при выходе закона рассматривать те деяния, которые были до его выхода.

– Несправедливо наказывать дважды за одно и то же правонарушение. Действительно ответственность за свои действия можно понести только лишь один раз.

– Да будет выслушана вторая сторона, только это поможет принять объективное решение.

– Гнев не оправдывает правонарушения, не могут эмоции быть оправданием.

– Один свидетель – не свидетель, понадобится больше доказательств для признания вины или иных решений.

– Если обвинение не доказано, обвиняемый оправдан, фактически это презумпция невиновности.

– Показания взвешивают, а не считают, необходимо правильно рассматривать все показания.

– Тот, кто щадит виновного, наказывает невиновных, излишняя жалость может привести к повторению преступления.

– Правосудие укрепляет государство, это обязательная система для создания достаточно крепкой и устойчивой системы.

– Власть существует только для добра, с ее помощью происходит упорядочивание и развитие.

Это отправные положения правового регулирования, которые обязательно используются в практике, при этом каждая правовая аксиома выполняет определенную регулятивную, охранительную и познавательную роль.

Обязательно нужно отметить, что речь идет не только о теоретическом рассмотрении каж-

дого отдельного юридического факта, но и о том, как применяется на практике именно данное средство правового регулирования и каким образом это происходит.

В настоящий момент с точки зрения юридической науки аксиомам уделяется очень мало внимания. Однако в последние годы все больше встречаются исследования этой актуальной темы. Многие ученые говорят о том, что в праве фактически используется огромное количество разнообразных общепризнанных положений, которые уже закреплены в законодательстве. Стоит учитывать, что только лишь некоторые исследователи говорят о том, что правовых аксиом фактически нет в праве и они присутствуют только лишь в юридической науке. При этом обязательно нужно учитывать тот факт, что конкретные общепризнанные истины недостаточно разобраны в науке, хотя сфера юриспруденции достаточно динамична [2, с. 229–247].

На самом деле не рекомендуется придерживаться в исследованиях максималистских взглядов, ведь они нередко тормозят развитие вперед, как с точки зрения теории, так и с точки зрения практики. Нередко обнаруживаются правовые аксиомы, которые приняты сравнительно недавно, но их следы встречаются в глубокой древности. В результате можно сделать вывод о том, что правовые аксиомы существуют и играют значительную роль в праве, оно может быть либо прямым, либо косвенным.

Литература

1. Бочаров, Т. Ю. Предложения по совершенствованию судебной системы в Российской Федерации и изменения нормативных актов в целях их реализации. Научный доклад [Текст] / Т. Ю. Бочаров, В. В. Волков, Л. А. Воскобитова и др. – Москва : ЦСР, 2018. – 112 с.

2. Ливеровский, А. А. Развитие понятийного аппарата конституционного права [Текст] / А. А. Ливеровский // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2018. – № 2. – С. 229–247.

3. Макарова, О. В. Институт председателей судов как элемент организации деятельности судов общей юрисдикции [Текст] / О. В. Макарова // Журнал российского права. – 2017. – № 6(246). – С. 168–176.

4. Мосин, С. А. Правовое триединство как форма существования конституционных принципов [Текст] / С. А. Мосин // Государственная служба и кадры. – 2019. – № 4. – С. 50–52.

References

1. *Bocharov, T. Yu.* Proposals for improving the judicial system in the Russian Federation and amendments to regulations for their implementation. Scientific report [Text] / T. Yu. Bocharov, V. V. Volkov, L. A. Voskobitova and others. – Moscow : TSR Publ., 2018. – 112 p. [in Russian].

2. *Liverovsky, A. A.* Development of the conceptual apparatus of constitutional law [Text] / A. A. Liverovsky //

Law. Journal of the Higher School of Economics. – 2018. – No. 2. – P. 229–247 [in Russian].

3. *Makarova, O. V.* Institute of court chairmen as an element of the organization of the activity of courts of general jurisdiction [Text] / O. V. Makarova // Journal of Russian Law. – 2017. – No. 6(246). – P. 168–176 [in Russian].

4. *Mosin, S. A.* Legal trinity as a form of existence of constitutional principles [Text] / S. A. Mosin // Public service and personnel. – 2019. – No. 4. – P. 50–52 [in Russian].

Поступила в редакцию 16.03.2022

Received March 16, 2022

УДК 342.56

DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-2-3

Денисенко Светлана Васильевна,
кандидат юридических наук, заведующий
кафедрой международного права,
Российский государственный университет
правосудия, Ростовский филиал,
344038, г. Ростов-на-Дону, ул. Ленина, д. 66,
email: s.v.denisenko@bk.ru

Denisenko, Svetlana V.,
PhD in Law, Head of the Department
of International Law, Rostov-on-Don Branch
of the Russian State University of Justice,
66 Lenin Str., Rostov-on-Don,
344038, Russian Federation,
email: s.v.denisenko@bk.ru

Молчанова Екатерина Сергеевна,
студент 4-го курса юридического факультета,
Российский государственный университет
правосудия, Ростовский филиал,
344038, г. Ростов-на-Дону, ул. Ленина, д. 66,
email: kirinaschool@yandex.ru

Molchanova, Ekaterina S.,
Fourth Year Student, Law Faculty,
Rostov-on-Don Branch of the Russian State
University of Justice, 66 Lenin Str.,
Rostov-on-Don, 344038, Russian Federation,
email: kirinaschool@yandex.ru

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ И ХАРАКТЕРИСТИКЕ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ

ON THE QUESTION OF THE CONCEPT AND CHARACTERISTICS OF THE JUDICIARY

АННОТАЦИЯ. В статье анализируются понятия «судебная власть» и ее место в системе разделения государственной власти на три самостоятельные ветви, а также дается характеристика признаков судебной власти и особенностей построения судебной системы с учетом особенностей форм (характеристик) государства.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: государственная власть; разделение властей; судебная власть; форма государства; форма политического режима; форма правления; форма государственно-территориального устройства; правовое государство.

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Денисенко, С. В. К вопросу о понятии и характеристике судебной власти [Текст] / С. В. Денисенко, Е. С. Молчанова // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. – 2022. – Т. 9, № 2. – С. 23–28. – DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-2-3.

ABSTRACT. The article analyzes the concepts of 'judicial power', its place in the system of division of the state power into three independent branches, and also characterizes the features of judicial power and the specific features of the construction of the judicial system taking into account the specific features of the forms (characteristics) of the state.

KEYWORDS: state power; separation of powers; judicial power; form of state; form of political regime; form of government; form of state-territorial structure; rule of law.

FOR CITATION:

Denisenko, S. V. On the Question of the Concept and Characteristics of the Judiciary [Text] / S. V. Denisenko, E. S. Molchanova. *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU*. – 2022. – Vol. 9, No. 2. – P. 23–28 (in Russian). – DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-2-3.

Учения о необходимости разделения государственной власти существуют достаточно давно. В частности, еще Аристотель [2], Платон [17] и другие мыслители древности рассуждали об этой государственной проблеме. В работах Д. Лильберна [8] необходимость разделения власти на три ветви объясняется тем, что именно дифференциация власти создает гарантию законности функционирования органов власти и должностных лиц.

По утверждению Ш. Монтескье, в абсолютно каждом государстве должно быть три власти разного рода, но судебная власть, по мнению теоретика, все-таки должна была доверяться не специальному государственному органу, а избранному народом гражданам, которые могли осуществлять эту власть только в точно установленное время [13].

Конституция Российской Федерации (далее по тексту – Конституция РФ) [10] закрепляет положение об осуществлении государственной власти, осуществляемой посредством разделения на три ветви, одной из которых выступает судебная власть.

Следует обратить внимание на тот факт, что до сих пор отсутствует единая легальная дефиниция «судебная власть». Определение понятия «власть» содержится в толковых философских и юридических словарях. Рассмотрим наиболее популярные: 1) «власть – ... право распоряжаться кем-чем-нибудь, подчинять своей воле» [15]; 2) «власть – ... право, воля ... над чем, свобода действий...» [18]; 3) «власть – ... возможность оказать воздействие на что-либо. Специфический инструмент управления» [19].

Кроме того, использование понятия «судебная власть» тоже отличается излишним разнообразием. Так, например, по мнению ряда ученых, термины «суд» и «судебная власть» могут являться тождественными, т. к. под ними понимается система государственных учреждений, которые реализуют определенные властные функции [16, с. 20–21]. С точки зрения их оппонентов, властью не может быть лицо или учреждение, так они только используют возможность, которую им предоставило государство, достигая определенные поставленные цели [7, с. 47–48]. По нашему мнению, верным является утверждение К. Ф. Гуценко о том, что под судебной властью следует понимать установленные полномочия, предоставленные су-

дебным органам, причем полномочия властного характера.

Необходимо, по мнению автора, обратить внимание и на тот факт, что такие дефиниции, как «судебная власть» и «судопроизводство», также очень часто считаются синонимичными [1, с. 82–84]. Считаем, что этого делать не следует, т. к. «судопроизводство» – специальная процессуальная форма осуществления судебной власти.

На основании вышеизложенного мы предлагаем следующее определение судебной власти: судебная власть представляет собой самостоятельную ветвь государственной власти, которая реализуется с помощью гражданского, уголовного, административного, арбитражного и конституционного судопроизводства в форме осуществления правосудия и предназначена для решения споров, возникающих о праве.

Согласно сформулированному нами определению возможно выделить существенные признаки судебной власти:

- во-первых, судебная власть призвана выражать волю государства;
- во-вторых, судебная власть непосредственно осуществляет взаимодействие с другими ветвями государственной власти, а именно – с законодательной и исполнительной властями;
- в-третьих, судебная власть осуществляется в форме правосудия, которое реализуют специализированные государственные органы – суды;
- в-четвертых, судебная власть осуществляется непосредственно через процессуальный порядок, а именно – судопроизводство по различным категориям споров;
- в-пятых, государственными законодательными актами установлено единство судебной власти посредством закрепления исчерпывающего перечня судов;
- в-шестых, судебная власть обособлена, самостоятельна и независима; и др.

Рассмотрим наиболее важные, по нашему мнению, вопросы, необходимые для осуществления реализации самого механизма судебной власти через построение судебной системы государства.

В юридической науке на сегодняшний день существует достаточно большое количество самых различных дефиниций судебной системы, однако все они в основном сводятся к

таким понятиям, как «совокупность судов», «совокупность судебных органов» или «совокупность судебных учреждений».

Например, с точки зрения М. Н. Марченко, судебная система – это «совокупность судебных учреждений... обладающих компетенцией и... объединенных общими задачами, принципами» [12, с. 37].

Судебной системой, по утверждению Л. А. Воскобитовой, следует называть совокупность абсолютно всех судов государства [5, с. 18].

По справедливому мнению В. И. Власова и Г. Б. Власовой, под судебной системой следует понимать «не только набор определенных структур (судов), но и ... совокупность определенных отношений ... по разрешению споров». Ученые указывают на уникальность судебной власти, подчеркивая, что «судебная власть... не имеет поддержки избирателей, как законодательная власть... нет силовых структур... как у исполнительной власти... в основе ее мощи лежит уважение государства и общества судебных решений» [4, с. 133–135].

Интересным нам представляется также определение судебной власти, данное А. Ф. Извариной: «это сложное социальное явление... Характер, направление деятельности и роль судебной власти позволяют признать... как политико-правовое явление» [9].

В связи с тем, что именно судебная система выполняет роль модели судебной власти, то, безусловно, особенности ее построения зависят от формы (характеристики) государства.

При рассмотрении особенностей организации судебной власти во взаимосвязи с формой политического режима необходимо отметить, что в государствах с недемократическим политическим режимом вообще, как правило, отсутствует принцип разделения властей и, следовательно, выделение судебной власти в самостоятельную ветвь. Так, например, в стране с тоталитарным политическим режимом устанавливается полный, тотальный контроль государства над абсолютно всеми сферами жизни общества, социальными институтами, группами и объединениями людей, а следовательно, полная централизация государственной власти, в системе которой судебная власть направлена на защиту интересов группы политических лидеров, которые смогли захватить и удерживают власть.

В государстве с авторитарным политическим режимом вся власть узурпируется либо конкретным политическим лидером, либо группой лиц, и даже наличие законодательно закрепленного правового статуса человека или гражданина *de-jure* не гарантирует его наличие *de-facto*. Очень часто глава государства или органы исполнительной власти подменяют судебную власть, а порой и законодательную власть. В таких государствах кроме судебных органов могут либо постоянно существовать, либо создаваться по мере надобности различные несудебные органы, которым, тем не менее, в определенных условиях или обстановке могут быть делегированы функции судебной власти. Однако авторитарный режим является неким промежуточным звеном между тоталитарным политическим режимом и либеральным, демократическим политическими режимами.

Форма правления, по нашему мнению, не является принципиальным признаком, который определяет наличие в государстве гражданского общества и правового государства, которое характеризуется разделением государственной власти на три ветви и судебной власти, как самостоятельной и независимой ветви власти.

Наиболее интересным, по нашему мнению, является рассмотрение построения моделей осуществления судебной власти через форму государственно-территориального устройства. Одним из важнейших принципов построения и осуществления судебной власти является принцип ее единства. Наличие и важнейшее значение этого принципа продиктовано следующими фактами: главенство высшего нормативного правового акта – конституции государства; юридическое закрепление и гарантирование соблюдения и обеспечения условий для реализации прав и свобод человека и гражданина, которые являются высшей ценностью государства; обеспечение государственного суверенитета и т. д.

Следует отметить, что принцип «единства судебной власти» применяется как в государствах с унитарной формой государственно-территориального устройства, так и с федеративной. Однако при разных формах государственно-территориального устройства этот принцип, тем не менее, наполнен несколько разным содержанием:

– во-первых, в государствах с унитарной формой под единством судебной власти понимается ее полная централизация, т. е. наличие судебной системы одного уровня;

– во-вторых, при федеративной форме в содержание указанного выше принципа включаются как централизация, так и децентрализация судебных органов, а также присутствуют уже два уровня органов судебной власти.

Так, например, для государств с федеративной формой территориального строения характерным является и наличие общей федеральной системы судов, а также судебной системы субъектов этого государства.

Например, в Российской Федерации законодатель закрепляет единство осуществления судебной власти следующим образом:

1) наличие специального федерального конституционного законодательства, которым устанавливаются принципы и структура судебной системы;

2) наличие правил осуществления судопроизводства, которые в обязательном порядке соблюдаются судами всех уровней;

3) неукоснительное применение Конституции РФ, действующего федерального законодательства в процессе непосредственного отправления правосудия;

4) наличие единого, закрепленного в законодательном порядке, статуса судей;

5) осуществление финансирования деятельности судов исключительно из федерального бюджета для обеспечения реализации принципа «независимость судей»;

6) установление обязательности исполнения вступивших в законную силу решений суда на всей территории государства и контроль за их исполнением [14].

Отметим, что сочетание централизации и децентрализации в содержании принципа «единства судебной власти» зависит и от модели построения судебной системы. Так, для стран англо-саксонской правовой системы характерна высокая степень децентрализации (наиболее ярким примером выступают Соединенные Штаты Америки, в которых присутствует так называемая «двойная судебная система» – судебная система федерации и судебная система ее штатов). Для государств, которые тяготеют к романо-германской правовой семье, более органичной является централизация судеб-

ной власти. Следует обратить внимание на тот факт, что эти особенности не являются абсолютными характеристиками и все чаще появляются так называемые смешанные модели построения основ и структуры судебной власти.

В унитарных государствах судебная система представлена обычно одним уровнем, но существуют и два уровня: низовые суды (звенья) и, как правило, единый верховный орган судебной власти.

При этом считаем, что звеном судебной системы является такая ее часть, в которую вошли судебные органы либо абсолютно равных, либо приравненных к ним территориальных образований, т. е. так называемые «однотипные суды». Чем характеризуется однотипность судов, которые и образуют судебное звено? По нашему мнению, таковыми признаками являются: территориальное расположение, структура, состав и, конечно же, непосредственные компетенции, осуществляемые судами.

Важным аспектом при характеристике понятия «судебная власть» является, с нашей точки зрения, анализ задач, которые она призвана осуществлять. Считаем необходимым перед анализом задач судебной власти указать ее цели. По мнению Е. Е. Гришновой, с которым мы выражаем свое согласие, цель судебной власти «состоит в обеспечении охраны прав и свобод человека... от антиправовых действий и нелегитимных решений властных структур» [6, с. 324]. Отметим, что цель любой ветви власти, в т. ч. и судебной власти, характеризуется и определяется основными направлениями, основными для развития государства на определенном этапе его исторического развития.

Интересным нам представляется перечень задач судебной власти, составленный З. С. Лусегиной: «обеспечение и защита от нарушений прав и свобод граждан; решение возникающих в обществе конфликтов и споров; контроль за законностью актов органов государственной власти и должностных лиц; применение мер юридической ответственности...» [11].

Считаем, что указанный перечень задач судебной власти возможно дополнить такими, как: 1) защита основ существующего конституционного строя государства; 2) обеспечение защиты законности и правопорядка в государстве; 3) осуществление судопроизводства по конституционным, уголовным, гражданским

и административным делам; 4) укрепление уважения к государственной власти в целом и судебной власти в частности; 5) обеспечение возможности участия непосредственно граждан в отправлении правосудия; 6) обеспечение открытости деятельности судебной власти; 7) формирование правовой культуры и правового сознания населения страны и др.

По справедливому замечанию М. В. Баглая и В. А. Туманова, «судебная власть призвана осуществлять правосудие и обеспечивать законность» [3].

На основании изложенного сформулируем следующие выводы: проблема понятия «судебная власть» на всех исторических этапах развития государства весьма актуальна, т. к. именно судебная власть и ее носители призваны осуществлять защиту правовых ценностей, установленных в конкретном государстве, и в условиях демократии выполняют роль корректора политического режима.

Литература

1. Анишина, В. И. Основы судебной власти и правосудия в Российской Федерации [Текст] / В. И. Анишина. – Москва : Эксмо, 2008. – 270 с.
2. Аристотель. Политика [Электронный ресурс] / Аристотель // URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/Aristotel.Politika.pdf>.
3. Баглай, М. В. Малая энциклопедия конституционного права [Текст] / М. В. Баглай, В. А. Туманов. – Москва : БЕК, 1998. – 505 с.
4. Власов, В. И. Осуществление правосудия в ведущих моделях судебных систем современности [Текст] / В. И. Власов, Г. Б. Власова // Проблемы в российском законодательстве. – 2017. – № 3. – С. 133–135.
5. Воскобитова, Л. А. Суд. Осуществление судебной власти посредством уголовного судопроизводства [Текст] : автореферат дис. ... д-ра юрид. наук / Л. А. Воскобитова. – Москва, 2005. – 55 с.
6. Гришнова, Е. Е. Генезис судебной власти и ее место в российской политической системе [Текст] / Е. Е. Гришнова // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. – 2016. – № 2. – С. 322–329.
7. Гуценко, К. Ф. Правоохранительные органы [Текст] / К. Ф. Гуценко, М. А. Ковалев. – Москва : Зерцало-М, 2008. – 421 с.
8. Ершов, В. В. Судебная власть в правовом государстве [Текст] : дис. ... д-ра юрид. наук / В. В. Ершов. – Москва, 1992. – 48 с.
9. Изварина, А. Ф. Судебная система России (концептуальные основы организации, развития и совершенствования): организационно-правовая характеристика судебной системы России, правовые особенности вза-

имодействия органов судебной власти с Федеральной службой судебных приставов, органами судебского сообщества и Судебным департаментом, аспекты совершенствования судебной системы России [Текст] : монография / А. Ф. Изварина. – Москва : Проспект, 2014. – 302 с.

10. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (в актуальной редакции) // Российская газета от 25 декабря 1993 г. № 237 (первоначальный текст). Российская газета от 4 июля 2020 г. № 144.

11. Лусегенова, З. С. Теоретико-правовые основы судебной власти в Российской Федерации [Текст] : дис. ... канд. юрид. наук / З. С. Лусегенова. – Ростов-на-Дону, 2000. – 181 с.

12. Марченко, М. Н. Судебное правотворчество и судебное право [Текст] / М. Н. Марченко. – Москва : Юридическая литература, 2007. – 510 с.

13. Монтескье, Ш.-Л. О духе законов [Электронный ресурс] / Ш.-Л. Монтескье // URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/Monteskye.Odukhe.pdf>.

14. О судебной системе Российской Федерации : Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ (в актуальной редакции) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1997. – № 1. – Ст. 1.

15. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений [Текст] / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова; РАН, Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – Москва : ИТИ ТЕХНОЛОГИИ, 2003. – 944 с.

16. Организация деятельности судов [Текст] / под общ. ред. В. М. Лебедева. – Москва : Норма, 2007. – 623 с.

17. Платон. Государство [Текст] / Платон ; пер. с древнегреч. А. Н. Егунова. – Москва : Академический проект, 2015. – 398 с.

18. Толковый словарь живого великорусского языка [Текст] / В. И. Даль ; совмещ. ред. изд. В. И. Даля и И. А. Бодуэна де Куртенэ. – Москва : Олма-Пресс : Красный пролетарий, 2004. – 700 с.

19. Философский энциклопедический словарь [Текст] / сост.: Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов. – Москва : Советская Энциклопедия, 1983. – 840 с.

References

1. Anishina, V. I. Fundamentals of judicial power and justice in the Russian Federation [Text] / V. I. Anishina. – Moscow : Eksmo Publ., 2008. – 270 p. [in Russian].
2. Aristotle. Politics [Electronic resource] / Aristotle // URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/Aristotel.Politika.pdf> [in Russian].
3. Baglay, M. V. Small Encyclopedia of Constitutional Law [Text] / M. V. Baglay, V. A. Tumanov. – Moscow : BEK Publ., 1998. – 505 p. [in Russian].
4. Vlasov, V. I. The implementation of justice in the leading models of modern judicial systems [Text] / V. I. Vlasov, G. B. Vlasova // Problems in Russian legislation. – 2017. – No. 3. – P. 133–135 [in Russian].

5. *Voskobitova, L. A.* Court. The exercise of judicial power through criminal proceedings [Text] : synopsis of a thesis for the degree of Doctor of Law / L. A. Voskobitova. – Moscow, 2005. – 55 p. [in Russian].
6. *Grishnova, E. E.* The genesis of judicial power and its place in the Russian political system [Text] / E. E. Grishnova // Business in Law. Economic and Legal Journal. – 2016. – No. 2. – P. 322–329 [in Russian].
7. *Gutsenko, K. F.* Law enforcement agencies [Text] / K. F. Gutsenko, M. A. Kovalev. – Moscow : Zertsalo-M Publ., 2008. – 421 p. [in Russian].
8. *Ershov, V. V.* Judicial power in a state governed by the rule of law [Text] : thesis for the degree of Doctor of Law / V. V. Ershov. – Moscow, 1992. – 48 p. [in Russian].
9. *Izvarina, A. F.* The judicial system of Russia (conceptual foundations of organization, development and improvement): organizational and legal characteristics of the judicial system of Russia, legal features of the interaction of judicial authorities with the Federal Bailiff Service, judicial community bodies and the Judicial Department, aspects of improving the judicial system of Russia [Text] : monograph / A. F. Izvarina. – Moscow : Prospect Publ., 2014. – 302 p. [in Russian].
10. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993) (in the current edition) // Rossiyskaya Gazeta. No. 237. December 25, 1993 (original text). Rossiyskaya Gazeta. No. 144 dated July 4, 2020 [in Russian].
11. *Lusegenova, Z. S.* Theoretical and legal foundations of judicial power in the Russian Federation [Text] : thesis for the degree of Candidate of legal sciences / Z. S. Lusegenova. – Rostov-on-Don, 2000. – 181 p. [in Russian].
12. *Marchenko, M. N.* Judicial law-making and judicial law [Text] / M. N. Marchenko. – Moscow : Legal Literature Publ., 2007. – 510 p. [in Russian].
13. *Montesquieu, Sh.-L.* On the spirit of laws [Electronic resource] / Sh.-L. Montesquieu // URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/Monteskye.Odukhe.pdf> [in Russian].
14. On the judicial system of the Russian Federation: Federal Constitutional Law No. 1-FKZ of December 31, 1996 (as amended) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1997. – No. 1. – Article 1 [in Russian].
15. *Ozhegov, S. I.* Russian Dictionary: 80,000 words and phraseological expressions [Text] / S. I. Ozhegov, N. Yu. Shvedova; RAS, V. V. Vinogradov Institute of Russian Language. – 4th ed., supplement. – Moscow : ITI TECHNOLOGIES Publ., 2003. – 944 p. [in Russian].
16. Organization of activity of courts [Text] / under the general editorship of V. M. Lebedev. – Moscow : Norma Publ., 2007. – 623 p. [in Russian].
17. *Plato.* The State [Text] / Plato ; translated from Ancient Greek by A. N. Egunov. – Moscow : Academic Project Publ., 2015. – 398 p. [in Russian].
18. Explanatory dictionary of the living Great Russian language [Text] / V. I. Dahl ; combined ed. by V. I. Dahl and I. A. Baudouin de Courtenay. – Moscow : Olma-Press: Krasny proletariy Publ., 2004. – 700 p. [in Russian].
19. Philosophical encyclopedic dictionary [Text] / comp.: L. F. Ilyichev, P. N. Fedoseev, S. M. Kovalev, V. G. Panov. – Moscow : Soviet Encyclopedia Publ., 1983. – 840 p. [in Russian].

Поступила в редакцию 31.03.2022

Received March 31, 2022

Казачанская Елена Александровна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры
теории и истории государства и права,
юридический факультет,
Южный федеральный университет,
344002, г. Ростов-на-Дону,
ул. М. Горького, д. 88,
email: elk.13@yandex.ru

Kazachanskaya, Elena A.,
PhD in Law, Associate Professor,
Department of Theory and History
of State and Law, Law Faculty,
Southern Federal University,
88 M. Gorky Str., Rostov-on-Don,
344002, Russian Federation,
email: elk.13@yandex.ru

КОНСЕРВАТИВНО-ПРАВОВОЙ ТИП МЫСЛЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ: АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ, ТЕОНОРМАТИВНЫЕ И ПРАКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ*

CONSERVATIVE-LEGAL TYPE OF THINKING: AXIOLOGICAL, THEO-NORMATIVE, AND PRAXIOLOGICAL CHARACTERISTICS*

АННОТАЦИЯ. В работе консерватизм рассматривается в качестве особого типа мировоззрения и стиля государственно-правового мышления, представляются их аксиологические, социально-нормативные и праксиологические характеристики. Целью статьи является анализ этих характеристик в единстве с теонормативными (религиозными) основаниями консерватизма, а также современной консервативно-правовой мыследеятельности в качестве сложного и многоуровневого феномена. В этом аспекте автором предлагается три основных направления/уровня содержательного описания данного феномена: 1) ценностно-иерархический срез, отражающий совокупность консервативных идей, ценностей, образов, символов, традиций, когнитивных установок, заданных, прежде всего, религиозной традицией; 2) социально-нормативный срез, фиксирующий типформирующие правила, нормы и стандарты определенной мыследеятельности людей; 3) праксиологический срез, отражающий основные стили публичного поведения и модели взаимоотношений в системе личность – общество – государство. В работе доказывается, что консервативно-правовой вектор трансформации публично-правовой жизни общества направлен на формирование адекватных и органичных культуре институтов власти, государства, права, конкретно-исторических политико-правовых

ABSTRACT. In the paper, conservatism is considered as a special type of the worldview and a style of state-legal thinking, their axiological, socio-normative, and praxiological characteristics are presented. The purpose of the article is to analyze these characteristics combined with the theonormative (religious) grounds for the conservatism, as well as modern conservative-legal thinking as a complex and multi-level phenomenon. In this aspect, the author suggests that there should be three main directions/levels of a meaningful description of this phenomenon: 1) a value-hierarchical cross-section reflecting a set of conservative ideas, values, images, symbols, traditions, cognitive attitudes set, first of all, by the religious tradition; 2) a socio-normative cross-section fixing the type-forming rules, norms, and standards of people's certain mental activity; 3) a praxiological cross-section reflecting the main styles of public behaviour and models of relationships in the personality-society-state system. The study proves that the conservative-legal vector of transformation of the public-legal life of society is aimed at the formation of adequate and integral institutions of power, state, law, historically specific political and legal forms of organization of relations that meet the interests and values of society, including the harmonization of traditional and innovative socio-normative regulators, social models of interaction.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-44228 «Право и правосознание в теологическом измерении: история и современность».

* The study was financially supported by the RFBR within Research Project No. 21-011-44228 entitled 'The Right and Legal Conscience in a Theological Dimension: History and the Present'.

форм организации отношений, отвечающих интересам и ценностям общества, в том числе ориентирован на гармонизацию традиционных и инновационных социально-нормативных регуляторов, общественных моделей взаимодействия.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: государство; глобализация; консерватизм; правовая теология; право; правовое мышление; правовые обычаи; правовая система; религиозно-правовые традиции; трансформация.

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Казачанская, Е. А. Консервативно-правовой тип мышледеятельности: аксиологические, теонормативные и праксиологические характеристики [Текст] / Е. А. Казачанская // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. – 2022. – Т. 9, № 2. – С. 29–36. – DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-2-4.

Введение. Консерватизм как особый тип мировоззрения и стиль государственно-правового мышления долгое время был отеснен на периферию как академической науки, так и государственно-правовой практики. В рамках научных разработок и исследовательских проектов, главным образом в западноевропейском государственно-правовом пространстве, основной акцент делался, с одной стороны, на формирование правовых режимов и инструментов, стимулирующих разнообразные инновации в социальной, экономической, технологической, политической, культурной и др. сферах; а с другой – институционализацию «новой правовой аксиологии», конструирование «симулятивной правовой реальности» и «виртуализированных правовых состояний».

Начиная с середины XX века консервативное правовое мышление препятствовало становлению и развитию глобального вектора социально-правового развития, ориентированного на нивелирование традиционных ценностно-нормативных систем конкретного общества и национально-правовых форм обеспечения социально-экономического и политического порядков [11]. Глобальная правовая унификация и политическая стандартизация конструировали единую, общечеловеческую систему правовых аксиом и ценностей (глубинным фундаментом которых выступала западноевропейская социокультурная основа [14]) и продвигали новую правовую аксиологию, основанную на универсальном мировоззрении и абстрактных, рационально сконструирован-

KEYWORDS: state; globalization; conservatism; legal theology; law; legal thinking; legal customs; legal system; religious-legal traditions; transformation.

FOR CITATION:

*Kazachanskaya, E. A. Conservative-Legal Type of Thinking: Axiological, Theo-Normative, and Praxiological Characteristics [Text] / E. A. Kazachanskaya. *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU*. – 2022. – Vol. 9, No. 2. – P. 29–36 (in Russian). – DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-2-4.*

ных ценностных императивах, содержательно выраженных в четвертом и пятом поколении прав человека [8; 9]. Последнее сформировало возможности и для конструирования «симулятивной правовой реальности», в которой смоделированная ценностно-правовая система координат стремилась заместить реально существующие правоментальные и правокультурные характеристики конкретного социально-правового пространства [12].

При этом следующим логичным шагом развития данного проекта глобальной правовой универсализации выступило проектирование «виртуализированных правовых состояний», высвобожденных от всего традиционного и этнонационального. Например, аргументировался проект новой «конституционно-правовой идентичности» и «общего мирового блага человечества» [18, с. 31], основанных на правах человека (преимущественно четвертого и пятого поколения), мультикультурализма и экологической повестки [4]. Все это должно было создать новый «общий порядок взаимоотношений» и «космополитические принципы организации жизнедеятельности людей» [2, с. 36], возвращая «человека к принципам свободного развития», освобожденным от национально-культурных пут и необоснованного нормирующего воздействия традиций [19].

Сегодняшний тренд развития западноевропейской мышледеятельности, во многом обусловленный процессами цифровизации, следует той же логике. Абстрактные, рационально смоделированные «виртуализиро-

ванные правовые состояния» стали реализовываться сначала в концепциях «сетевой организации общества»¹, а затем в альтернативных метавселенных, представляющих свои формы цифровой идентификации и цифрового права (инжиниринговые нормативные системы). Так, интенсивное развитие цифровых пространств свидетельствует, что последние формируют альтернативную политико-правовым формам организацию жизнедеятельности человека, формируют собственные формы и способы идентификации, социально-технологические нормы и стандарты взаимодействия [6]. Известные современные проекты конструирования метавселенных ориентированы на формирование «инновационной нормативной технологии регулирования», своеобразного поведенческого инжиниринга, где разрабатываются собственные социально-технологические, этические и другие нормы и стандарты взаимодействия, а их действие обеспечивается автоматизированными алгоритмическими системами, внедренными в те или иные цифровые платформы [3].

В рамках настоящей статьи предлагаем проанализировать современную консервативно-правовую мыследеятельность в качестве сложного и многоуровневого феномена. В этом аспекте выделим три основных направления/уровня, в контексте которых мы будем рассматривать и содержательно описывать данный феномен. *Во-первых*, это ценностно-иерархиче-

¹ В этом плане следует критически оценивать исследовательские проекты, обосновывающие новый вид публично-правовой организации общества – «сетевое государство». Сетевые формы, мягко говоря, противоречат принципам организации и функционирования государственной власти, принципам правовой организации общества и иерархического строения системы законодательства, властно-правовой иерархичности, специфике юридической деятельности и т. д. Считаем, что сетевые формы социальной активности выражают лишь специфические закономерности, локальные тренды развития отдельных сообществ, групп, некоторые аспекты функционирования публично-правового взаимодействия в обществе. И поэтому внешние явления и специфические закономерности не совпадают и не могут в полном объеме выразить сущность государства или публично-правовой организации. Следовательно, «сетевое государство», «сетевая организация», «сетевые формы публично-правового взаимодействия» – это достаточно спорные понятия, представляющие собой научные метафоры, спроектированные для нивелирования традиционных политических и юридических институтов.

ский срез, отражающий совокупность консервативных идей, ценностей, образов, символов, традиций, когнитивных установок и т. д. *Во-вторых*, это нормативный срез, фиксирующий типформирующие правила, нормы и стандарты определенной мыследеятельности людей (например, консервативно-правовой подход в эволюции национальной правовой системы или совершенствования правотворческой деятельности, создание ориентиров опережающей правотворческой деятельности/правового моделирования будущего). *В-третьих*, это прагматический срез, отражающий основные стили публичного поведения и модели взаимоотношений в системе «личность – общество – государство» (например, консервативная модель публично-властных отношений между государством и обществом), а также устойчивые модели частноправового взаимодействия (например, деловые обыкновения, обычаи морских портов, локальные этноправовые модели обмена и проч.).

Консервативно-правовая мыследеятельность: ценностно-нормативный срез. Следует констатировать, что вытеснение национально-культурных основ общества и традиционных институтов, обеспечивающих стабильность и воспроизводство общественной системы, порождает социальную нестабильность. Неслучайно доминирующим теоретико-методологическим вектором и доктринально-правовым основанием государственно-правового развития в последние десятилетия стали аксиоматические положения о нестабильности, рискогенности, ситуативности в социально-правовой и политико-экономической динамике [7]. При этом в государственно-правовом управлении начали преобладать правовые формы и управленческие технологии, базирующиеся на конвенциональном и иррациональном выборе [20].

Адекватным ответом на данные процессы выступает, с нашей точки зрения, необходимость воспроизводства теонормативных оснований фундаментальных правовых аксиом, сохранение религиозной доктрины свободы и достоинства личности, восстановление значимости нравственных и этических стандартов в государственно-правовой практике. Другими словами, альтернативой дискурсу нестабильности и рискогенности в проектировании со-

циально-правового будущего общественной системы предлагается доктрина цивилизационной гармонизации национально-культурных, теонормативных и социально-технологических доминант правового развития современного общества.

При этом ключевым, с точки зрения современной консервативно-правовой доктрины, является процесс гармонизации традиционных элементов социально-нормативной системы (правовые традиции и обычаи, теонормативные концепты и модели, нравственные стандарты и ценности, моральные и этические нормы [13]) с социально-технологическими новациями (потребности технологического развития), новыми стандартами поведенческого инжиниринга (норма и модели цифрового взаимодействия) и алгоритмическими системами (предикативной юстиции, автономного социального мониторинга и проч., основанные на системах ориентированного машинного обучения), порожденных цифровой эпохой.

Значимость консервативных теоретико-правовых разработок и ориентации в правовой политике государства на моделирование гармоничного социально-правового развития общества обусловлены необходимостью снижения эффектов нестабильности и доминирования негативного образа будущего в развитии общественных систем, а также формированием необходимых теоретико-практических инструментов, обеспечивающих гармонизацию инновационных элементов с традиционной ценностно-нормативной системой, для обеспечения прогнозируемого, устойчивого и стабильного процесса трансформации государственно-правовой организации общества в цифровую эпоху.

При этом данные разработки должны, по нашему убеждению, выступить необходимой теоретико-методологической основой для формулирования предложений по совершенствованию юридической техники (юридической фиксации новых видов общественных отношений, специфического взаимодействия, опосредованного цифровыми агрегаторами и т. п.) и опережающего правового моделирования (создание доктринально-правовых рамок, приоритетов и направлений государственно-правовой эволюции, особых правовых режимов развития общественных отношений в различные

рискогенные периоды – долговременных вирусных эпидемий, геополитической напряженности, санкционной политики, цифрового-технологического противоборства и т. п.).

Почему мы видим в консервативно-правовом дискурсе потенциал по разрешению современных противоречий общественного развития и восстановлению стабильности государственно-правового развития? Ответ достаточно прост, постольку последний формирует такую мировоззренческую установку, согласно которой любое развитие должно опираться на воспроизводящиеся из поколения в поколение устойчивые социокультурные доминанты и традиционные институты. Более того, консервативно-правовой стиль мышления ориентирует на гармонизацию различных нормативных элементов в обществе с целью формирования позитивного образа правопорядка [10] и сохранения национально-культурных характеристик последнего [15], что, несомненно, является необходимым защитным механизмом от доминирования рационально сконструированных и симулятивных правовых состояний общественных систем.

Консерватизм ориентирован на сохранение традиционной ценностно-нормативной системы и ее различных элементов, которые не «тормозят» развитие, а включают инновации в приемлемые рамки, обеспечивающие устойчивость и целостность трансформации общественной системы под воздействием глобальных, технологических, биологических и иных вызовов и угроз. Именно консерватизм ориентирован на сглаживание кардинальных трансформаций, поскольку здесь традиционные ценности и интересы общественного единства сочетаются или гармонизируются с новыми потребностями общества, вновь возникающими ценностями, что обеспечивает динамический характер последнего. В специализированной литературе уже достаточно давно аргументирован этот динамический характер консерватизма [1], что его развитие обеспечивается этим процессом гармонизации и согласования, «развития на основе традиции» [17], постоянного обновления консерватизма в зависимости от требований и вызовов эпохи [5].

Кроме того, консерватизм всегда заинтересован в традиционном институте государства, который не только обеспечивает фундамен-

тальные социальные, политические, гражданские и иные права, свободы и законные интересы граждан и человека, но и обеспечивает защиту привилегированных и элитарных слов общества. В принципе, как показала пандемия коронавируса COVID-19, это единственный институт, который обеспечил защиту и поддержку различным социальным стратам, сохранив стабильность и относительную устойчивость различных процессов (экономических, политических, экологических и проч.). Справедливо отмечается в современных исследованиях, что, с одной стороны, консерватизм – это государственно-правовая доктрина и программа, обеспечивающая защиту общественных интересов и национального единства посредством охраны традиционных институтов (семьи, взаимопомощи, справедливости и проч.); а с другой – «это идеология и политическая программа имущих и образованных слоев общества. Им есть что терять как в плане собственности, так и социального статуса. Они заинтересованы в сильном государстве и дееспособных институтах (собственность, суд, вооруженные силы, защита правопорядка), которые способны сохранить этот статус и дать гарантии на будущее» [5, с. 34].

Далее сделаем важное замечание: консервативно-правовая мыследеятельность принципиально отличается как от фундаментализма, так и традиционализма, которые ориентированы на регрессивную трансформацию социально-правовой жизни общества, т.е. восстановление изначальной универсальной правовой традиции, утраченных когда-то в прошлом (в зависимости от общественной системы в каждой есть такой золотой век / стандарт идеального социально-правового развития) форм и моделей правового устройства, характера и направленности общественных отношений. Считаем, что последние две ориентации в восприятии социально-правовой трансформации общества являются неадекватными для современной нестабильной и рискогенной эпохи общественного развития, ведут к радикализации политико-правовой и социально-экономической организации общества, формируют крайне негативное отношение к принимаемым реформам или проектам совершенствования правового регулирования с учетом цивилизационных и геополитических вызовов.

Консервативно-правовая модель: нормативные и праксиологические аспекты. Содержательно характеризуя консервативно-правовую модель адаптации и гармонизации традиционных элементов социально-нормативной системы с социально-технологическими новациями, следует выделить два вектора ее построения – вертикальный и горизонтальный.

Первый вектор представляет собой многоуровневую модель, где архитектурно выстроены социокультурные и религиозные доминанты, ценностно-нормативные и институциональные основания общественной системы, а также интегративный уровень – правовую целостность. Выделение данных уровней выступает аналитическим инструментом, позволяющим рассмотреть, с одной стороны, взаимодействие различных социально-нормативных элементов (традиционных и инновационных), с другой – рассмотреть правовую целостность общества в ее динамике и статике, с третьей – разработать адекватные механизмы обеспечения стабильного и устойчивого развития правовой организации общества в эпоху цифровых трансформаций и геополитических вызовов.

Аналитическая модель многоуровневой структуры включает в себя: 1) базовый, скрытый уровень правовой культуры общества, содержащий социокультурный и религиозный фундамент действующей социально-нормативной системы (культур-цивилизационные образы и символы, предправовые нравственные и религиозные ценности и установки, «перво-нормы», содержащиеся в национальных и религиозных притчах, культурных мифах и других элементах исторической памяти); 2) уровень обыденно-традиционного и религиозного восприятия правовой действительности, который включает доминирующие и значимые правовые обычаи и традиции, нравственно-духовные доминанты и стандарты взаимодействия, эмоционально-психологические стереотипы, универсальные модели, а также специфические стили этнонационального мышления; 3) уровень институциональной организации правовой системы, который анализируется в двух направлениях: первое – это доктринально-правовая и ценностно-нормативная организация, действующее законодательство и юриди-

ческая практика, второе – это система юридических учреждений и правового оформления, функционирующих социальных институций; 4) уровень правокультурной целостности и духовно-нравственной преемственности [16].

Второй вектор представляет собой действующую систему социально-нормативного регулирования на данном этапе развития и функционирования общественной системы. При этом автор предлагает теоретико-методологический подход, согласно которому стабильность социального и правового порядка, воспроизводство правокультурной целостности, устойчивость развития общественной системы и обеспечения национальной безопасности главным образом зависят от гармонизации всех ценностных и нормативных элементов традиционного и инновационного характера.

Кроме того, понять специфику функционирования современного права и государственно-правовой организации, а тем более осуществить моделирование образа социально-правового будущего общества, в том числе внедрить и гармонизировать инновационные элементы в функционирование правовых институтов и учреждений, невозможно без учета как собственно юридических, так и метаюридических (религиозных оснований правового мышления, теонормативных моделей справедливости и праведности, национальных правовых традиций и обычаев, этнокультурных доминант и предправовых кодексов поведения и т. д.) основ государственно-правовой организации конкретного общества. Последние особенно важны в эпоху цифровой трансформации властно-управленческой деятельности, юридической практики, качественного изменения общеправовых и отраслевых правовых принципов, нормативных моделей поведения и приоритетов правового развития.

Консервативно-правовое мышление в этом аспекте не отрицает объективность, значимость и ценность внедрения и использования цифровых технологий и иных новаций Индустрии 4.0, тем не менее отстаивает позицию гармоничного согласования религиозных и правовых традиций с технологическими и другими инновациями, их последующей конвергенции («втягивания инноваций» в правокультурную традицию общества). Именно последнее обеспечивает преемственное и устойчивое правовое развитие

общества, поэтапное качественное обновление национальной правовой системы, сохранение суверенных, национально-культурных и теонормативных характеристик последней.

Причем теонормативные основания консервативно-правового типа правопонимания обеспечивают гармоничное сочетание как традиционной (религиозной, цивилизационной и этнокультурной) основы общественной системы, так необходимых новаций, связанных с формированием новых социальных потребностей и интересов. Такое тесное взаимодействие традиционной ценностно-нормативной иерархии и социально-нормативных регуляторов становится консервативными национальными элементами, которые обеспечивают сохранность культурной уникальности, целостности стабильности российского общества в цифровую эпоху, в период острых биотехнологических вызовов и вирусных угроз.

Последнее ориентировано на духовно-нравственное кодирование правых институтов и юридической деятельности, публичных институтов власти, функционирования важнейших корпоративных структур и техногигантов, что обеспечивает необходимую связь данных социальных институций не только с изменчивыми общественными интересами и потребностями, но и с ответственностью, с одной стороны, за следования устойчивым национальным нравственным стандартам и моральным императивам, а с другой – за сохранение последних в ходе объективных процессов обновления в институционально-нормативной организации. Консервативная позиция значима в политико-правовой динамике, поскольку опирается на ментально-культурные основания общества, которые выражаются в культурных первообразах и устойчивых представлениях, а также нормативно-ценностных ориентациях, задающих образцы общественно-политической жизнедеятельности людей и модели публично-властного взаимодействия.

Каждая современная правовая система выступает нетипичным феноменом, сочетающим все эти векторы правовой эволюции, где доминирующим выступает какой-либо из одних векторов развития, как правило, фиксируемом на конституционном (в основных законах страны или конституционно-правовых обычаях) и доктринально-правовом уровнях. В этом плане

консервативный тип правовой мыследеятельности учитывает как достаточно устойчивые элементы (аксиологические и нормативные), так и динамические (практики взаимодействия), выступая сложным и многоуровневым социальным феноменом.

В этом плане еще раз подчеркнем, что наиболее адекватным современным цивилизационным вызовам и угрозам, цифровым, биологическим и технологическим вызовам выступает консервативный тип правопонимания, формирующий смешанный (нетипичный), интегративный тип правовой мыследеятельности человека и общества. Здесь данный нетипичный, смешанный тип правопонимания сочетает:

1) аксиологический вектор в понимании права, где в зависимости от цивилизационной специфики доминируют или универсальные правовые ценности (например, естественно-правовой подход к пониманию правовых феноменов), или национально-этнонациональные ценности (цивилизационный подход к праву, феноменологический и др.), или религиозные ценности и догматы (теологический подход);

2) позитивистский вектор понимания права, выражающийся в различных форматах правовой структуризации и государственно-нормативного кодирования развития общественных отношений – формально-юридический, юридический социологизм и проч.;

3) правокультурный вектор понимания права как целостной и сложноорганизованной социально-нормативной системы регулирования общественных отношений (антропологический, социологический, герменевтический подходы к пониманию права).

Выводы. Консервативно-правовой вектор трансформации публично-правовой жизни общества направлен на формирование адекватных и органичных культуре институтов власти, государства, права, конкретно-исторических политико-правовых форм организации отношений, отвечающих интересам и ценностям общества, в том числе ориентирован на гармонизацию традиционных и инновационных социально-нормативных регуляторов, общественных моделей взаимодействия и т. п.

Оригинальность и значимость данного вектора социально-правовой мыследеятельности заключаются в ориентации на обеспе-

чение ключевых качественных характеристик правокультурной целостности – темпорального и цивилизационно-пространственного единства, институциональной стабильности основополагающих социальных институтов и нормативных комплексов (права, религии, морали, правовых обычаев и этнонациональных традиций), а также гармоничной адаптации и со-развития традиций и инноваций.

Последнее связано с многоуровневым механизмом «укоренения» нового институционально-правового опыта, и формирование инновационных нормативных комплексов происходит посредством доминирующей в обществе ценностно-нормативной матрицы, через «национальную призму» преимущественно-воспроизводимых когнитивных установок и эмоционально-психологических готовности. Именно последние позволяют с наименьшими социальными и управленческими «издержками» адаптировать институциональные, инструментальные или технологические новации к сложившейся политико-правовой действительности и ценностно-нормативному укладу конкретного общества.

Литература

1. *Аверьянов, В. В.* Традиция и динамический консерватизм [Текст] / В. В. Аверьянов. – Москва : Центральный изд. дом: ИДК, 2012. – 695 с.
2. *Бек, У.* Власть и ее оппоненты в эпоху глобализации. Новая всемирно-политическая экономия [Текст] / У. Бек. – Москва : Прогресс-Традиция, 2007. – 459 с.
3. *Зубофф, Ш.* Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти [Текст] / Ш. Зубофф. – Москва : Изд-во института Гайдара, 2022. – 784 с.
4. *Карпа, Ф.* Экология права. На пути к правовой системе в гармонии с природой и обществом [Текст] / Ф. Карпа, У. Маттеи. – Москва : Изд-во Института Гайдара, 2021. – 328 с.
5. Консерватизм и развитие. Основы общественного согласия / под ред. Б. И. Макаренко. Москва : Центр политических технологий, 2015 [Электронный ресурс] // URL: https://mir-knig.com/read_418159-1
6. *Кочетков, А. П.* «Цифровой транзит» публично-властных отношений: общие и элитарные характеристики [Текст] / А. П. Кочетков, А. Ю. Мамычев, А. Ю. Мордовцев // Азиатско-тихоокеанский регион: экономика, политика, право. – 2022. – Т. 24, № 1. – С. 109–134.
7. *Кравченко, С. А.* Риски в нелинейном глобальном социуме [Текст] : монография / С. А. Кравченко; Московский гос. ин-т международных отношений (МГИМО (У) МИД РФ). – Москва : Анкил, 2009. – 220 с.
8. *Крусс, В. И.* Личностные («соматические») права человека в конституционном и философско-правовом из-

мерении: к постановке проблемы [Текст] / В. И. Крусс // Государство и право. – 2000. – № 10. – С. 43–50.

9. Лаврик, М. А. Правое Тело. Соматические права человека: взгляд из Сибири [Текст] / М. А. Лаврик. – Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 2007. – 228 с.

10. Мальцев, Г. В. Социальные основания права [Текст] / Г. В. Мальцев. – Москва : Норма; Инфра-М, 2011. – 799 с.

11. Марченко, М. Н. Государство и право в условиях глобализации [Текст] / М. Н. Марченко. – Москва : Проспект, 2017. – 399 с.

12. Мордовцев, А. Ю. Российский правовой менталитет [Текст] / А. Ю. Мордовцев, В. В. Попов. – Ростов-на-Дону : Изд-во ЮФУ, 2007. – 448 с.

13. Обычное право России: теоретико-правовой и историко-правовой аспекты [Текст] : монография / Р. Л. Хачатуров, Р. О. Авакян, Т. М. Айтберов и др. ; под ред. Р. Л. Хачатурова. – Москва : Юрлитинформ, 2019. – 468 с.

14. Овчинников, А. И. Правовое мышление в герменевтической парадигме [Текст] : монография / А. И. Овчинников; науч. ред. П. П. Баранов ; Ростов. гос. ун-т. – Ростов-на-Дону : Изд-во Ростов. ун-та, 2002. – 285 с.

15. Овчинников, А. И. Теории национальной безопасности [Текст] / А. И. Овчинников, А. Ю. Мамычев, А. Г. Кравченко. – Москва : РИОР, 2011. – 252 с.

16. Правокультурные основы исследования государственной власти: теоретико-методологические, историко-правовые и ценностно-нормативные аспекты [Текст] : монография. – Москва : Юрлитинформ, 2014. – 477 с.

17. Тихомиров, Л. А. Монархическое начало власти [Текст] / Л. А. Тихомиров. – Москва : Изд-во М. Б. Смолина (ФИБ), 2018. – 439 с.

18. Хабермас, Ю. Расколотый запад [Текст] / Ю. Хабермас. – Москва : Весь мир, 2008. – 186 с.

19. Хомский, Н. Государство будущего [Текст] / Н. Хомский. – Москва : АНФ, 2012. – 100 с.

20. Честнов, И. Л. Постклассическая теория права [Текст] : монография / И. Л. Честнов. – Санкт-Петербург : АЛЕФ-Пресс, 2012. – 649 с.

References

1. Averyanov, V. V. Tradition and dynamic conservatism [Text] / V. V. Averyanov. – Moscow : Central Publishing House: IDK, 2012. – 695 p. [in Russian].

2. Beck, U. The government and its opponents in the Era of globalization. The new world-political economy [Text] / U. Beck. – Moscow : Progress-Tradition Publ., 2007. – 459 p. [in Russian].

3. Zuboff, Sh. The Era of supervisory capitalism. The battle for the human future on the new frontiers of power [Text] / Sh. Zuboff. – Moscow : Publishing House of the Gaidar Institute, 2022. – 784 p. [in Russian].

4. Karpa, F. Ecology of Law. On the way to a legal system in harmony with nature and society [Text] / F. Karpa, U. Mattei. – Moscow : Publishing House of the Gaidar Institute, 2021. – 328 p. [in Russian].

5. Conservatism and development. Fundamentals of social consent / edited by B. I. Makarenko. – Moscow : Center for Political Technologies, 2015 [Electronic resource] // URL: https://mir-knig.com/read_418159-1 [in Russian].

6. Kochetkov, A. P. “Digital transit” of public-power relations: general and elite characteristics [Text] / A. P. Kochetkov, A. Yu. Mamychev, A. Yu. Mordovtsev // Asia-Pacific region: economics, politics, law. – 2022. – Vol. 24, No. 1. – P. 109–134 [in Russian].

7. Kravchenko, S. A. Risks in a nonlinear global society [Text] : monograph / S. A. Kravchenko ; Moscow State Institute of International Relations (MGIMO (U) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation). – Moscow : Ankil Publ., 2009. – 220 p. [in Russian].

8. Kruss, V. I. Personal (“somatic”) human rights in the constitutional and philosophical-legal dimension: towards the formulation of the problem [Text] / V. I. Kruss // State and Law. – 2000. – No. 10. – P. 43–50 [in Russian].

9. Lavrik, M. A. The Body is Right. Somatic human rights: a View from Siberia [Text] / M. A. Lavrik. – Irkutsk : Publishing House of Irkutsk University, 2007. – 228 p. [in Russian].

10. Maltsev, G. V. Social foundations of law [Text] / G. V. Maltsev. – Moscow : Norma; Infra-M Publ., 2011. – 799 p. [in Russian].

11. Marchenko, M. N. State and law in the context of globalization [Text] / M. N. Marchenko. – Moscow : Prospect Publ., 2017. – 399 p. [in Russian].

12. Mordovtsev, A. Yu. Russian legal mentality [Text] / A. Yu. Mordovtsev, V. V. Popov. – Rostov-on-Don : Publishing House of the Southern Federal University, 2007. – 448 p. [in Russian].

13. Customary law of Russia: theoretical-legal and historical-legal aspects [Text] : monograph / R. L. Khachaturov, R. O. Avakian, T. M. Aitberov, etc.; edited by R. L. Khachaturov. – Moscow : Yurlitinform Publ., 2019. – 468 p. [in Russian].

14. Ovchinnikov, A. I. Legal thinking in the hermeneutical paradigm [Text] : monograph / A. I. Ovchinnikov; scientific ed. P. P. Baranov ; Rostov State University. – Rostov-on-Don : Publishing House of the Rostov State University, 2002. – 285 p. [in Russian].

15. Ovchinnikov, A. I. Theories of national security [Text] / A. I. Ovchinnikov, A. Yu. Mamychev, A. G. Kravchenko. – Moscow : RIOR Publ., 2011. – 252 p. [in Russian].

16. Legal and cultural foundations of the study of state power: theoretical and methodological, historical and legal and value-normative aspects [Text] : monograph. – Moscow : Yurlitinform Publ., 2014. – 477 p. [in Russian].

17. Tikhomirov, L. A. The monarchical beginning of power [Text] / L. A. Tikhomirov. – Moscow : Publishing House of M. B. Smolin, 2018. – 439 p. [in Russian].

18. Habermas, Yu. Split West [Text] / Yu. Habermas. – Moscow : The Whole World Publ., 2008. – 186 p. [in Russian].

19. Chomsky, N. The State of the Future [Text] / N. Chomsky. – Moscow : ANF Publ., 2012. – 100 p. [in Russian].

20. Chestnov, I. L. Postclassical theory of law [Text] : monograph / I. L. Chestnov. – St. Petersburg : ALEF-Press, 2012. – 649 p. [in Russian].

Поступила в редакцию 30.05.2022

Received May 30, 2022

Ковкель Наталья Францевна,
кандидат юридических наук, доцент, доцент
кафедры международного экономического
права, Учреждение образования «Белорусский
государственный экономический
университет», руководитель проекта «Между-
народный институт философско-правовых
исследований», 220070, Республика Беларусь,
г. Минск, пр. Партизанский, д. 26,
email: natfrkov@mail.ru

Kovkel, Natalia F.,
PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor at the Department
of International Economic Law,
Belarus State Economic University,
Project Leader, Project 'International Institute
of Philosophical-Legal Studies',
26 Partizansky Ave., Minsk, 220070,
Republic of Belarus,
email: natfrkov@mail.ru

НАРРАТОЛОГИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА РАЗВИТИЯ СЕМИОТИКИ ПРАВА

NARRATOLOGICAL PERSPECTIVE OF DEVELOPMENT OF THE SEMIOTICS OF LAW

АННОТАЦИЯ. В статье анализируются перспективы развития современной семиотики права, предложенные представителями ее основных направлений – пирсеанского, греймасианского, деконструктивно-критического. Определяются возможности развития семиотики права в логической, дискурсивной, деконструктивно-критической и мультикультурной перспективах. Основное внимание уделяется исследованию формирования и развитию нарратологической перспективы. Изучается становление правовой нарратологии в семиотике права и научном движении «Право и литература», устанавливаются основные сферы исследования нарративов в праве. Потенциал нарратологической перспективы семиотики права определяется через необходимость предельного расширения круга анализируемых дискурсивных правовых практик (предлагается их авторская классификация и обозначаются новые направления нарратологического исследования); смену глоттоцентристской парадигмы мультимодальной, учитывающей все неязыковые правовые знаки и знаковые системы (естественные, образные, действия, записи и символические); включение правовых нарративов во все модели правового семиозиса, особенно интерпретативные; пересечение и взаимообогащение с критическим дискурс-анализом и когнитивным подходом.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: семиотика права; основные направления семиотики права; правовой нарратив; правовая нарратология; правовой дискурс; мультимодальность; модели правового семиозиса; критический дискурс-анализ.

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Ковкель, Н. Ф. Нарратологическая перспектива развития семиотики права [Текст] / Н. Ф. Ковкель // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. – 2022. – Т. 9, № 2. – С. 37–57. – DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-2-5.

ABSTRACT. The article analyzes the prospects for the development of modern semiotics of law, proposed by representatives of its main directions – Peircean, Greymasian, deconstructive-critical. The possibilities of developing the semiotics of law in the logical, discursive, deconstructive-critical, and multicultural perspectives are determined. The main attention is paid to the study of the formation and development of the narratological perspective. The formation of legal narratology in the semiotics of law and the scientific movement 'Law and Literature' is studied, the main areas for the study of narratives in law are determined. The development potential of the narratological perspective of the semiotics of law is determined through the need to expand the range of analyzed discursive legal practices to the limit (their author's classification is proposed and new directions of narratological research are indicated); changing the glottocentric paradigm to a multimodal one that takes into account all non-linguistic legal signs and sign systems (natural, figurative, of actions, of records, and symbolic); the inclusion of legal narratives in all models of legal semiosis, especially interpretative ones; intersection and mutual enrichment with critical discourse analysis and cognitive approach.

KEYWORDS: semiotics of law; main directions of semiotics of law; legal narrative; legal narratology; legal discourse; multimodality; models of legal semiosis; critical discourse analysis.

FOR CITATION:

Kovkel, N. F. Narratological Perspective of Development of the Semiotics of Law [Text] / N. F. Kovkel. *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU*. – 2022. – Vol. 9, No. 2. – P. 37–57 (in Russian). – DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-2-5.

Семиотики права, подобно общим семиотикам, стремились определить перспективы развития данной научной отрасли уже с момента ее возникновения. Представляется, что такая ситуация обусловлена прежде всего метадисциплинарным и допарадигмальным статусом семиотики права, непродолжительным периодом ее существования, а также отсутствием концептуального, методологического и теоретического единства. Представители большинства направлений семиотики права определяют эти перспективы по-разному. Их анализ необходимо предварить замечанием о том, что современное состояние семиотики права, интенсивное становление которой начинается в 70–80-е гг. XX в., характеризуется многообразием научных векторов и необычайно широким охватом проблем. Следует согласиться с мнением Яна Брукмена и Ларри Бэкера о том, что история семиотики права, насчитывающая уже более века, по настоящее время так и не написана. В отличие от большинства авторов, они обнаруживают ее истоки в основании кафедры юридических значений Амстердамского университета еще в 1916 г. [20, с. VII]. Практически отсутствуют и исследования по типологизации ее направлений. Нам известна только одна работа Б. Джексона «Правовая семиотика и семиотические аспекты юриспруденции», в которой исследованы семиотические предпосылки юриспруденции в творчестве Дж. Остина, Г. Л. А. Харта, Г. Кельзена, Р. Дворкина, представителей американского правового реализма и школы Критических правовых исследований (CLS), а также лаконично обозначены даже не направления семиотики права, а «философско-правовые подходы, явно использующие формы семиотики» [32, с. 5–18]. При этом автор специально оговаривает этноцентричный характер своего исследования и его ориентацию на ранний период развития семиотики права, охватывающий 70–90-е гг. XX в. В ряде работ нами были выделены и проанализированы особенности следующих основных направлений современной семиотики права: пирсеанского, греймасианского, аналитического, риторико-прагматического, деконструктивно-критического, социологического и социолингвистического, культурологического [5; 9; 14; 40]. На сегодняшний день можно констатировать становление мультимодального и цифрового направлений.

Уже основоположница пирсеанского направления семиотики права, профессор Пенсильванского университета Роберта Кевельзон, которая внесла значительный творческий и организационный вклад в развитие данной науки, стремилась обозначить перспективы ее развития. Сущность семиотической методологии Ч. С. Пирса, или спекулятивной риторики, Р. Кевельзон видела в исследовании эволюции значения во всех дискурсивных практиках через анализ последовательной интерпретации знаков и накопления смысла в открытом, динамичном процессе коммуникации [38, с. 355]. Метод «семиотического запроса» стремится «1) учитывать различные дисциплинарно-специфические методы исследования и 2) развивать из этих разнообразных тем дискурса общие принципы объединяющего характера» [37, с. 4]. В этой связи Р. Кевельзон рассматривает семиотику права как метадисциплину, способную обеспечить строгость методологии и сформировать новый язык для изучения проблем юридической науки, объединить самые разнообразные подходы к исследованию права [37, с. 2]. Семиотика права перспективна для анализа сложного и открытого, практически ничем не ограниченного процесса юридической интерпретации и всех ситуаций поиска смыслов в праве [38, с. 355–356]. Основной вектор ее дальнейшего развития определяется Р. Кевельзон как применение к анализу правового мышления и правового дискурса целого ряда различных логик: 1) формальной логики, анализирующей дедуктивное, индуктивное и абдуктивное рассуждение; 2) деонтической логики; 3) эротетической логики вопросов и ответов [39, с. 6–7]. Р. Кевельзон закладывает традицию плюралистичного и динамичного подхода к пониманию права, характерную для всего дальнейшего развития семиотики права. «Подобно тому, как существует не одна идеальная правовая система, а скорее правовая система как актуальная сеть конкурирующих и конфликтующих правовых подсистем», так существует и «не один тип правового дискурса, но противоречащие друг другу модели правового рассуждения», которые взаимодействуют и сосуществуют в одном и том же обществе в один и тот же исторический период. Например, «модель дедуктивного правового обоснования преследует отличную цель, нежели модель ин-

дуктивного правового обоснования», и обе модели отличны от гипотетического правового обоснования [39, с. 10]. Однако особые надежды Р. Кевельзон возлагает на эротетическую логику, которая принципиально отлична от наиболее часто применяемой к анализу правовых норм деонтической логики. Она справедливо замечает, что «в то время как и деонтические, и эротетические структуры предполагают диалогические отношения, только эротетическая модель правильно указывает на то, что право потенциально проблематично и носит характер вопроса скорее, чем команды, или абсолютной данности. Предполагаемая данность, как подчеркивает Пирс, только гипотетическая и поэтому открыта для метода интерпретации, который, по сути, является методом создания нового права» [38, с. 360]. Для дальнейшего развития семиотики права особенно важно то, что предметом анализа прагматики Ч. С. Пирса являются высказывания как ценностно нагруженные знаки, имеющие практическое значение. В связи с тем, что право является открытой и динамичной ценностной системой, все правовые «суждения могут быть рассмотрены как временные, способные к реинтерпретации и реформации» [38, с. 355].

Соглашаясь с Р. Кевельзон, необходимо подчеркнуть значимость предельно широкого подхода к логической перспективе развития семиотики права. В ряде работ мы применяли к анализу правового мышления разнообразный спектр средств и правил формальной и неформальных логик (деонтической, алетической, теории человеческого взаимодействия и др.), в т. ч. к формализации правовых высказываний [40, с. 69–104 и др.]. Определяя возможности дальнейшего развития данной перспективы, следует прежде всего указать на потенциал теорий аргументации. В процессе анализа аргументативно-правовых дискурсов, от неоднородных правотворческих до разнообразных правореализационных, важно разрабатывать новые логические модели юридической аргументации [27], опираясь как на простейшую статическую модель С. Тулмина, так и на сложные диалогические модели Г. Праккена [48–51]. Представляется, что особую значимость имеет и использование потенциала логики оценок. Известно, что все усилия логиков по ее созданию, начиная от логики сравнительных оценок,

построенной Д. Дэвидсоном, Дж. Маккинси и П. Саппсом в 1948 г., а также логик абсолютных и инструментальных оценок, предложенных А. А. Ивиным в 1968 и 1970 гг., и заканчивая их последними версиями [2], хоть и продуктивны, но не являются бесспорными. Тем не менее, если применение логики оценок не позволяет эффективно разрешить аксиологические противоречия правового мышления, то может усовершенствовать процесс их обнаружения, анализа и поиска возможных компромиссов. Наконец, представляется возможным построение особой, интерпретативной логики, и ее продуктивное применение к анализу процессов юридической интерпретации. Интерпретативная логика может быть построена по типу неформальной логики. Однако это требует дополнительных усилий со стороны прежде всего логиков.

Представители второго ведущего направления семиотики права, греймасианского, развивают прежде всего ее нарратологическую и дискурсивную перспективы. Данное направление семиотики права возникло на основе французского структурализма, в связи с чем тесно связано не столько с логикой и анализом правового мышления, сколько с лингвистикой и психологией, анализом речевых и психологических смыслопорождающих процессов в правовом дискурсе. Его основоположником является Альгирдас Греймас, разработавший семионарративный подход к анализу глубинных структур значения. Данную линию успешно продолжил профессор права Ливерпульского университета Бернард Джексон, обогативший методологию семионарративного анализа права рядом психологических и социологических способов научного исследования. В 2011 г. в программной коллективной монографии «Перспективы правовой семиотики» Б. Джексон следующим образом определил «основные гипотезы» для ее дальнейшего развития: 1) «референция» в рамках правовой системы является внутридискурсивной и неспособной к проверке на основании корреспонденции; 2) параллельно с развитием прагматического измерения юридического дискурса возможно и необходимо развивать его семантическое измерение через «нарративизацию прагматики»; 3) необходимо пристальное внимание к разнообразию «семиотических групп», действу-

ющих в рамках правовых систем, и особенностям «правовой культуры» каждой из них; 4) понятия «нормативность» и «истина» в рамках правовой системы – просто претензии, их значимость и правдоподобие можно описать только с помощью семиотики, но не следует приписывать им никакого особого онтологического статуса [32, с. 18–21]. Однако пояснение второй гипотезы, предложенное автором, позволяет заключить, что за пределы судебного дискурса Б. Джексон применение семионарративной теории А. Греймаса не распространяет. Между тем в контексте нашего видения правовой нарратологии необходимо предельно широко применять нарративный анализ, включая и актантную модель А. Греймаса, к самым разнообразным видам юридического дискурса, а не только к судебному.

Анализируя перспективы развития греймассианского направления семиотики права, необходимо вспомнить творчество еще одного его известнейшего представителя – Яна Брукмена. В опубликованной в 2016 г. монографии «Значение, нарративность и реальность» он разработал оригинальный подход к динамике значения и смысла в праве и юридическом дискурсе. Я. Брукмен исходит из глоттоцентристской позиции – «право связано исключительно с лингвистической артикуляцией», в которой значение играет ключевую роль [19, с. 38]. «Траектория правовой семиотики, – утверждает Я. Брукмен, – ведет от недоверия к слову к осознанию динамики значения, основанного на функциональном понимании выразительности во времени и пространстве, между поверхностью языка и уровнями его глубинного порождения» [19, с. 41]. Он исследует контекстуальную изменчивость значения, подчеркивая зависимость значения от «социальных условий и привычек, а не от стабильных фиксаций связей между знаком/словом и объектом/вещью», в первую очередь «указывая на динамику процесса создания смысла» в праве [19, с. 38–41]. Критикуя позицию восприятия слова как наименьшей и базовой единицы языка, Я. Брукмен подчеркивает контекстуальность слова, его зависимость от текста. «Право – это тексты; юридическая деятельность – это в значительной степени написание и интерпретация того, что уже было написано. Слово никогда не бывает само по себе, точно

так же, как знак не является знаком, когда он расположен сам по себе» [19, с. 142]. Большое внимание Я. Брукмен призывает уделять глубинной структуре юридических текстов, отмечая их недостаточную изученность. Более того, теории объяснения знака и означающего «не рассматривают какие-либо аспекты глубинных структур текстов, речи и языка. Обратите внимание, что они не изучали какие-либо *генотекстовые* особенности, хотя они не менее важны, чем *фенотекстовые*» [19, с. 145]. Я. Брукмен методологически ориентирован на анализ текста, поскольку только «текст, который понимается как единство поверхностных и глубинных структур, может получить доступ к пониманию знаков в действии и означающих в функционировании юридического дискурса» [19, с. 146]. Однако, по мнению автора, недостаток теории в праве является препятствием для изучения глубинных структур юридических текстов, речи и языка. Основной юридический дискурс «определяет границы дисциплины и дискурса, но не дает свободы ставить вопросы и проводить углубленный анализ за пределами своих границ» [19, с. 195]. Сложно согласиться с категоричным выводом о слабости правовой теории, но тенденцию к самоограничению правовой культуры, языка и нарративов в праве необходимо глубоко исследовать.

Среди всех предложенных перспектив развития семиотики права основной, под лозунгом которой она развивалась вплоть до конца первого десятилетия XXI в., стала деконструктивно-критическая. Эта перспектива была обозначена профессором Йельской школы права Джеком Балкиным в резонансной статье «Обещание правовой семиотики», опубликованной в 1991 г. [17]. Об этом свидетельствуют многочисленные ссылки в научной литературе и материалы международного «круглого стола» по семиотике права, проходившего в 2008 году в Булонь-сюр-Мер (Франция), обзор которых представили Софи Каччагида-Фахи и Аннабель Муни. Авторы обозначили «обещание правовой семиотики» как возможность применения в юридических исследованиях более ригористичной методологии [23, с. 382]. «Теоретическая и практическая польза семиотики по отношению к праву заключается в критическом уточнении правовых концептов и юридическое обоснования» [23, с. 386]. В указанной статье

Дж. Балкин задается вопросом о политических последствиях семиотики права и перспективах ее развития. Он соглашается с профессором Джереми Полем в том, что ценность семиотического исследования состоит в возможности рассмотрения права в культурной перспективе, однако отрицает позицию, не признающую связи семиотики права с прогрессивной политикой [17, с. 1831]. Анализируя данную связь и проблему ценностей в семиотико-правовой перспективе, он вводит понятия «идеологического дрейфа» и «деконструктивного переворота» политических, моральных и правовых идей. Представляется, что введение в научный оборот и анализ данных понятий является значительным методологическим вкладом Дж. Балкина в развитие как деконструктивно-критического, так и иных направлений семиотики права. Под «идеологическим дрейфом» Дж. Балкин понимает возможность использования идей и ценностей в различных исторических контекстах как прогрессивно, так и консервативно. «Идеологический дрейф» происходит потому, «что политические, моральные и правовые идеи существуют и могут быть созданы только через публичные знаки, которые должны быть способны к повторению и воспроизводству в разнообразных наборах новых моральных, правовых и политических контекстов» [17, с. 1833]. Феномен «идеологического дрейфа» предполагает, что правовые, моральные и политические идеи и ценности не являются прогрессивными или консервативными сами по себе, но используются в этом качестве в конкретных исторических условиях, т. е. могут быть переосмыслены и изменены. Всегда можно представить «по крайней мере некоторые из способов, которыми прогрессивная идея может быть обращена к реакционным целям даже в тот самый момент, когда она общепризнанна как глубоко связанная с прогрессивной политикой» [17, с. 1833]. Дж. Балкин утверждает, что «история деконструируется», потому что именно история обеспечивает те контекстуальные изменения, в которых используются политические, моральные и правовые идеи и ценности. Таким образом, историческая деконструкция и связанный с ней феномен «идеологического дрейфа» демонстрируют контекстную природу указанных идей и ценностей, обусловленную диахронной функцией знака [17, с. 1834]. «Де-

конструктивным переворотом» Дж. Балкин называет возможность использования правовых, моральных и политических идей и ценностей в радикально различных политических целях в один и тот же исторический период. В отличие от «идеологического дрейфа», «деконструктивный переворот» обусловливается синхронной функцией знака [17, с. 1834].

Наряду с аксиологической проблематикой в данной статье Дж. Балкин осуществляет семиотический анализ правовой аргументации и правовой аутентичности. Исследуя особенности правовой аргументации, он вводит понятие «кристаллической», или даже «фрактальной структуры правового дискурса» – «базовой структуры морального и политического выбора», которая «повторяется на каждом уровне дискурса, так что в больших масштабах структура напоминает мелкомасштабную структуру, как в случае с некоторыми типами кристаллов» [17, с. 1835–1836]. Кристаллическая структура правовой мысли предполагает множество доктринальных выборов, которые не согласованы друг с другом. Отсутствие согласованности в правовой, моральной и политической мысли, ее неснижаемая антиномичность обусловлены их ценностной нагруженностью. Дж. Балкин отмечает, что «правовая семиотика полезна, потому что она позволит нам прояснить скрытую напряженность в праве и помочь в дальнейшем совершенствовании наших моральных и правовых интуиций» [17, с. 1836]. Исследуя проблему аутентичности правового дискурса, Дж. Балкин утверждает, что семиотик права стремится обнаружить «грамматику» правового дискурса – приемлемые ходы, доступные в языковой игре правового дискурса: «...семиотик прослеживает способ, которым система производит значение, и если он полностью усвоил постструктуралистскую критику, он пытается увидеть пробелы или неопределенности в структуре, много разных уровней, на которых могут возникать риторические тропы, и множество возможных путей переписать их» [17, с. 1845].

Отдельная работа Дж. Балкина посвящена анализу проблем использования практики деконструкции в семиотико-правовых и иных юридических исследованиях. В ней анализируется аргумент деконструкции в контексте его применения к нормативным дискурсам, а

также в качестве особой риторической юридической практики [16]. Следует отметить перспективность деконструкции для дальнейшего развития семиотики права и согласиться с мнением А. Вагнер и Я. Брукмена о том, что «режим деконструкции отнюдь не является следствием Деррида или символом постмодернизма; скорее, он составляет существенную часть семиотического подхода к праву» [59, с. XI]. При этом для русскоязычной аудитории особенно важно подчеркнуть критический и позитивный потенциал деконструкции, который не всегда имеется в виду в процессе ее критики.

В 2011 г. была опубликована коллективная монография с многообещающим названием «Перспективы правовой семиотики». Она ознаменовала смену призрачных «обещаний» Дж. Балкина достаточно определенными и множественными перспективами семиотики права. В предисловии к ней редакторы – Анна Вагнер и Ян Брукмен – подчеркнули особую связь «новой школы правовой семиотики» с герменевтической правовой традицией и популярной американской школой Критических правовых исследований (CLS), которая позволила в первую очередь сфокусироваться на критическом анализе трактовки и реализации справедливости в различных правовых дискурсах и привела к подрыву требования когерентности правовой доктрины. Вывод о ее радикальной неопределенности сыграл значительную роль в понимании правовых исследований как серии принципов и контрпринципов, правил и исключений, профильной политики и контрастной политики [59, с. V–VI]. Семиотика права ориентировалась на глубокий анализ политических ситуаций, без которого не может быть осознанным нарушение согласованности в правовой концептуализации. «Право в семиотической перспективе – дискурс власти, и эта формула открывает новые измерения» [59, с. VI]. А. Вагнер и Я. Брукмен подчеркивают, что для семиотики права было значимо исследование того, «как люди оправдывают и легитимируют власть прямо или косвенно через право», а также понимание права как «удивительно пластичного медиума дискурса о власти и осуществления власти» [59, с. VI]. Однако новые перспективы, обусловленные слиянием, смешением и бурной динамикой современных правовых систем, означают, «что право-поли-

тические отношения больше не находятся на переднем плане рассмотрения права в свете семиотики и больше не создается резких контрастов между двумя дискурсами» [59, с. VIII–IX]. Таким образом, новая семиотическая перспектива анализа права означает, что от его понимания как особого дискурса власти, прежде всего – ее легитимации, в результате глобализации и мультикультурализма перешли к исследованию множественности и динамики правопорядков, правовых дискурсов и их коммуникативных эффектов. Новые перспективы семиотики права ставят под сомнение традиционные определения или краткие описания права как дискурса норм или команд, и ориентируют исследователей на трактовку права в качестве «всеобъемлющего языка», конструирующего разнообразные социальные институты и практики [59, с. X]. При этом особый акцент в семиотическом подходе к праву делается на метафоре языка и осознании права в качестве мультикультурного феномена, что «требует широкого мышления и решения моральных вопросов как культурных составляющих» права [59, с. X]. Целью любой семиотической деятельности признается интерпретация знаковых систем, создающих смысл в сердце каждого паттерна культуры, а взаимозависимость права и культуры усматривается не только в том, что «право должно иметь моральное значение для культурно неоднородного населения», но и в том, что оно «должно быть в состоянии говорить с теми, чьи претензии оно в настоящее время не признает» [53, с. 517].

В ряде работ мы также характеризовали ряд перспектив развития семиотики права: культурологическую, мультикультурную, мультимодальную, когнитивную и др. В рамках данной статьи будет анализироваться нарратологическая в контексте новой исследовательской парадигмы, которую следует рассматривать «как часть более значительных тектонических сдвигов в культурологической архитектуре знания, сопровождающих кризис модернистской эпистемологии» [1, с. 29]. «В большинстве гуманитарных дисциплин, – отмечают Й. Брокмейер и Р. Харре, – позитивистская философия, которая вела к серьезным искажениям в понимании науки, подверглась резкой критике, что открыло новые горизонты для интерпретативных исследований, фокусирующихся на социальных,

дискурсивных и культурных формах, противостоящих бесплодным поискам законов человеческого поведения» [1, с. 29]. Одним из первых представителей семиотики права, начавших исследовать данную перспективу, был Б. Джексон, который уже в конце 80-х гг. XX в. сформулировал некоторые проблемы исследования нарративов в правовом дискурсе [30–34].

Особый интерес вызывает представленная в известной коллективной монографии «Нарратив в культуре» (1990) глава «Нарративные теории и правовой дискурс». В ней Б. Джексон анализирует различные варианты использования нарратива в юридическом контексте и предлагает собственную версию их взаимосвязи. Он концентрирует внимание преимущественно на судебном дискурсе и исследует роль нарратива в риторической презентации судебного дела, оценке вероятности и правдоподобия звучащих в судебном процессе речей, особенно свидетельских показаний, а также представленных в нем документов, преимущественно – судебных решений. Пристальное внимание Б. Джексон уделяет роли нарратива в психических процессах участников судебных заседаний, в принятии и обосновании судебных решений. В итоге он предлагает интегрированную модель, которая «принимает семиотику в качестве своей общей концептуальной структуры» и благодаря «акценту на нарративной конструкции прагматического, а также семантического измерения юридического дискурса» дает параллельные описания построения и обоснования фактов и права внутри и вне судебных процессов [34, с. 23]. Б. Джексон анализирует особенности «функционирования семантического и прагматического уровней, а также место нарративных теорий обоих уровней в социальном и психологическом конструировании реальности» [34, с. 33–34]. В частности, он выделяет социолингвистический, тематический и структурный уровни правового дискурса. «Социолингвистический уровень включает в себя как способ выражения текста (устного или письменного), так и содержание конкретного дискурса, и относится исключительно к тому, что некоторые семиотики называют «поверхностным» (v. «глубоким») уровнем текста, или «уровнем проявления». Тематический уровень – это совокупность социальных знаний, организованных в нарративных тер-

минах, независимо от конкретного способа их выражения в конкретном случае. По определению, этот уровень нарративного содержания должен быть социально и культурно обусловленным. «Однако можно заявить, – настаивает Б. Джексон, – и это делается в некоторых семиотических теориях, что понятность такого дискурса определяется (хотя и не объясняется в достаточной степени) универсальным уровнем значения, который является основной структурой дискурса, называемой здесь структурный уровень» [34, с. 34]. Движение от тематического к структурному уровню Б. Джексон уподобляет движению от теории Владимира Проппа к теории Альгирдаса Греймаса, первая из которых сводила большое количество народных сказок в определенной культуре к вариациям на конечное число тем, а вторая рассматривала эти темы как проявления более абстрактной универсальной структуры значения. «Таким образом, мы можем различить как форму, так и содержание высказывания, содержательные схемы, вызываемые им, и лежащие в его основе структуры, делающие его понятным» [34, с. 34].

На структурном уровне исследования правового дискурса Б. Джексон обращается к семионарративной теории А. Греймаса, используя ее в эпистемологических целях. Известно, что путем повторного анализа русских народных сказок и выведенной из них В. Проппом 31 нарративной структуры, А. Греймас создал более абстрактную, общую (и, как он утверждал, универсальную) актантную модель. Вдохновленный Фердинандом де Соссюром и Луи Ельмслевым, он рассматривал эту модель в сочетании с парадигматическим уровнем как представляющую глубокий уровень всего дискурса. Актантная модель состоит из нарративной синтагмы, включающей три элемента: постановка целей («контракт»), достижение (или недостижение) этих целей («исполнение») и признание исполнения (или неисполнения) целей («признание»). Согласно А. Греймасу, в нарративной синтагме задействован следующий набор актантов: субъект-объект, отправитель-получатель, помощник-оппонент. Отправитель делает получателя «субъектом» истории, сообщая ему цель. В достижении этой цели («объекта») или выполнении этой задачи субъекту может помогать «помощник» или мешать «оппонент». В конце синтагмы находится еще один

коммуникативный элемент – отправка и получение признания того, что произошло. Актанты и функции, составляющие семионарративный уровень, могут быть выражены на уровне манифестного дискурса множеством акторов (реальных людей в социальной жизни, «персонажей» в литературе), каждый из которых может играть разные актантные роли. Наша способность осмыслить социальное действие, реальное или литературное, обусловлена, по мнению А. Греймаса, именно тем фактом, что эти базовые структуры лежат в основе дискурса.

Б. Джексон применяет актантную модель к анализу судебного дискурса и призывает к нарративизации прагматики судебного процесса, анализируя практику судов общего права. В частности, он отмечает, что судебная «битва» происходит не столько между сторонами судебного процесса, сколько между свидетелями, подвергаемыми адвокатами прямым и перекрестным допросам. «В терминах греймасовской нарративной синтагмы свидетель – это субъект, перед которым поставлена «цель – выполнить задачу убеждения суда в истинности определенных суждений. У него есть помощник и противник. Помощник является защитником стороны, вызвавшей свидетеля, и начинает допрос свидетеля в “дружелюбной” манере; действительно, суд обычно не разрешает ему/ей заниматься “враждебным” допросом свидетеля его/ее собственной стороны. Оппонент является адвокатом противной стороны, который проводит “перекрестный допрос”. Таким образом, субъект повествовательной синтагмы подвергается испытанию; позднее это признается в заключении судьи и, наконец, хотя и менее явно, в решении суда» [34, с. 36]. При этом Б. Джексон вполне осознает все недостатки и ограничения данного анализа. Он указывает, что, во-первых, теория А. Греймаса не претендует на достаточное описание всех семиотических характеристик «уровня проявления». Во-вторых, она исходит из различия между актантами и актерами. Например, противостоящие защитники (актеры на уровне проявления) могут играть роли (как актанты) помощника и противника в нарративной синтагме. Ясно, что каждый регулярно меняется от помощника к противнику по мере того, как свидетели другой стороны занимают позицию. Но они могут в то же самое время играть и другие роли. У каж-

дого есть еще и личная задача – продвигаться по карьерной лестнице, производя впечатление на судью. В этом контексте он/она является субъектом. Даже на «глубоком» уровне анализа судебный процесс можно рассматривать как серию перекрывающихся состязаний. Таким образом, «жюри наблюдает за соревнованием, понимает соответствующие цели участников, формирует суждение о том, кто “победил”, то есть преуспел в цели убеждения, и признает этот факт. Именно эту историю – историю прагматики судебного процесса – наблюдают судья или присяжные; только благодаря этому процессу они получают доступ к фактам, истинность или ложность которых должна быть установлена; и возможность этой последней цели зависит от понятности того, чем она опосредована, – прагматики судебного разбирательства» [34, с. 37].

Б. Джексон особо отмечает невозможность разделения семантического и прагматического измерений текста, или, иными словами, его семиотических и риторических черт. Цель и аудитория неизбежно влияют на дискурсивную структуру, и теория А. Греймаса вовсе не исключает прагматику из семиотики, как это иногда представляется. Риторика не предлагает здесь модели, противоречащей роли связности повествования в построении истины. Риторические практики просто проявляют второй уровень повествования, который Б. Джексон называет «историей суда» в отличие от «истории, рассказанной в суде». «Эта «история судебного процесса» также подвержена ограничениям связности повествования, как и «история (рассказанная) в судебном процессе». Ибо «история суда» – это, в сущности, еще одна часть человеческого действия, ничем не отличающаяся по своему характеру от «истории (рассказанной) в процессе» [34, с. 37]. И каждая история связности повествования должна учитывать нарративизацию прагматики.

В американской юридической традиции нарратология формируется не столько в рамках семиотики права, сколько в достаточно разнообразном движении «Право и литература». Некоторые исследователи полагают, что данное движение развилось в качестве критической реакции на экономический анализ права, стремившийся обосновать рационализацию выбора в судебном процессе [36; 42; 43

и др.]. В частности, Грета Олсон отмечает, что в своем «последнем проявлении американское движение “Право и литература” возникло в 1970-х годах из-за разочарования в том, что считалось социальным и судебным консерватизмом зарождавшегося движения “Право и экономика”» [42, с. 341]. Однако более верным представляется широкий взгляд Джули Петерс, которая в 2005 г., в период появления множества исторических обзоров данного движения, вызванных его дисциплинарным кризисом, утверждала, что «Право и литература» возникло как из потребности литературоведов найти новые прикладные аспекты своих исследований, так и из желания юристов заниматься этическими и гуманитарными вопросами в юридической практике, образовании и теории. Необходимо отметить, что в этой работе Дж. Петерс пришла к выводу о том, что движение «Право и литература» превзошло рамки своих первоначальных вопросов, а также свой бинарный междисциплинарный характер: оно может выжить, только трансформировавшись во множество более инклюзивных междисциплинарных направлений [46, с. 442]. Одним из них и является правовая нарратология, исследующая роль нарратива в области права и юридической науки.

Первый крупный симпозиум по юридической нарратологии в США был проведен в 1995 г. в Йельской школе права. По его итогам опубликован первый сборник эссе и комментариев [41], высоко оцененный в юридической науке. Его известные редакторы, профессор сравнительного литературоведения Питер Брукс и профессор права Пол Гевирц, выразили надежду на большое будущее нарратологии в области права. В рецензии Ричарда Познера на данный сборник также высоко оценивались перспективы правовой нарратологии, отмечалась всепроникающая роль нарратива. «Нарратив везде: в истории, в биографии, в литературе, в мифах и в большинстве религий. Он играет меньшую, но все же важную роль и в других областях, включая изобразительное искусство, философию и даже экономику, где “история”, в отличие от формальной модели, – это имя, используемое для неформального, интуитивного объяснения, которое часто действительно повествует об экономическом явлении» [47, с. 737–747]. Р. Познер указал на колоссальное

значение нарративов в судебном процессе, правовой интерпретации, юридической науке и др.

Однако по прошествии нескольких десятилетий сложно констатировать, что правовая нарратология оформилась в зрелое научное направление. Вслед за Гретой Олсон необходимо признать, что исследование нарративности и нарративов в юридическом дискурсе охватывает далеко не все правовые дискурсивные практики, а именно: 1) нарратив в судебном дискурсе, и прежде всего – конкуренцию различных нарративов участников судебных процессов в правовых системах общего и континентального права; 2) правовой нарратив в литературе или риторике, при этом один тип исследований – «право в литературе» – направлен на критику правовых процессов с использованием альтернативной этики, предлагаемой литературными текстами, а другой – «право как литература» – анализирует право как риторику и читает юридические тексты филологическими средствами; 3) правовые нарративы разнообразных уязвимых групп, чьи интересы слабо либо вообще не представлены в праве и не совпадают с доминирующими правовыми нарративами. Данное направление получило мощный импульс развития от школы Критических правовых исследований (CLS) и широко представлено критическими нарративами расовых исследований, феминистской юриспруденции, гендерно-правовых и интерсекциональных исследований и др.; 4) нарратив в различных правовых интерпретационных процессах; 5) исследования метауровня, связанные с изучением взаимосвязи юридических и культурных нарративов [43]. При этом преобладание нарративных исследований в судебном дискурсе принято объяснять драматической структурой состязательного процесса в судах общего права и опорой обвинения и защиты на противоречивые доводы [22, с. 14–17; 24, с. 44–46]. П. Брукс утверждает, что само право имплицитно признает силу рассказывания историй в зале суда посредством «формул, с помощью которых право пытается навязать истории форму и правило» [22, с. 19]. Именно воспринимаемая полнота историй, рассказанных в судебных процессах, и их очевидное соответствие нормам юридического обоснования определяют, будут ли они рассматриваться как правдоподобные. В традиции общего права это

включает в себя принцип *stare decisis*; в традиции романо-германского права правдоподобие основано на предполагаемой ясности, последовательности и согласованности, с которой применяется закон.

Очевидно, что указанные сферы исследования нарративов в праве и о праве охватывают лишь некоторые дискурсивные практики и нуждаются в существенном расширении. Представляется, что это связано не только с проблемами междисциплинарного взаимодействия и различия культурных традиций. В связи с последним уместно вспомнить критику Греты Олсон, которая отметила «неуместную опору на американские модели науки во многих производных исследованиях европейского права и литературы. ... Коллеги перенимают вопросы, сюжеты и основные тексты американских исследований в области права и литературы, не обращая внимания на то, что эти элементы не обязательно совпадают с их собственными очень разными правовыми культурами и местной литературой» [42, с. 339]. Она связывает это с относительно недавним возникновением правовой нарратологии и неизбежностью заимствований в таких случаях. Однако вряд ли «англо-американский состязательный процесс обеспечивает общую сюжетную линию для всех юридических нарративов, – утверждает Г. Олсон, – ... Американская наука исходит из универсальности системы состязательного судебного разбирательства, повсеместного распространения дебатов о том, как интерпретировать Конституцию и множество вопросов социальных и гражданских прав, которые влечет за собой такая интерпретация, а также из традиции общего права спорить на основе прецедентов» [42, с. 339].

Столь сложное становление правовой нарратологии связано прежде всего с особенностями правового языка и правового дискурса. Необходимо согласиться с П. Бруксом, который отметил следующее. «С одной стороны, кажется, что право пронизано нарративом и основано на нарративной конструкции реальности. С другой стороны, тщетно искать какое-либо признание в правовой доктрине того, что нарратив является одной из категорий права для придания ему смысла. Создается впечатление, что нарратив в значительной степени представляет собой необъятность права: его

нетeorетизированное или даже вытесненное содержание. Или, может быть, точнее: можно обнаружить, что право действительно признает свои связи с нарративом, но реагирует на них с беспокойством и подозрением, так что пренебрежение нарративом как правовой категорией, возможно, является актом вытеснения...» [21, с. 415]. Представляется, что основная проблема заключается в том, что, в отличие свободного и динамичного формирования значений в естественном языке, на котором обычно излагаются нарративы, правовой язык стремится ограничить эту динамику, навязать обществу статичные значения, формализовать свободное смыслообразование. А это явно противоречит исследовательским возможностям нарратива, которые «сложным образом переплетены с самой нашей изменчивой действительностью – с текучим материалом и символической реальностью наших действий, сознаний и жизни. По-видимому, не последней функцией нарратива, – подчеркивают Й. Брокмейер и Р. Харре, – является его способность наделять человеческое существование особой открытостью и пластичностью. Таким образом, мотивом – а возможно и лейтмотивом – изучения нарративных реальностей должно быть исследование свойства предельной открытости дискурсивного сознания, а также раскрытие многоликих форм культурного дискурса, в котором оно реализуется» [1, с. 40].

Действительно, право стремится ограничить «свою теорию, свою языковую вселенную, ее метафизические якоря и ее взгляд на реальность надлежащей определяющей силой» [19, с. 197]. Это приводит к тому, что «глубинным смыслом юридического текста всегда является текст; это значение никогда не выйдет за рамки того, что институционально закреплено как принадлежащее праву и/или выражающее правовой дискурс» [19, с. 197]. И существенно препятствует исследованию правовых нарративов, особенно имплицитных. «Право иллюстрирует тот факт, что значение, по-видимому, определяется контекстом и отношением и играет важную роль в потоке изменений. ... Юридическое значение – это исключительный случай определения, которое никоим образом не соответствует значению в универсальном смысле слова» [19, с. 242]. Тот факт, что юридические значения являются «продуктом категоризации,

фиксации и принятия решений», ставит под сомнение даже статус интерпретации в праве. Интерпретация продуктивна только «в языке, где значения не фиксируются и функционируют как маркеры в потоке жизни в пуле знаков». Юридическая интерпретация похожа на ритуал и является «источником мощного позитивизма в поддержании смысла в праве» [19, с. 242].

Важным и необходимым условием дальнейшего развития как правовой нарратологии в целом, так и нарратологической перспективы семиотики права является предельное расширение круга исследуемых дискурсивных практик. Основная проблема заключается в том, что в современной правовой дискурсологии не разработана детальная типология разнообразных правовых дискурсов. Представляется, что решение данной проблемы возможно на основе анализа структуры правового языка. В современной правовой лингвистике не выработан единый подход к его структурированию. Многообразии различных научных взглядов на данную проблему было обобщено нами следующим образом. Первые работы, посвященные проблематике структурирования правового языка, стали появляться в различных европейских странах со второй половины 40-х гг. XX в. В большинстве из них использовались два ключевых понятия – «язык права» и «правовой язык». Например, в польской юриспруденции эта дихотомия была введена в научный оборот В. Врублевским в работе «Язык права и правовой язык», опубликованной в Кракове в 1948 г. Он предложил язык права (*język prawny*) понимать как язык законодателя, т. е. язык, на котором сформулированы тексты нормативных правовых актов, а правовой язык (*język prawniczy*) – как весь остальной язык, на котором юристы говорят о праве [63, с. 38–56]. При этом В. Врублевский особо подчеркивал языковые отличия текстов нормативных правовых актов от всех иных правовых текстов, и тем самым – отличие языка права от правового языка. В 60–70-е гг. XX в. эта исходная дихотомия была конкретизирована другими исследователями. Так, С. Вронковска и З. Зембиньский выделили в рамках языка права язык правовых предписаний и язык правовых норм [62, с. 40; 64, с. 27]. В частности, З. Зембиньский отмечал, что язык права всегда выступает в двух разно-

видностях: в непосредственном виде как язык правовых предписаний, надлежащим образом изданных или признанных государством, и в опосредованном виде как язык правовых норм, которые выводятся из правовых предписаний [64, с. 27]. В свою очередь К. Опалек и Й. Врублевский разделили правовой язык на язык правовой практики и язык правовой науки [44, с. 40]. Обобщающий термин – «язык права *sensu largo*» (*język prawny sensu largo*), охватывающий язык права и правовой язык, был предложен Т. Гизбертом-Студницким [28, с. 224]. Аналогичные термины использовались в немецкоязычной и англоязычной юридической литературе. В исследованиях немецких авторов чаще всего использовались термины «*juristische Sprache*» или «*juristische Fachsprache*», однако встречались и иные термины, например, «*Gesetzessprache*», «*Rechtssprache*». Следует отметить неопределенность значений некоторых из них, породившую ряд терминологических несогласованностей в немецкой правовой лингвистике. Большинство исследователей под терминами «*juristische Sprache*» и «*juristische Fachsprache*» понимало любые языковые проявления в области права, т. е. как язык текстов источников права, так и язык судебных и административных решений, язык правовой науки и т. д. Таким образом, можно провести синонимичную параллель между этими терминами и термином «правовой язык *sensu largo*» в польской юриспруденции. Термином «*Gesetzessprache*» немецкие ученые обозначали язык текстов нормативных правовых актов, что позволяет утверждать их соответствие терминам «язык права», «язык закона». Термин «*Rechtssprache*» использовался в различных значениях и не получил однозначного определения. В англоязычной литературе также встречаются различные термины, значение которых далеко не всегда четко определено. Однако дихотомия в виде «*legal language*» – «*language of the law*» или «*juristic language*» присутствует и здесь. Таким образом, приведенный анализ показывает, что правоведы стремились в первую очередь выделить язык текстов нормативных правовых актов и иных источников права из всего комплекса юридического языка. В дальнейшем в качестве самостоятельных элементов его структуры стали называться язык правовой практики, язык юридической науки и др.

В 80–90-е гг. XX в. структура правового языка была значительно усложнена и стала определяться по самым разнообразным критериям. Например, широкое распространение в немецкой правовой лингвистике получила классификация «слоев» юридического языка, предложенная В. Отто. Он выделил следующие элементы его структуры: 1) язык законов (общие правовые нормы, предназначенные законодателем как для юристов-профессионалов, так и для лиц, не обладающих специальными юридическими знаниями); 2) язык судебных решений; 3) язык юридической науки и экспертиз (комментарии и обсуждение специальных правовых вопросов специалистами, адресованные специалистам); 4) язык ведомственного письменного общения; 5) административный жаргон (неофициальное обсуждение правовых вопросов специалистами) [45, с. 51]. В. Отто подчеркивал, что выделенные им «языковые слои» в структуре юридического языка отличаются друг от друга в первую очередь мерой определенности, точности и лаконизма выражения правовых понятий и предписаний. Польский исследователь Т. Гизберт-Студницкий выделил следующие виды правовых текстов, в которых наиболее ярко проявляется специфика правового языка: 1) тексты нормативных правовых актов; 2) тексты судебных и административных решений; 3) тексты правовой догматики; 4) тексты, формулируемые в процессе осуществления широко понимаемой правовой деятельности [29, с. 33–35]. Он также отметил, что возможна дальнейшая классификация внутри указанных групп. Например, тексты нормативных правовых актов с точки зрения их языковых особенностей могут быть разделены на тексты законов и тексты подзаконных актов. Особый акцент Т. Гизберт-Студницкий сделал на то, что различные виды правовых текстов функционируют в различных социолингвистических ситуациях, т. е. исходят от различных отправителей, адресованы различным получателям, существуют в различных социальных контекстах и т. д. В современной правовой лингвистике достаточно распространено структурирование правовых текстов по критерию сфер юридической деятельности, в которых они создаются и функционируют. По этому критерию выделяют правотворческие тексты (тексты различных источников права),

административные тексты (ведомственные документы, корреспонденция) и тексты, связанные с осуществлением правосудия (судебные решения, экспертизы, показания, иски и др.) [25, с. 16–17]. Приверженец данной классификации Л. Эриксен замечает, что относительная самостоятельность законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти неизбежно приводит и к относительной самостоятельности их специальных языков [25, с. 17]. В правовой лингвистике были предложены и иные, нелингвистические и неюридические критерии структурирования правового языка. С. Шарчевич, исходя из логического критерия прескриптивности-дескриптивности текста (прескриптивный текст предписывает, а дескриптивный описывает), выделяет три типа юридических текстов: 1) первично прескриптивные тексты (законы, распоряжения, договоры); 2) смешанные тексты, являющиеся в первую очередь дескриптивными, но содержащие и прескриптивные элементы (иски, заявления); 3) дескриптивные тексты (научная, учебная литература) [54, с. 9].

При решении проблемы структурирования правового языка мы учли целый комплекс критериев: юридических, лингвистических, формально-логических и семиотических. Исходя из данных критериев, в структуре правового языка целесообразно выделить следующие элементы: 1) тексты источников права; 2) правореализационные, и прежде всего правоприменительные, правовые тексты; 3) правовая речь правотворческого, правоинтерпретационного и правореализационного процессов (как профессиональная, так и обывательская); 4) научные и учебные правовые тексты; 5) научная правовая речь и правовая речь образовательного процесса. Указанные первичные элементы структуры правового языка неоднородны и подлежат дальнейшей структуризации. Первый структурный элемент – тексты источников права, в свою очередь делится на группы: тексты нормативных правовых актов, тексты судебных и административных прецедентов, тексты нормативных правовых договоров, доктринальные правовые тексты и канонические тексты как источники права. Второй структурный элемент правового языка – правореализационные правовые тексты, имеет еще более сложное строение. Он объединяет разнообразные тексты

правоприменительных и иных правореализационных актов, которые в свою очередь делятся на подгруппы. Так, группа правоприменительных актов делится на подгруппы судебных, административных и других правоприменительных текстов. В эту группу входят также тексты иных правореализационных актов (исковых заявлений, договоров и др.). Третий структурный элемент правового языка – правовая речь правотворческого, правоинтерпретационного и правореализационного процессов, причем как профессиональная, так и обыденная. Под профессиональной правовой речью следует понимать все виды речи юристов-профессионалов, функционирующей в правовых и связанных с правом социолингвистических ситуациях. Обыденная правовая речь охватывает все виды речи непрофессионалов на правовую или связанную с правом тематику. Четвертый структурный элемент правового языка составляют научные и учебные правовые тексты. В подгруппу научных правовых текстов представляется возможным включить собственно научные тексты, в которых исследуются те или иные правовые проблемы. В данную группу целесообразно также включить научно-популярные тексты. В подгруппу учебных правовых текстов входит разнообразная учебная литература правового характера: учебники, учебные пособия, учебно-методические пособия и т. д. Пятый структурный элемент правового языка составляют научная правовая речь и правовая речь юридического образовательного процесса. Научная правовая речь охватывает речь ученых-юристов, звучащая при обсуждении научных проблем в процессе защиты диссертаций, на научных конгрессах, конференциях, семинарах и т. д. А правовая речь, функционирующая в образовательном процессе, включает как речь педагогов в процессе преподавания юридических или тесно связанных с ними дисциплин, так и речь студентов, слушателей, учащихся и школьников, изучающих данные дисциплины [6; 10].

Исходя из предложенной нами структуры правового языка, возможно классифицировать юридические дискурсы на следующие виды и подвиды: 1) правотворческий дискурс, в котором существуют такие подвиды как законодательный, прецедентный, нормативно-договорной, канонический и доктринальный дискурсы; 2) письменный и устный правоприменительный дискурс, в котором возможно выделить такие подвиды как судебный, полицейский, административный и др.; 3) профессиональный и обыденный правореализационный дискурс, причем как письменный, так и устный; 4) научный юридический дискурс; 5) образовательный юридический дискурс. Более того, юридический дискурс тесно связан с иными видами дискурса: политическим, дискурсом масс-медиа, научным, педагогическим, религиозным, бытовым, художественным и др. В этой связи необходимо учитывать как корреляционные связи, так и специфику указанных дискурсивных практик. В процессе исследования правовых нарративов необходимо всегда иметь в виду их тесную связь с политическими нарративами и политическим дискурсом.

Следует отметить, что большинство правовых дискурсов, за исключением судебного, отчасти правотворческого и правоинтерпретационного, не подвергнуты нарративному анализу. Между тем полицейский, договорной, научный, учебный и многие иные виды правового дискурса представляют колоссальный интерес для исследователей. Особое внимание необходимо уделить непрофессиональным дискурсам и нарративам о праве. В этой связи важно упомянуть, что в опубликованной в 2017 г. монографии «Правовой разговор как означающее» Ян Брукмен вместе с Фрэнком Флиеракерсом продолжили анализировать проблему нарративов в праве посредством изучения прежде всего непрофессиональных разговоров о праве. Авторы поставили под сомнение «наше понимание множества элементов, составляющих право, и его многочисленных значений, которые необходимо открыть, раскрыть или критически обсудить» [18, с. VI]. Они изучают следующие важные проблемы: разрыва между повседневным и профессиональным юридическим языком, его многочисленных последствий для понимания права и осуществления юридической практики; подразумеваемых паттернов казуистики и причинности в праве; языка права, создающего факты; абсолютизма в юридической практике и юриспруденции; специфики правового дискурса, а также «право, встроенное в основные нарративы, включая различие между долингвистическими, лингвистическими и постлингвистическими мастер-нарративами» [18, с. VII].

Значимым направлением дальнейшего развития нарратологической перспективы семиотики права видится выход за рамки глоттоцентристского подхода, т. е. исследование нарративов, выраженных посредством невербальных правовых знаков. В разработанной нами классификации правовых знаков и знаковых систем это естественные, образные, знаки действия и символические правовые знаки [11 и др.]. За многими из них могут быть обнаружены как микро-, так и макроправовые нарративы, эксплицитные и имплицитные и т. д. В частности, использование флагов в самых разнообразных ситуациях содержит как микроправовой нарратив отдельного человека или социальной группы, так и макронарратив целого народа. Глубокий анализ нарративов, скрытых за разнообразными невербальными правовыми знаками, позволит существенно расширить предмет исследования правовой нарратологии.

Следующим направлением развития нарратологической перспективы представляется встраивание нарратива в структуры правового семиозиса и правового дискурса. Так, в качестве элементов структуры правового семиозиса нами были выделены и проанализированы следующие: 1) адресант (отправитель) правового знака; 2) адресат (получатель) правового знака; 3) правовой знак (совокупность знаков); 4) коды (языки) адресанта и адресата; 5) контексты, в которых создается и интерпретируется правовой знак (совокупность знаков); 6) коммуникативный канал; 7) тематическое поле; 8) коммуникативная компетенция адресанта и адресата. На основании данной общей модели нами построены разнообразные специальные конструкции правового семиозиса: правотворческие, правосистематизационные, правоинтерпретационные, правоприменительные и др. [7; 11, с. 38–59; 12; 13, с. 103–132]. В данные модели целесообразно включить осознаваемые и неосознаваемые, эксплицитные и имплицитные правовые нарративы, тесно связанные со всеми их элементами.

Особое значение для анализа интерпретативных процессов имеет разработанная нами семиотическая модель правовой интерпретации, состоящая из следующих элементов: 1) интерпретатор (субъект); 2) правовой знак или их совокупность (система) (объект интерпрета-

ции); 3) код (язык), используемый интерпретатором; 4) контекст, в котором осуществляется интерпретационный акт; 5) интерпретационная компетенция субъекта и адресанта; 6) адресант (отправитель) правового знака; 7) код (язык) адресанта; 8) контекст, в котором создавался правовой знак. Данная модель позволяет по-новому исследовать основные проблемы правовой интерпретации, особенно в цифровом мире: расширить и усложнить объект интерпретации, иначе рассмотреть субъекта правовой интерпретации, учесть коды и контексты интерпретатора и адресанта. Модель демонстрирует, что интерпретатор включен в сложные, трансформирующие его самого и осуществляемую им деятельность связи не только с объектом интерпретации, но и с кодом, на котором осуществляется интерпретация, с контекстом, в котором она протекает. Очевидна также его взаимосвязь и взаимовлияние и с адресантом правового знака, использовавшимся им кодом и контекстом, в котором правовой знак создавался. Особое внимание уделяется нами интерпретационной компетенции субъекта и адресанта, определены их структуры и специфика функционирования. Представляется, что для данной модели особое значение приобретает использование нарративов. При этом важно анализировать не только эксплицитный нарратив, выявляемый интерпретатором, но и имплицитные нарративы, содержащиеся в контекстах, кодах, иных элементах модели.

В ряде работ мы отмечали, что среди современных подходов к анализу процесса интерпретации как в общей семиотике, так и в иных социогуманитарных науках, особый интерес для исследования правовой интерпретации представляет семиотическая стратегия интерпретативного сотрудничества, разработанная Умберто Эко. Согласно данной стратегии, необходимым условием адекватной интерпретации текста является «диалектика прав» текста и интерпретатора. «Права текста» связываются с интенцией текста – понятием, введенным в семиотику У. Эко с целью ограничить произвольность интерпретации. Именно данный аспект особенно важен для анализа интерпретативных процессов в праве, поскольку одной из его ключевых проблем является проблема свободы интерпретации и ее пределов. У. Эко исходит из того, что поиск интенции реально-

го автора текста не следует признавать целью интерпретации. Вместо реального автора под интенцией текста предполагается «образцовый автор», а точнее – образцовая «текстовая стратегия, определяющая семантические корреляции и требующая, чтобы ей подражали» [15, с. 12]. Обязательным условием извлечения смысла из текста называется выявление его буквального значения, и только затем – свобода интерпретации. Это предполагает диалектичное видение текста, который сочетает в себе заданность и неопределенность. Таким образом, в самом процессе порождения текста предусмотрены способы его интерпретации, а читатель как активное начало – это часть процесса порождения текста. У. Эко вводит в теорию семиотики понятие «модель читателя» (М-Читатель). Под ним подразумевается читатель, который сможет интерпретировать выражения текста точно в таком же духе, в котором автор их создавал [15, с. 26]. С целью демонстрации интерпретационного сотрудничества автора и читателя, У. Эко формирует модель уровней текста – иерархическую схему операций, осуществляемых при интерпретации текста. Иначе говоря, пытается представить «идеальный текст» как некую систему «узлов» и «сплетений» и установить, в каких из них ожидается и стимулируется сотрудничество-сотворчество М-Читателя. Структурные уровни модели «идеального текста» – это так или иначе идеальные стадии процесса его порождения и/или интерпретации. За основу У. Эко берет модель Я. Петефи TeSWeST, в которой удачно сочетаются интенциональный и экстенциональный подходы, дополняя ее актантными структурами А. Греймаса и идеями Т. А. ван Дейка. Однако У. Эко намеренно отказывается от жесткой последовательности и иерархии этапов сотворчества Читателя. Он подчеркивает, что движение между уровнями возможно в любых направлениях, именуется уровни «ящичками», чтобы подчеркнуть непредсказуемость и разнонаправленность движения в процессе интерпретации [15, с. 38]. В качестве отдельного элемента этой модели У. Эко выделил нарративные и актантные структуры.

Исходя из методологического подхода и модели У. Эко мы разработали модель уровней-операций, осуществляемых при интерпретации различных видов правовых текстов. Предло-

женная нами модель состоит из одиннадцати, а не десяти, как у У. Эко, уровней интерпретации текстов. К ним относятся: 1) линейная манифестация правового текста, его лексемная поверхность; 2) обстоятельства высказывания и интерпретации; 3) коды и субкоды; 4) интертекстуальные фреймы; 5) структуры правового дискурса; 6) экстенционалы, взятые в скобки; 7) повествовательные и побудительные структуры; 8) предвидения и инференциальные прогулки; 9) актантные структуры; 10) элементарные аксиологические структуры; 11) мироструктуры [13 и др.]. При этом особое внимание уделяется анализу правовых кодов и субкодов (3), интертекстуальных правовых фреймов (4), структур правового дискурса (5), повествовательных и побудительных структур (7) и правовых аксиологических структур (10). В имплицитной или эксплицитной формах нарративы присутствуют на большинстве уровней данной модели, играя в ней особое значение. В этой связи особенно перспективным представляется нарратологический анализ каждого уровня модели.

Развитие критического направления правовой нарратологии возможно через ее взаимодействие с критическим дискурс-анализом (КДА). Невзирая на непродолжительный период своего существования, КДА уже обрел статус самостоятельной академической дисциплины и широко используется в европейской политологии и юриспруденции. В качестве специфических характеристик этого направления исследований большинство авторов указывает междисциплинарность и критичность [26; 35, с. 34–35; 52, с. 87–88; 55, с. 62; 60; 61, с. 7–10]. Междисциплинарный характер КДА позволяет интегрировать такие разнообразные способы изучения структур и стратегий дискурса как: грамматический (фонологический, синтаксический, лексический и семантический) анализ, прагматический анализ речевых и коммуникативных актов, риторический, стилистический анализ, анализ специфики (жанровой и иной) дискурсивных структур, конверсационный анализ разговора, семиотический анализ звукового, визуального материала и других мультимодальных параметров дискурса. Критичность КДА означает намеренный отказ от объективности научного исследования, вскрытие идеологизированных и зачастую неявно выражен-

ных структур власти, политического контроля и доминирования. В этой связи основоположник социокогнитивного направления КДА Т. А. ван Дейк замечает, что «исследователи в области КДИ признают и выражают их собственную исследовательскую заинтересованность и общественную позицию. Они не только научно обосновывают свой выбор темы и приоритетов исследования, теорий, методов и данных, но делают это также по социально-политическим основаниям. Они изучают социальные проблемы или формы неравенства не просто потому, что они представляются им “интересными” предметами исследования, но также и потому, что они эксплицитно заинтересованы в социальных изменениях в пользу подчиненных групп» [57, с. 42]. Целью КДА открыто провозглашается дискурсивное вмешательство в различные социальные практики для защиты дискриминируемых социальных групп. Представляется, что такой же подход продуктивен и для развития критического направления в правовой нарратологии. Выше мы уже отмечали некоторые группы исследований, проведенных в данном направлении. Однако их число важно расширять, имея в виду прежде всего подход, основанный на правах человека.

Нами были исследованы такие основные направления КДА как диалектико-реляционное, социокогнитивное (когнитивно-прагматическое), дискурсивно-историческое и др., возможности их применения к анализу различных видов юридического дискурса [3; 7; 8]. Каждый из них может быть эффективно использован и в правовой нарратологии, в которой важно учитывать социологические, когнитивные, исторические и культурные особенности правового дискурса. Мы выделили следующие проблемы в развитии критического анализа юридического дискурса: отсутствие разработанной теории юридического дискурса, наличие корреляционных связей с иными видами дискурса, ангажированность и междисциплинарность критического дискурс-анализа.

Особый интерес для развития нарратологической перспективы семиотики права и анализа особенностей структуры и функционирования юридического дискурса представляет социокогнитивное направление КДА, разработанное Т. А. ван Дейком. Продуктивным представляется взаимообогащение правовой

нарратологии, КДА и когнитивного подхода к исследованию правовых феноменов. Одним из вариантов такого синтеза может выступить использование теории контекстных когнитивных моделей, предложенной Т. А. ван Дейком [56; 58], в анализе проблем правовой нарратологии. В частности, Т. А. ван Дейк, стремясь разработать интегрированную теорию контекста и его отношения к дискурсу, рассматривает «контекст» «как теоретический термин в рамках более широкой теории дискурса, который должен учитывать способы создания и понимания дискурсов в зависимости от свойств коммуникативной ситуации, как они понимаются и представляются самими участниками» [58, с. 248]. Тем самым обозначается переход от бесконтекстного к контекстно зависимому научному исследованию дискурса и общества в целом. Основной особенностью понимания контекста Т. А. ван Дейком является его трактовка не в качестве объективных компонентов социальных ситуаций, таких как гендер, возраст или класс, определяющих специфику дискурса, а в качестве субъективного, ментального феномена, связанного с повседневным опытом социальных акторов и встроенного в набор автобиографических репрезентаций в эпизодической памяти. Рассматривая контексты как ментальные модели, Т. А. ван Дейк подчеркивает, что именно они «управляют переменными свойствами производства и понимания дискурса. Они являются важнейшим интерфейсом, который позволяет пользователям языка адаптировать производство или понимание (каждого фрагмента) дискурса к коммуникативной ситуации» [58, с. 249]. «Поскольку контексты – это тип повседневного опыта, контекстные модели – это частные случаи субъективных моделей повседневного опыта, которые контролируют повседневную деятельность социальных акторов» [58, с. 249]. Контексты как модели социальных и коммуникативных ситуаций организованы по определенным схемам. «Как и в случае со всей сложной информацией, – замечает Т. А. ван Дейк, – контексты также организованы когнитивными схемами, состоящими из ограниченного числа релевантных элементов, которые люди используют для анализа и понимания коммуникативной ситуации. Поскольку контекстные модели контролируют все производство и понимание дискурса, они

должны быть относительно простыми, чтобы ими можно было управлять (формировать, обновлять или изменять) в реальном времени (доли секунды в спонтанном разговоре) и параллельно со многими другими задачами, задействованными в обработке дискурса» [58, с. 249]. Контекстные модели состоят из таких общих элементов как окружение (время, место), участники (и их различные роли и отношения), текущие действия и соответствующие познания участников: знания, убеждения и цели. «Эти схемы и элементы частично универсальны (например, знания), частично культурно изменчивы (например, соответствующие роли и отношения участников)» [58, с. 249]. Представляется, что определение и анализ самых разнообразных контекстных моделей правового дискурса, от законодательных, судебных, полицейских до научных и учебных, а также исследование их взаимосвязи с разнообразными правовыми нарративами, может существенно обогатить правовую дискуртологию и нарратологию.

Литература

1. Брокмейер, Й. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы [Текст] / Й. Брокмейер, Р. Харре // Вопросы философии. – 2000. – № 3. – С. 29–42.
2. Ивин, А. А. Логика оценок и норм. Философские, методологические и прикладные аспекты [Текст] / А. А. Ивин. – Москва : Проспект, 2016. – 320 с.
3. Ковкель, Н. Ф. Критический дискурс-анализ власти и права: основные проблемы применения [Текст] / Н. Ф. Ковкель // Право и власть: основные модели взаимодействия в многополярном мире : сборник трудов Международной научной конференции 2–3 июня 2017 г. / редкол. : В. В. Денисенко (отв. ред.), М. А. Беляев. – Воронеж : НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2017. – С. 122–134.
4. Ковкель, Н. Ф. Логика и язык закона [Текст] / Н. Ф. Ковкель. – Минск : Право и экономика, 2009. – 299 с.
5. Ковкель, Н. Ф. Методологические особенности основных направлений семиотики права [Текст] / Н. Ф. Ковкель // Труды Института государства и права РАН. – 2020. – Вып. 15, № 4. – С. 9–41.
6. Ковкель, Н. Ф. Основные элементы структуры правового языка [Текст] / Н. Ф. Ковкель // Вестник Пермского университета. – 2013. – № 4(22). – С. 44–51.
7. Ковкель, Н. Ф. Проблемы исследования механизма легитимации права // Легитимность права [Текст] / Н. Ф. Ковкель / общ. ред. Е. Н. Тонков, И. Л. Честнов. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2019. – С. 179–192.
8. Ковкель, Н. Ф. Проблемы применения критического дискурс-анализа в конституционно-правовых исследованиях [Текст] / Н. Ф. Ковкель // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». – 2018. – № 4(16). – С. 80–87.
9. Ковкель, Н. Ф. Проблемы применения семиотической методологии в современной юриспруденции и биоэтике [Текст] / Н. Ф. Ковкель, О. В. Попова // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. – 2019. – № 4(22). – С. 126–155.
10. Ковкель, Н. Ф. Проблемы структурирования и единства правового языка [Текст] / Н. Ф. Ковкель // Сацьяльна-эканамічныя і прававыя даследаванні. – 2010. – № 2(20). – С. 92–103.
11. Ковкель, Н. Ф. Семиотика права: проблемы определения основных концептов и выбора парадигмы [Текст] / Н. Ф. Ковкель // Правоведение. – 2017. – № 4. – С. 38–59.
12. Ковкель, Н. Ф. Семиотический подход к пониманию права и методологический потенциал его влияния на развитие юриспруденции [Текст] / Н. Ф. Ковкель // Современные подходы к пониманию права и их влияние на развитие отраслевой юридической науки, законодательства и практики : сборник научных трудов тр. / общ. ред. В. И. Павлов, А. Л. Савенок. – Минск : Академия МВД, 2017. – С. 113–125.
13. Ковкель, Н. Ф. Семиотические стратегии, методы и модели правовой интерпретации [Текст] / Н. Ф. Ковкель // Парадигмы юридической герменевтики / общ. ред. Е. Н. Тонков, И. Л. Честнов. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2017. – С. 103–132.
14. Ковкель, Н. Ф. Современная теория права в поисках реальности: методологические возможности семиотики права [Текст] / Н. Ф. Ковкель // В поисках теории права / общ. ред. Е. Н. Тонков, Е. Г. Самохина. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2021. – С. 209–229.
15. Эко, У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста [Текст] / У. Эко / пер. с англ. и итал. С. Д. Серебряного. – Санкт-Петербург : Симпозиум, 2007. – 502 с.
16. Balkin, J. M. Being Just With Deconstruction [Text] / J. M. Balkin // Faculty Scholarship Series. – 1994. – Paper 271. – P. 393–404.
17. Balkin, J. M. The Promise of Legal Semiotics [Text] / J. M. Balkin // University of Texas Law Review. – 1991. – Vol. 69. – P. 1831–1852.
18. Broekman, J. M. Legal Conversation as Signifier [Text] / J. M. Broekman, F. Fleerackers. – Cheltenham : Edward Elgar Publishing, 2017. – 256 p.
19. Broekman, J. M. Meaning, Narrativity, and the Real. The Semiotics of Law in Legal Education IV [Text] / J. M. Broekman. – Heidelberg, New York, Dordrecht, London : Springer, 2016. – 287 p.
20. Broekman, J. M. Preface [Text] / J. M. Broekman, L. C. Backer // Signs In Law: A Source Book. The Semiotics of Law in Legal Education III / eds. J. M. Broekman, L. C. Backer. – Heidelberg, New York, Dordrecht, London : Springer, 2015. – P. VII–XII.
21. Brooks, P. Narrative in and of the Law [Text] / P. Brooks // A Companion to Narrative Theory / eds. J. Phelan & P. J. Rabinowitz. – Oxford : Blackwell, 2005. – P. 415–426.
22. Brooks, P. The Law as Narrative and Rhetoric [Text] / P. Brooks // Law's Stories: Narrative and Rhetoric in the Law /

- eds. P. Brooks, P. Gewirtz. – New Haven : Yale University Press, 1996. – P. 14–22.
23. *Cacciaguidi-Fahy, S.* The Promise of Legal Semiotics [Text] / S. Cacciaguidi-Fahy, A. Mooney // *International Journal for the Semiotics of Law*. – 2009. – Vol. 22. – P. 381–386.
24. *Coombe, R.* Is there a Cultural Studies of Law? [Text] / R. Coombe // *A Companion to Cultural Studies* / ed. T. Miller. – Cambridge : Blackwell, 2001. – P. 36–62.
25. *Eriksen, L.* Einführung in die Systematik der juristischen Fachsprache [Text] / L. Eriksen // *Juristische Fachsprache. Kongressberichte des 12th European Symposium on Language for Special Purposes* / hrsg. L. Eriksen, K. Luttermann. – Bruxelles, Bressanone, 1999. Münster : LIT Verlag, 2002. – S. 1–19.
26. *Fairclough, N.* A Dialectical-Relational Approach to Critical Discourse Analysis in Social Research [Text] / N. Fairclough // *Methods of Critical Discourse Analysis* / eds. R. Wodak, M. Meyer. – London : Sage, 2009. – P. 162–186.
27. *Feteris, E. T.* Fundamentals of Legal Argumentation. A Survey of Theories on the Justification of Judicial Decisions [Text] / E. T. Feteris. 2 ed. – Dordrecht : Springer, 2017. – 361 p.
28. *Gizbert-Studnicki, T.* Język prawny a język prawniczy [Text] / T. Gizbert-Studnicki // *Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego. Prace prawnicze*. – Kraków, 1972. – Z. 55. – S. 219–233.
29. *Gizbert-Studnicki, T.* Język prawny z perspektywy socjolingwistycznej [Text] / T. Gizbert-Studnicki // *Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego. DCCL XXVII. Prace z nauk politycznych*. – Zeszyt 26. – Warszawa, Kraków : PWN, 1986. – 139 s.
30. *Jackson, B. S.* «Anchored Narratives» and the Interface of Law, Psychology and Semiotics [Text] / B. S. Jackson // *Legal and Criminal Psychology*. – 1996. – № 1. – P. 17–45.
31. *Jackson, B. S.* Law, Fact and Narrative Coherence [Text] / B. S. Jackson. – Merseyside : Deborah Charles Publications, 1988. – 214 p.
32. *Jackson, B. S.* Legal Semiotics and Semiotic Aspects of Jurisprudence [Text] / B. S. Jackson // *Prospects of Legal Semiotics* / ed. A. Wagner, J. M. Broekman. – Netherlands : Springer, 2011. – P. 3–36.
33. *Jackson, B. S.* Narrative Models in Legal Proof [Text] / B. S. Jackson // *International Journal for the Semiotics of Law*. – 1988. – № 1. – P. 25–46.
34. *Jackson, B. S.* Narrative Theories and Legal Discourse [Text] / B. S. Jackson // *Narrative in Culture. The Uses of Storytelling in the Sciences, Philosophy, and Literature* / ed. C. Nash. – London, New York : Routledge, 1990. – P. 23–50.
35. *Jäger, S.* Theoretical and Methodological Aspects of Foucauldian Critical Discourse Analysis and Dispositive Analysis [Text] / S. Jäger, F. Maier // *Methods of Critical Discourse Analysis* / ed. R. Wodak, M. Meyer. – London : Sage, 2009. – P. 34–61.
36. *Kayman, M. A.* Law-and-Literature: Questions of Jurisdiction [Text] / M. A. Kayman // *REAL: Yearbook of Research in English and American Literature 18: Law and Literature* / ed. B. Thomas. – Tübingen : Narratology, 2002. – P. 1–20.
37. *Kevelson, R.* Introduction to the First Round Table on Law and Semiotics [Text] / R. Kevelson // *Law and Semiotics* / ed. R. Kevelson. – New York, NY and London : Plenum Press, 1987. – Vol. 1. – P. 1–24.
38. *Kevelson, R.* Semiotics and Methods of Legal Inquiry: Interpretation and Discovery in Law from the Perspective of Peirce's Speculative Rhetoric [Text] / R. Kevelson // *Indiana Law Journal*. – 1986. – № 61(3). – P. 355–371.
39. *Kevelson, R.* The law as a system of signs [Text] / R. Kevelson. – New York, London : Plenum Press, 1988. – 331 p.
40. *Kovkel, N.* The main methodological approaches in the semiotics of law and their application in jurisprudence [Text] / N. Kovkel // *Open semiotics* / ed. A. Biglari. – Paris : L'Harmattan, 2021. – P. 248–272.
41. *Law's Stories: Narrative and Rhetoric in the Law* / eds. P. Brooks, P. Gewirtz. – New Haven : Yale University Press, 1996. – 290 p.
42. *Olson, G.* De-Americanizing Law-and-Literature Narratives: Opening up the Story [Text] / G. Olson // *Law & Literature*. – 2010. – № 1(22). – P. 338–364.
43. *Olson, G.* Narration and Narrative in Legal Discourse [Electronic resource] / G. Olson // *The living handbook of narratology* / ed. P. Huhn et al. – Hamburg : Hamburg University. – URL: <http://www.lhn.uni-hamburg.de/article/narration-and-narrative-legal-discourse> (date of application: 12.02.2019).
44. *Opalek, K.* Zagadnienia teorii prawa [Text] / K. Opalek, J. Wróblewski. – Warszawa : PWN, 1969. – 264 s.
45. *Otto, W.* Die Paradoxie einer Fachsprache [Text] / W. Otto // *Der öffentliche Sprachgebrauch. Band. II*. – Stuttgart : Klett-Cotta, 1981. – S. 44–57.
46. *Peters, J. S.* Law, Literature, and the Vanishing Real: On the Future of an Interdisciplinary Illusion [Text] / J. S. Peters // *PMLA: Publications of the Modern Language Association of America*. – 2005. – № 120. – P. 442–453.
47. *Posner, R. A.* Legal Narratology [Text] / R. A. Posner // *The University of Chicago Law Review*. – 1997. – № 64. – P. 737–747.
48. *Prakken, H.* A dialectical model of assessing conflicting arguments in legal reasoning [Text] / H. Prakken, G. Sartor // *Artificial Intelligence and Law*. – 1996. – № 4. – P. 331–368.
49. *Prakken, H.* A logical framework for modelling legal argument [Text] / H. Prakken // *Proceedings of the Fourth International Conference of Artificial Intelligence and Law*. – New York : ACM Press, 1993. – P. 1–10.
50. *Prakken, H.* Modelling reasoning about evidence in legal procedure [Text] / H. Prakken // *Proceedings of the Eighth International Conference of Artificial Intelligence and Law*. – New York : ACM Press, 2001. – P. 119–128.
51. *Prakken, H.* The role of logic in computational models of legal argument: a critical survey [Text] / H. Prakken, G. Sartor // *Computational Logic: Logic Programming and Beyond. Essays In Honour of Robert A. Kowalski* / ed. A. Kakas, F. Sadri. Part II. – Berlin : Springer, 2002. – P. 342–380.
52. *Reisigl, M.* The Discourse-Historical Approach (DHA) [Text] / M. Reisigl, R. Wodak // *Methods of Critical Discourse Analysis* / ed. R. Wodak, M. Meyer. – London : Sage, 2009. – P. 87–121.
53. *Rosen, R.* Liberal Battle Zones and the Study of Law and the Media [Text] / R. Rosen // *Law and Human Behavior*. – 1990. – № 14(5). – P. 511–521.

54. *Šarcevic, S.* New approach to legal translation [Text] / S. Šarcevic. – Den Haag : Kluwer, 1997. – 308 p.
55. *Van Dijk, T.* Critical Discourse Studies: A Sociocognitive Approach [Text] / T. Van Dijk // Methods of Critical Discourse Analysis / ed. R. Wodak, M. Meyer. – London : Sage, 2009. – P. 62–86.
56. *Van Dijk, T.* Discourse and Context. A sociocognitive approach [Text] / T. Van Dijk. – Cambridge : Cambridge University Press, 2008. – 267 p.
57. *Van Dijk, T.* Discourse and Power [Text] / T. Van Dijk. – N.Y. : Macmillan International Higher Education, 2008. – 320 p.
58. *Van Dijk, T.* Society and Discourse. How Social Contexts Influence Text and Talk [Text] / T. Van Dijk. – Cambridge : Cambridge University Press, 2009. – 287 p.
59. *Wagner, A.* Promises and Prospects of Legal Semiotics – An Introduction [Text] / A. Wagner, J. M. Broekman // Prospects of Legal Semiotics / ed. A. Wagner, J. M. Broekman. – Netherlands : Springer, 2011. – P. V–XVII.
60. *Wodak, R.* Critical Discourse Analysis: History, Agenda, Theory and Metodology [Text] / R. Wodak, M. Meyer // Methods of Critical Discourse Analysis / ed. by R. Wodak, M. Meyer. – London : Sage, 2009. – P. 1–33.
61. *Wodak, R.* The Discursive Construction of National Identity. Second edition [Text] / R. Wodak, R. de Cillia, M. Reisigl, K. Liebhart. Trans. by A. Hirsch, R. Mitten and J. W. Unger. – Edinburgh : Edinburgh University Press, 2009. – 276 p.
62. *Wronkowska, S.* Analiza pojęcia prawa podmiotowego [Text] / S. Wronkowska. – Poznań : Wydawn. Nauk. Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza w Poznaniu, 1973. – Seria Prawo. № 61. – 108 s.
63. *Wróblewski, B.* Język prawny i prawniczy [Text] / B. Wróblewski. – Kraków : PWN, 1948. – 244 s.
64. *Ziemiński, Z.* Le langage du droit et le langage juridique. Les criteres de leur discernement [Text] / Z. Ziemiński // Archives de Philosophie du Droit. – 1974. – Vol. 19. – S. 25–31.
1. *Brockmeyer, J.* Narrative: problems and promises of an alternative paradigm [Text] / J. Brockmeyer, R. Harre // Questions of Philosophy. – 2000. – No. 3. – P. 29–42 [in Russian].
2. *Ivin, A. A.* Logic of assessments and norms. Philosophical, methodological and applied aspects [Text] / A. A. Ivin. – Moscow : Prospekt Publ., 2016. – 320 p. [in Russian].
3. *Kovkel, N. F.* Critical discourse-analysis of power and law: the main problems of application [Text] / N. F. Kovkel // Law and power: basic models of interaction in a multipolar world: proceedings of the International Scientific Conference June 2–3, 2017 / editor: V. V. Denisenko (ed.), M. A. Belyaev. – Voronezh : SCIENCE-UNIPRESS, 2017. – P. 122–134 [in Russian].
4. *Kovkel, N. F.* Logic and the language of law [Text] / N. F. Kovkel. – Minsk : Law and Economics Publ., 2009. – 299 p. [in Russian].
5. *Kovkel, N. F.* Methodological features of the main directions of semiotics of law [Text] / N. F. Kovkel // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. – 2020. – Issue 15, No. 4. – P. 9–41 [in Russian].
6. *Kovkel, N. F.* Basic elements of the structure of the legal language [Text] / N. F. Kovkel // Bulletin of Perm University. – 2013. – № 4(22). – P. 44–51 [in Russian].
7. *Kovkel, N. F.* Problems of studying the mechanism of legitimation of law // Legitimacy of law [Text] / N. F. Kovkel / general ed. E. N. Tonkov, I. L. Chestnov. – St. Petersburg : Aleteya Publ., 2019. – P. 179–192 [in Russian].
8. *Kovkel, N. F.* Problems of the application of critical discourse analysis in constitutional and legal studies [Text] / N. F. Kovkel // Bulletin of the Marijsky State University. The series “Historical Sciences. Legal sciences”. – 2018. – № 4(16). – P. 80–87 [in Russian].
9. *Kovkel, N. F.* Problems of application of semiotic methodology in modern jurisprudence and bioethics [Text] / N. F. Kovkel, O. V. Popova // ПРАВЕДЕНИЕ. Problems of visual semiotics. – 2019. – № 4(22). – P. 126–155.
10. *Kovkel, N. F.* Problems of structuring and unity of the legal language [Text] / N. F. Kovkel // Socio-economic and legal studies. – 2010. – № 2(20). – P. 92–103 [in Russian].
11. *Kovkel, N. F.* Semiotics of law: problems of defining basic concepts and choice Paradigms [Text] / N. F. Kovkel // Pravovedenie. – 2017. – No. 4. – P. 38–59 [in Russian].
12. *Kovkel, N. F.* Semiotic approach to the understanding of law and the methodological potential of its influence on the development of jurisprudence [Text] / N. F. Kovkel // Modern approaches to the understanding of law and their impact on the development of branch legal science, legislation and practice: collection of scientific papers / general ed. V. I. Pavlov, A. L. Savenok. – Minsk : Academy of the Ministry of Internal Affairs, 2017. – P. 113–125 [in Russian].
13. *Kovkel, N. F.* Semiotic strategies, methods and models of legal interpretation [Text] / N. F. Kovkel // Paradigms of legal hermeneutics / general ed. E. N. Tonkov, I. L. Chestnov. – St. Petersburg : Aleteya Publ., 2017. – P. 103–132 [in Russian].
14. *Kovkel, N. F.* Modern theory of law in search of reality: methodological possibilities of semiotics of law [Text] / N. F. Kovkel // In search of the theory of law / general ed. E. N. Tonkov, E. G. Samokhina. – St. Petersburg : Aleteya Publ., 2021. – P. 209–229 [in Russian].
15. *Eco, U.* The role of the reader. Studies on the semiotics of the text [Text] / U. Eco / translated from English and Italian by S. D. Serebryany. – St. Petersburg : Symposium Publ., 2007. – 502 p. [in Russian].
16. *Balkin, J. M.* Being Just With Deconstruction [Text] / J. M. Balkin // Faculty Scholarship Series. – 1994. – Paper 271. – P. 393–404 [in English].
17. *Balkin, J. M.* The Promise of Legal Semiotics [Text] / J. M. Balkin // University of Texas Law Review. – 1991. – Vol. 69. – P. 1831–1852 [in English].
18. *Broekman, J. M.* Legal Conversation as Signifier [Text] / J. M. Broekman, F. Fleerackers. – Cheltenham : Edward Elgar Publishing, 2017. – 256 p. [in English].
19. *Broekman, J. M.* Meaning, Narrativity, and the Real. The Semiotics of Law in Legal Education IV [Text] / J. M. Broekman. – Heidelberg, New York, Dordrecht, London : Springer, 2016. – 287 p. [in English].

20. *Broekman, J. M.* Preface [Text] / J. M. Broekman, L. C. Backer // *Signs In Law: A Source Book. The Semiotics of Law in Legal Education III* / eds. J. M. Broekman, L. C. Backer. – Heidelberg, New York, Dordrecht, London : Springer, 2015. – P. VII–XII [in English].
21. *Brooks, P.* Narrative in and of the Law [Text] / P. Brooks // *A Companion to Narrative Theory* / eds. J. Phelan & P. J. Rabinowitz. – Oxford : Blackwell, 2005. – P. 415–426 [in English].
22. *Brooks, P.* The Law as Narrative and Rhetoric [Text] / P. Brooks // *Law's Stories: Narrative and Rhetoric in the Law* / eds. P. Brooks, P. Gewirtz. – New Haven : Yale University Press, 1996. – P. 14–22 [in English].
23. *Cacciaguidi-Fahy, S.* The Promise of Legal Semiotics [Text] / S. Cacciaguidi-Fahy, A. Mooney // *International Journal for the Semiotics of Law*. – 2009. – Vol. 22. – P. 381–386 [in English].
24. *Coombe, R.* Is there a Cultural Studies of Law? [Text] / R. Coombe // *A Companion to Cultural Studies* / ed. T. Miller. – Cambridge : Blackwell, 2001. – P. 36–62 [in English].
25. *Eriksen, L.* Einführung in die Systematik der juristischen Fachsprache [Text] / L. Eriksen // *Juristische Fachsprache. Kongressberichte des 12th European Symposium on Language for Special Purposes* / hrsg. L. Eriksen, K. Luttermann. – Bruxelles, Bressanone, 1999. Münster : LIT Verlag, 2002. – S. 1–19 [in German].
26. *Fairclough, N.* A Dialectical-Relational Approach to Critical Discourse Analysis in Social Research [Text] / N. Fairclough // *Methods of Critical Discourse Analysis* / eds. R. Wodak, M. Meyer. – London : Sage, 2009. – P. 162–186 [in English].
27. *Feteris, E. T.* Fundamentals of Legal Argumentation. A Survey of Theories on the Justification of Judicial Decisions [Text] / E. T. Feteris. 2 ed. – Dordrecht : Springer, 2017. – 361 p. [in English].
28. *Gizbert-Studnicki, T.* Język prawny a język prawniczy [Text] / T. Gizbert-Studnicki // *Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego. Prace prawnicze*. – Kraków, 1972. – Z. 55. – S. 219–233 [in Polish].
29. *Gizbert-Studnicki, T.* Język prawny z perspektywy socjolingwistycznej [Text] / T. Gizbert-Studnicki // *Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego. DCCL XXVII. Prace z nauk politycznych*. – Zeszyt 26. – Warszawa, Kraków : PWN, 1986. – 139 s. [in Polish].
30. *Jackson, B. S.* «Anchored Narratives» and the Interface of Law, Psychology and Semiotics [Text] / B. S. Jackson // *Legal and Criminal Psychology*. – 1996. – № 1. – P. 17–45 [in English].
31. *Jackson, B. S.* Law, Fact and Narrative Coherence [Text] / B. S. Jackson. – Merseyside : Deborah Charles Publications, 1988. – 214 p. [in English].
32. *Jackson, B. S.* Legal Semiotics and Semiotic Aspects of Jurisprudence [Text] / B. S. Jackson // *Prospects of Legal Semiotics* / ed. A. Wagner, J. M. Broekman. – Netherlands : Springer, 2011. – P. 3–36 [in English].
33. *Jackson, B. S.* Narrative Models in Legal Proof [Text] / B. S. Jackson // *International Journal for the Semiotics of Law*. – 1988. – № 1. – P. 25–46 [in English].
34. *Jackson, B. S.* Narrative Theories and Legal Discourse [Text] / B. S. Jackson // *Narrative in Culture. The Uses of Storytelling in the Sciences, Philosophy, and Literature* / ed. C. Nash. – London, New York : Routledge, 1990. – P. 23–50 [in English].
35. *Jäger, S.* Theoretical and Methodological Aspects of Foucauldian Critical Discourse Analysis and Dispositive Analysis [Text] / S. Jäger, F. Maier // *Methods of Critical Discourse Analysis* / ed. R. Wodak, M. Meyer. – London : Sage, 2009. – P. 34–61 [in English].
36. *Kayman, M. A.* Law-and-Literature: Questions of Jurisdiction [Text] / M. A. Kayman // *REAL: Yearbook of Research in English and American Literature 18: Law and Literature* / ed. B. Thomas. – Tübingen : Narratology, 2002. – P. 1–20 [in English].
37. *Kevelson, R.* Introduction to the First Round Table on Law and Semiotics [Text] / R. Kevelson // *Law and Semiotics* / ed. R. Kevelson. – New York, NY and London : Plenum Press, 1987. – Vol. 1. – P. 1–24 [in English].
38. *Kevelson, R.* Semiotics and Methods of Legal Inquiry: Interpretation and Discovery in Law from the Perspective of Peirce's Speculative Rhetoric [Text] / R. Kevelson // *Indiana Law Journal*. – 1986. – № 61(3). – P. 355–371 [in English].
39. *Kevelson, R.* The law as a system of signs [Text] / R. Kevelson. – New York, London : Plenum Press, 1988. – 331 p. [in English].
40. *Kovkel, N.* The main methodological approaches in the semiotics of law and their application in jurisprudence [Text] / N. Kovkel // *Open semiotics* / ed. A. Biglari. – Paris : L'Harmattan, 2021. – P. 248–272 [in English].
41. *Law's Stories: Narrative and Rhetoric in the Law* / eds. P. Brooks, P. Gewirtz. – New Haven : Yale University Press, 1996. – 290 p. [in English].
42. *Olson, G.* De-Americanizing Law-and-Literature Narratives: Opening up the Story [Text] / G. Olson // *Law & Literature*. – 2010. – № 1(22). – P. 338–364 [in English].
43. *Olson, G.* Narration and Narrative in Legal Discourse [Electronic resource] / G. Olson // *The living handbook of narratology* / ed. P. Huhn et al. – Hamburg : Hamburg University. URL: <http://www.lhn.uni-hamburg.de/article/narration-and-narrative-legal-discourse> (date of application: 12.02.2019) [in English].
44. *Opalek, K.* Zagadnienia teorii prawa [Text] / K. Opalek, J. Wróblewski. – Warszawa : PWN, 1969. – 264 s. [in Polish].
45. *Otto, W.* Die Paradoxie einer Fachsprache [Text] / W. Otto // *Der öffentliche Sprachgebrauch. Band. II*. – Stuttgart : Klett-Cotta, 1981. – S. 44–57 [in German].
46. *Peters, J. S.* Law, Literature, and the Vanishing Real: On the Future of an Interdisciplinary Illusion [Text] / J. S. Peters // *PMLA: Publications of the Modern Language Association of America*. – 2005. – № 120. – P. 442–453 [in English].
47. *Posner, R. A.* Legal Narratology [Text] / R. A. Posner // *The University of Chicago Law Review*. – 1997. – № 64. – P. 737–747 [in English].
48. *Prakken, H.* A dialectical model of assessing conflicting arguments in legal reasoning [Text] / H. Prakken, G. Sartor // *Artificial Intelligence and Law*. – 1996. – № 4. – P. 331–368 [in English].
49. *Prakken, H.* A logical framework for modelling legal argument [Text] / H. Prakken // *Proceedings of the Fourth International Conference of Artificial Intelligence and Law*. – New York : ACM Press, 1993. – P. 1–10 [in English].

50. *Prakken, H.* Modelling reasoning about evidence in legal procedure [Text] / H. Prakken // Proceedings of the Eighth International Conference of Artificial Intelligence and Law. – New York : ACM Press, 2001. – P. 119–128 [in English].
51. *Prakken, H.* The role of logic in computational models of legal argument: a critical survey [Text] / H. Prakken, G. Sartor // Computational Logic: Logic Programming and Beyond. Essays In Honour of Robert A. Kowalski / ed. A. Kakas, F. Sadri. Part II. – Berlin : Springer, 2002. – P. 342–380 [in English].
52. *Reisigl, M.* The Discourse-Historical Approach (DHA) [Text] / M. Reisigl, R. Wodak // Methods of Critical Discourse Analysis / ed. R. Wodak, M. Meyer. – London : Sage, 2009. – P. 87–121 [in English].
53. *Rosen, R.* Liberal Battle Zones and the Study of Law and the Media [Text] / R. Rosen // Law and Human Behavior. – 1990. – № 14(5). – P. 511–521 [in English].
54. *Šarcevic, S.* New approach to legal translation [Text] / S. Šarcevic. – Den Haag : Kluwer, 1997. – 308 p. [in English].
55. *Van Dijk, T.* Critical Discourse Studies: A Sociocognitive Approach [Text] / T. Van Dijk // Methods of Critical Discourse Analysis / ed. R. Wodak, M. Meyer. – London : Sage, 2009. – P. 62–86 [in English].
56. *Van Dijk, T.* Discourse and Context. A sociocognitive approach [Text] / T. Van Dijk. – Cambridge : Cambridge University Press, 2008. – 267 p. [in English].
57. *Van Dijk, T.* Discourse and Power [Text] / T. Van Dijk. – N.Y. : Macmillan International Higher Education, 2008. – 320 p. [in English].
58. *Van Dijk, T.* Society and Discourse. How Social Contexts Influence Text and Talk [Text] / T. Van Dijk. – Cambridge : Cambridge University Press, 2009. – 287 p. [in English].
59. *Wagner, A.* Promises and Prospects of Legal Semiotics – An Introduction [Text] / A. Wagner, J. M. Broekman // Prospects of Legal Semiotics / ed. A. Wagner, J. M. Broekman. – Netherlands : Springer, 2011. – P. V–XVII [in English].
60. *Wodak, R.* Critical Discourse Analysis: History, Agenda, Theory and Metodology [Text] / R. Wodak, M. Meyer // Methods of Critical Discourse Analysis / ed. by R. Wodak, M. Meyer. – London : Sage, 2009. – P. 1–33 [in English].
61. *Wodak, R.* The Discursive Construction of National Identity. Second edition [Text] / R. Wodak, R. de Cillia, M. Reisigl, K. Liebhart. Trans. by A. Hirsch, R. Mitten and J. W. Unger. – Edinburgh : Edinburgh University Press, 2009. – 276 p. [in English].
62. *Wronkowska, S.* Analiza pojęcia prawa podmiotowego [Text] / S. Wronkowska. – Poznań : Wydawn. Nauk. Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza w Poznaniu, 1973. – Seria Prawo. № 61. – 108 s. [in Polish].
63. *Wróblewski, B.* Język prawny i prawniczy [Text] / B. Wróblewski. – Kraków : PWN, 1948. – 244 s. [in Polish].
64. *Ziemiński, Z.* Le langage du droit et le langage juridique. Les criteres de leur discernement [Text] / Z. Ziemiński // Archives de Philosophie du Droit. – 1974. – Vol. 19. – S. 25–31 [in Polish].

Поступила в редакцию 01.06.2022

Received June 01, 2022

Колесников Юрий Алексеевич,
доктор юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой финансового права,
юридический факультет, Южный федеральный
университет, 344002, г. Ростов-на-Дону,
ул. М. Горького, д. 88,
email: yakolesnikov@sfedu.ru

Kolesnikov, Yuriy A.,
Doctor of Law, Associate Professor,
Head of the Department of Financial Law,
Law Faculty, Southern Federal University,
88 M. Gorky Str., Rostov-on-Don,
344002, Russian Federation,
e-mail: yakolesnikov@sfedu.ru

Худякова Наталья Владимировна,
помощник прокурора Семикаракорского
района, Прокуратура Ростовской области,
344010, г. Ростов-на-Дону,
пер. Халтуринский, д. 101,
email: nata.barteneva.1995@mail.ru

Khudyakova, Natalia V.,
Assistant to the Public Prosecutor of Semikarakorsk
District of Rostov Region, Public Prosecutor's Office
of Rostov Region, 101 Khalturinskiy Lane,
Rostov-on-Don, 344010, Russian Federation,
email: nata.barteneva.1995@mail.ru

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ КАК ИНСТИТУТ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ПРАВА

ENSURING INFORMATION SECURITY AS AN INSTITUTION OF MODERN RUSSIAN LAW

АННОТАЦИЯ. С каждым годом остается все меньше субъектов общественных отношений, которые не сталкивались бы с угрозами информационной безопасности. Функционирование публичных институтов и организаций всех форм собственности, а также осуществление прав и свобод отдельных личностей в современном обществе возможно только в условиях поддержания состояния защищенности субъектов и объектов информационных отношений. В статье рассматривается место правового института обеспечения информационной безопасности в системе современного российского права и законодательства, определяются его понятие и основные характеристики, поднимаются проблемные вопросы обособления обеспечения информационной безопасности в самостоятельный институт права. Определение данных теоретических аспектов позволит рационально и оперативно реагировать на вызовы информационного общества, определять правовой режим и правовое регулирование новых социальных моделей. Ведь без закрепления обеспечения информационной безопасности в правовом поле невозможна реализация мер организационного, технологического характера по поддержанию надлежащего уровня защищенности общественных отношений в информационном обществе.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: система права; система законодательства; институт права; информационное общество; информационное право; обеспечение информационной безопасности.

ABSTRACT. The number of subjects of public relations not facing the threats to information security becomes fewer every year. The functioning of public institutions and entities of all forms of ownership, as well as exercising the rights and freedoms of individuals in modern society, is possible only under the conditions of maintaining the state of security for subjects and objects of information relations. The article examines the place of the legal institution of information security within the system of modern Russian law and legislation, defines its concept and main characteristics, and raises problem issues of appearance of information security as an independent institution of law. The determination of these theoretical aspects will allow to respond rationally and promptly to the challenges of the information society, to determine the legal regime and legal regulation of new social models. After all, without consolidating the information security provision and ensuring in the legal field, it is impossible to implement measures of either an organizational or technological nature to maintain an appropriate level of protection for public relations in the information society.

KEYWORDS: system of law; legislative system; institution of law; information society; information law; ensuring information security.

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Колесников, Ю. А. Обеспечение информационной безопасности как институт современного российского права [Текст] / Ю. А. Колесников, Н. В. Худякова // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. – 2022. – Т. 9, № 2. – С. 58–64. – DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-2-6.

FOR CITATION:

Kolesnikov, Yu. A. Ensuring Information Security as an Institution of Modern Russian Law [Text] / Yu. A. Kolesnikov, N. V. Khudyakova. *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU*. – 2022. – Vol. 9, No. 2. – P. 58–64 (in Russian). – DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-2-6.

Сегодня мир развивается в условиях существования информационного общества. Главной его чертой является кардинальное влияние информации и уровня процессов ее использования на экономическую, социальную и культурную сферы жизни общества. Согласно данным Федеральной службы государственной статистики уже в 2019 году телефонами пользовалось 99,9 % населения, а почти 90 % населения использовали информационно-телекоммуникационную сеть Интернет, в том числе более 70 % ежедневно [3, с. 14].

Благодаря технологиям появились новые способы передачи информации, многие процессы стали удобнее и доступнее. Но научные достижения используются и как инструменты противоправных действий. Не только «традиционные» правонарушения теперь совершаются с применением информационных технологий, но и возникли новые составы, ставшие возможными исключительно в информационно-коммуникационный век. Количество и разнообразие таких деяний растет с каждым днем. Люди, не обладающие специфическими и профессиональными познаниями в области информационных технологий, легко становятся жертвами информационных преступлений и правонарушений. Начиная с 2015 года количество населения, не сталкивающегося с угрозами информационной безопасности, неуклонно уменьшается [3, с. 76].

В современных условиях приобретает особую актуальность борьба с информационными угрозами публичным институтам российского общества. Разнообразие таких угроз, начиная с иностранных «фейк-ньюс» и заканчивая кибер-атаками на звенья информационно-коммуникационной инфраструктуры Российской Федерации, требует незамедлительного реагирования органов власти всех уровней, а соответственно и определения правового поля

практической деятельности в сфере обеспечения информационной безопасности.

Обеспечение информационной безопасности личности, общества и публичных институтов становится одним из приоритетных направлений деятельности государства. Как следствие, появляется необходимость в правовом оформлении новых общественных отношений. Первостепенной задачей представляется определение их места в уже сложившейся системе российского права в целях ее гармоничного развития: формирование информационного права, как публичной отрасли российского права; недопущение дублирования правовых норм; корректное применение норм иных отраслей права... Труды в данном направлении в российской правовой науке появились и активно развивались последние 25 лет ввиду трансформации отечественного права и становления информации в качестве самостоятельного объекта регулирования [4, с. 32]. Вопросы теории информационного права, в том числе о месте институтов информационного права в системе права, а также о правовом аспекте обеспечения информационной безопасности рассматривались М. М. Рассоловым, И. Л. Бачило, П. У. Кузнецовым, В. Н. Лопатиным, М. А. Федотовым и другими российскими учеными-правоведами.

Основной целью исследования является определение правового института обеспечения информационной безопасности в современной системе отечественного права. Для реализации поставленной цели в данной статье мы последовательно разрешим следующие задачи: определим понятие правового института; выделим основные виды правовых институтов и их характеристики; отметим особенности правовых институтов в информационном праве; определим понятие информационной безопасности и деятельности по ее обеспечению; выделим характеристики обеспечения информационной

безопасности как самостоятельного правового института; определим место правового института обеспечения информационной безопасности в современной системе российского права и законодательства. Нами используются как общенаучные теоретические методы (формально-логические методы, исторический, системный, структурно-функциональный), так и частнонаучные специальные юридические методы (юридико- или формально-догматический метод, метод правовой компаративистики, метод правовой герменевтики).

Общетеоретические вопросы определения правовых институтов и их характеристик являются необходимым звеном в определении обеспечения информационной безопасности как самостоятельного правового института, а соответственно определения методов, способов создания и функционирования норм права, регламентирующих деятельность по предотвращению и борьбе с информационными угрозами на всех уровнях общественной жизни. Правовой институт – одна из основных системообразующих единиц в праве – объединение первичных единиц – норм права. Понимание правового института и необходимость его выделения из совокупности отдельных норм обусловлена непосредственной связью норм права, невозможностью регулирования отдельного правоотношения в отрыве от остального блока норм, составляющих институт права. Юридические нормы – это правила, образующиеся во взаимодействии в целях достижения единого результата [2, с. 313].

В данной статье мы будем придерживаться определения правового института И. Л. Бачило [1, с. 98] – группа юридических норм, охватывающих однородные общественные отношения, объединенные целевой направленностью, обеспечивающая единое правовое регулирование и являющаяся комплексно-цельной частью правовой системы. Характерными признаками правового института являются: юридическое единство правовых норм, обусловленное общностью регулируемых социальных отношений; способность обеспечить комплексную и наиболее полную регламентацию совокупности однородных социальных отношений; законодательная обособленность норм права, образующих институт права, либо в одном нормативном правовом акте, либо в существенно

связанных между собой актах. Кроме того, можно выделить в качестве самостоятельного признака единое целеполагание внутренних норм института права. Правовые институты обладают рядом характерных свойств: в первую очередь – первичной системностью, они более устойчивы и длительны, чем нормы права, более гибкие и менее разветвленные, чем отрасль права в целом.

В юридической науке существует несколько видов классификации правовых институтов. Так, в зависимости от места правовых норм, образующих правовой институт, в системе отраслей права выделяют межотраслевые и отраслевые правовые институты [7, с. 207].

Исходя из метода правового регулирования, присущего нормам права, входящим в состав правового института, выделяют комплексные институты. Комплексные институты обычно включают в себя несколько менее однородных отношений, могут находиться на стыке нескольких отраслей права; обычно это правовые институты, содержащие элементы метода правового регулирования, отличного от доминирующего метода их отрасли [6, с. 128]. В зависимости от доминирующего метода правового регулирования правовые институты можно подразделить на публично-правовые и частно-правовые институты.

Каждый правовой институт первично образуется в рамках одной отрасли права, поэтому правовые институты представляется возможным классифицировать по «корневой» для них отрасли права. Соответственно по принадлежности к правовым институтам определенной отрасли правовые институты можно подразделить на материальные и процессуальные.

По признаку наличия субинститутов в составе правовых институтов последние делятся на простые и сложные. Отдельно отметим, что субинститут представляет собой составную часть единого правового института. Субинститут – это совокупность юридических норм, регулирующих однородную группу общественных отношений внутри общего типа отношений для института [5, с. 316].

Некоторые авторы в качестве критерия классификации институтов права принимают функциональную направленность норм, входящих в состав института – регулятивные институты (институты-предписания и установ-

ления), охранительные институты (институты, восстанавливающие нарушенные права, защищающие права участников правоотношений) [5, с. 289].

Определение вида правового института необходимо для единообразного, комплексного и системного развития норм права, входящих в состав института права. Теоретическое обобщение позволяет в практической деятельности перенять схожие функциональные элементы норм внутри одного института, оперативно отреагировать законодателю на появление новых социальных отношений, схожих по группе с отношениями, регулируемые нормами конкретного института, применить общие правовые конструкции, метод регулирования и гармонично включить новые нормы в состав уже существующего правового поля, быстро дополнив и ликвидировав пробел правового регулирования.

Информационное право – молодая отрасль права. Как самостоятельная отрасль она начала формироваться только с середины прошлого века, когда информация и технологии, обеспечивающие возможность осуществлять с ней некий набор действий, стали самостоятельным объектом правоотношений. До этого информация представляла собой исключительно вспомогательный, обеспечивающий элемент отношений, в то время как сейчас информация представляет собой комплексное социальное явление, более того постоянно изменяющееся. Так и отрасль информационного права очень многогранна и все еще находится в процессе становления. Поэтому тем более важно определиться с составом ее институтов и их характеристиками.

Под правовым институтом информационного права понимаются такие группы юридических актов и норм, которые объединены единой целью и регулируют общественные отношения, связанные с созданием, изменением, использованием информационных ресурсов, информационных и коммуникационных технологий; выделяют дальнейшие инновационные перспективы процессов на основе информационных и коммуникационных технологий, направляют нормотворчество и правоприменение на удовлетворение потребностей субъектов права в информационной сфере [1, с. 99]. Из данного определения мы уже можем выделить ряд особенностей.

Во-первых, так как предмет информационного права комплексный и включает в себя, на первый взгляд, весьма разрозненный пласт общественных отношений, для определения правового института в нем используется функциональный или целевой подход. Определяющим критерием для выделения правового института в информационном праве становится цель – удовлетворение потребностей субъектов права в информационной сфере, так как информация, информационные ресурсы и информационные и коммуникационные технологии могут быть и вспомогательными частями иных социальных и правовых отношений.

Во-вторых, теоретики информационного права относят к правовому институту не только блоки норм информационного права, но и блоки правовых актов. Представляется, что подобная особенность появилась ввиду первоначально хаотичного процесса создания и разрозненного характера норм информационного права.

В информационном праве по методу формирования правовые институты можно условно разделить на те, которые являются отражением общеправовых институтов, заложенных в Конституции Российской Федерации, и на те, которые образовались из практики новых общественных отношений в информационной сфере.

Определив общетеоретические основы образования и дифференциации правовых институтов вообще и институтов информационного права в частности, перейдем непосредственно к вопросам, связанным с институализацией в рамках отрасли информационного права правового обеспечения информационной безопасности.

Информационная безопасность, как понятие социальной сферы, включает в себя несколько основополагающих блоков. Она является составной частью системы национальной безопасности и представляет собой состояние защищенности от внутренних и внешних угроз всех составляющих информационно-коммуникационного комплекса общества в целом: государства, организаций и личностей. Такое определение органично следует из федерального законодательства. Обеспечение информационной безопасности подразделяется на осуществление правовых, организационных и технологических мер [1, с. 356].

Таким образом, информационная безопасность – состояние информационных ресурсов, технологий и коммуникаций, при котором формирование и использование всех компонентов информационных и коммуникационных технологий происходит при минимизации отрицательных последствий внутренних и внешних угроз. В обеспечении информационной безопасности нуждаются создатели, держатели и пользователи информационных и коммуникационных технологий и информационных ресурсов во всех сферах жизни общества – экономике, науке, культуре, социально-бытовой сфере, образовании и т. д.

Деятельность по обеспечению информационной безопасности присуща всем субъектам информационных отношений – отношений по созданию, изменению, формированию, использованию информационных ресурсов, технологий и средств связи. Деятельность по обеспечению информационной безопасности – перманентно действующая система технологических, технических, организационных и правовых мер, создающих состояние защищенности и среду для функционирования информационной инфраструктуры органов государственной власти, органов местного самоуправления, организаций всех форм собственности и для реализации прав и свобод личностей в едином информационном пространстве, как в национальных, так и в международных информационных сетях.

В доктрине информационного права выделяют три предметные области обеспечения информационной безопасности [1, с. 359]:

1. Обеспечение безопасности информации (информационных объектов, ресурсов (баз, банков данных, систем данных)).

2. Обеспечение безопасности субъектов общественных отношений от информации разных степеней опасности, начиная от технической, например, опасность вирусов, и заканчивая социально-вредной информацией (которая подразделяется на законодательно запрещенную и социально неприемлемую для конкретных групп населения).

3. Обеспечение прав и интересов субъектов информационных отношений при несанкционированном доступе к их информации, программному обеспечению, сетям и коммуникациям.

Исходя из вышеуказанных определений правового института и института информационного права, можно говорить об образовании института обеспечения информационной безопасности в отрасли информационного права, так как обеспечение информационной безопасности:

– безусловно, является группой юридических норм, но, что характерно для институтов информационного права, также может быть рассмотрено и как группа правовых актов, включающих в себя юридические нормы;

– регулирует однородные общественные отношения – меры по поддержанию состояния защищенности в информационной среде;

– имеет единую целевую направленность – устойчивое функционирование комплекса всей информационной инфраструктуры и минимизация последствий внутренних и внешних угроз для всех составляющих информационно-коммуникационного комплекса;

– стремится к обеспечению единого правового регулирования однородных общественных отношений; несмотря на существование норм рассматриваемого института в различных актах, они всегда имеют законодательную обособленность и действуют во взаимосвязи с базовыми документами правового института;

– входит в состав отрасли информационного права ввиду того, что регулирует общественные отношения, связанные с созданием, изменением, использованием информационных ресурсов, информационных и коммуникационных технологий;

– направляет нормотворчество и правоприменение на удовлетворение потребностей субъектов права в информационной сфере – на поддержание режима защищенности информации и субъектов информационного права от опасной информации и режима противодействия несанкционированному доступу.

Однако остается ряд дискуссионных моментов. *Во-первых*, кажущаяся разрозненность норм института, *во-вторых*, различие методов правового регулирования норм внутри правового института обеспечения информационной безопасности, *в-третьих*, системообразующий характер подзаконных актов.

Как уже отмечалось выше, правовые нормы, регулирующие информационные отношения, исторически появились как сопутствующие,

так как информация представляет из себя в принципе совокупность данных о любом объекте, субъекте или содержании отношений. «Оригинальные» же нормы информационного права первоначально вводились хаотично под давлением необходимости обеспечить правовым полем информацию, как самостоятельный объект правоотношений. Поэтому, единично появляясь в иных отраслях права, нормы института обеспечения информационной безопасности перенимали их характерные черты и метод правового регулирования. Тем не менее с развитием информационного общества начали кристаллизироваться группы норм, схожие именно по общей целевой направленности. Этот процесс позволил выделиться информационному праву в самостоятельную отрасль, а обеспечению информационной безопасности – в правовой институт. Но разнообразие объектов, требующих поддержания режима правовой защищенности, привело к тому, что институт обеспечения информационной безопасности стал одним из трех суперинститутов информационного права [1, с. 101].

В российском праве системообразующими актами для отрасли информационного права являются Конституция РФ и Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 №149-ФЗ. В этих же актах закреплены и основополагающие нормы института обеспечения информационной безопасности. Однако, как отмечалось выше, обеспечение информационной безопасности выделяется как правовой институт в первую очередь ввиду целевой направленности норм, его образующих, а цели деятельности по обеспечению информационной безопасности закреплены в первую очередь в подзаконных правовых актах. Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы», указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации», указ Президента РФ от 12.04.2021 № 213 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности» задают цели всего правового института информационной безопасности. Стоит отметить, что отдельные государствен-

ные органы также выпускают стратегические документы, являющиеся источниками информационного права и правового института обеспечения информационной безопасности, например, «Основные направления развития информационной безопасности кредитно-финансовой сферы на период 2019–2021 годов», утвержденные Банком России, или приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 27.11.2019 № 830 «Об утверждении Концепции безопасности органов и организаций прокуратуры Российской Федерации».

Такова особенность рассматриваемого института, она не нивелирует его значение как звена в системе российского права в целом и отрасли информационного права в частности. Тем не менее видится необходимым обеспечить более однородной законодательной базой на федеральном уровне общественных отношений, регулируемых субинститутами правового института обеспечения информационной безопасности (обеспечение безопасности информации, обеспечение безопасности субъектов общественных отношений от информации разных степеней опасности; обеспечение прав и интересов субъектов информационных отношений при несанкционированном доступе).

Таким образом, институт обеспечения информационной безопасности представляет собой суперинститут информационного права, образовавшийся из практики новых общественных отношений в информационной сфере. В системе современного российского права он является комплексным, межотраслевым институтом охранительного характера со смешанным видом метода правового регулирования (с преобладанием публично-правового метода).

В современном мире информационные технологии становятся все доступнее, но становится все сложнее обеспечить режим правовой защищенности информации и субъектов информационных отношений. Все больше граждан, организаций и публичных институтов сталкиваются с угрозами информационной безопасности. Признание обеспечения информационной безопасности в качестве самостоятельного звена информационного права и его дальнейшее развитие позволят оперативно реагировать на вызовы современного общества в эпоху информации.

Литература

1. *Бачило, Л. И.* Информационное право [Текст] : учебник для академического бакалавриата / Л. И. Бачило. – 5-е изд., перераб и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2016. – 419 с.
2. *Бержель, Ж.-Л.* Общая теория права: пер. с фр. [Текст] / Ж.-Л. Бержель ; под общ. ред. В. И. Даниленко. – Москва : Издательский дом NOTA BENE, 2000. – 576 с.
3. Информационное общество в Российской Федерации. 2020 [Электронный ресурс] : статистический сборник / Федеральная служба государственной статистики; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – Электрон. текст дан. (33,6 Мб). – Москва: НИУ ВШЭ, 2020. – URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/lqv3T0Rk/info-ob2020.pdf> (дата обращения: 06.04.2022).
4. *Ключко, Н. В.* Обзор учебных материалов по информационному праву [Текст] / Н. В. Ключко // Информационное право. – 2007. – № 2. – С. 30–36.
5. *Матузов, Н. И.* Теория государства и права [Текст] / Н. И. Матузов, А. В. Малько. – 2-е изд. – Москва : Юристъ, 2005. – 541 с.
6. *Сидорова, Е. В.* Комплексное правовое регулирование [Текст] : учебник для магистров / Е. В. Сидорова. – 3-е изд., стер. – Москва : Юстиция, 2016. – 304 с.
7. *Сырых, В. М.* Теория государства и права [Текст] / В. М. Сырых. – Москва : Былина, 1998. – 512 с.

References

1. *Bachilo, I. L.* Information law [Text] : textbook for academic undergraduate / I. L. Bachilo. – 5th ed. – Moscow : Yurait Publ., 2016. – 419 p. [in Russian].
2. *Bergel, J.-L.* General theory of law: trans. from French [Text] / J.-L. Bergel ; ed. by V. I. Danilenko. – Moscow : NOTA BENE Publ., 2000. – 576 p. [in Russian].
3. Information society in Russian Federation. 2020 [Electronic resource] : statistical compendium / Federal State Statistics Service; Nat. res. University “Higher School of Economics” – Moscow: HSE University, 2020. – URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/lqv3T0Rk/info-ob2020.pdf> (date of the application: 06.04.2022) [in Russian].
4. *Klyuchko, N. V.* Review of educational materials on information law [Text] / N. V. Klyuchko // Information law – 2007. – № 2. – P. 30–36 [in Russian].
5. *Matuzov, N. I.* Theory of state and law [Text] / N. I. Matuzov, A. V. Mal’ko. – 2nd ed. – Moscow : Yurist Publ., 2005. – 541 p. [in Russian].
6. *Sidorova, E. V.* Comprehensive legal regulation [Text] : textbook for masters / E. V. Sidorova. – 3rd ed. – Moscow : Yustitsiya Publ., 2016 – 304 p. [in Russian].
7. *Syrykh, V. M.* Theory of state and law [Text] / V. M. Syrykh. – Moscow : Bylina Publ., 1998. – 512 p. [in Russian].

Поступила в редакцию 11.04.2022

Received April 11, 2022

Конопий Анна Сергеевна,
преподаватель кафедры теории и истории
государства и права, юридический факультет,
Южный федеральный университет,
344002, г. Ростов-на-Дону,
ул. М. Горького, д. 88,
email: konopy-anna@mail.ru

Konopiy, Anna S.,
Lecturer at the Department of Theory
and History of State and Law,
Law Faculty, Southern Federal University,
88 M. Gorky Str., Rostov-on-Don,
344002, Russian Federation,
email: konopy-anna@mail.ru

ЦИФРОВАЯ ТЕХНОКРАТИЯ И ДИСКУРСИВНАЯ СИЛА КИТАЙСКОГО ГОСУДАРСТВА: ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

DIGITAL TECHNOCRACY AND THE DISCURSIVE POWER OF CHINA: POLITICAL AND LEGAL ASPECT

АННОТАЦИЯ. Открыв в XX веке «двери» западной мысли, Китай, тем не менее, сумел сохранить традиционность и самобытность, закрепив свою особенность в идеологии «социализма с китайской спецификой». Храня в памяти прошлое и извлекая из него ценные уроки, КНР находится на пути к реализации китайской концепции строительства «сообщества с единой судьбой человечества», закрепленной в Конституции. Китайская мирная внешнеполитическая концепция получила международную поддержку и позволила занять значимое место на мировой политической арене. По мере завоевания мирового лидерства Китайская Народная Республика все больше стремится оказывать влияние на международные политические процессы и формировать соответствующий дискурс. И в этом смысле цифровизация является эффективным инструментом наращивания международной дискурсивной силы для дальнейшей китаизации мировых стандартов. Настоящая статья посвящена исследованию приоритетной внешней политики современного Китая по укреплению международной дискурсивной силы в контексте цифровизации. Автором не только раскрывается суть дискурсивной силы КНР, но и исследуется ее технократичное содержание.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: государство; внешний суверенитет; дискурсивная сила; дискурсивная власть; «мягкая сила»; внешняя политика КНР; правовая политика; цифровизация.

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Конопий, А. С. Цифровая технократия и дискурсивная сила Китайского государства: политико-правовой аспект [Текст] / А. С. Конопий // *Вестник Юридического факультета Южного федерального университета.* – 2022. – Т. 9, № 2. – С. 65–71. – DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-2-7.

ABSTRACT. Having opened ‘the doors’ to the Western thought in the 20th century, China, nevertheless, managed to preserve its traditions, originality, and identity, consolidating its own peculiarity in the ideology of ‘socialism with the Chinese specific features’. Keeping the past in mind and obtaining valuable lessons from it, the PRC is on the way to implementing the Chinese concept of building a ‘community with a common destiny of humanity’, set forth in the Constitution. The Chinese peaceful foreign policy concept has received international support and allowed China to take a significant place on the global political scene. As the People’s Republic of China gains global leadership, it is increasingly striving to influence international political processes and form an appropriate discourse. In this sense, digitalization is an effective tool for building up the international discursive power for further Sinification of the world standards. This article focuses on the study of the priority foreign policy of modern China to strengthen the international discursive power in the context of digitalization. Thus, the author both reveals the essence of the discursive power of the PRC and explores its technocratic content.

KEYWORDS: state; external sovereignty; discursive power; power of discourse; ‘soft power’; China’s foreign policy; legal policy; digitalization.

FOR CITATION:

Konopiy, A. S. Digital Technocracy and the Discursive Power of China: Political and Legal Aspect [Text] / A. S. Konopiy. *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU.* – 2022. – Vol. 9, No. 2. – P. 65–71 (in Russian). – DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-2-7.

Введение. Вступив в XXI век, Китай начал придавать большое значение «мягкой силе» и все больше – праву выступать на международной арене. По мере формирования позитивного имиджа в условиях турбулентности глобального порядка, Китай стремится к наращиванию международной дискурсивной силы.

Так, основным приоритетом современной политики КНР стало продвижение ценностей социализма с китайской спецификой для конструирования новых мировых установок. На пути установления глобальных стандартов, норм, правил и политической повестки Китай сталкивается с сопротивлением, вызванным концепцией «нормативной силы» Европейского Союза. Как отмечает профессор Ху Чжэньгун, перемещение мирового внимания на Восток в результате пандемии, вызванной коронавирусной инфекцией, вызвало беспокойство западных стран по поводу подъема КНР, что закрепилось в теории «китайской угрозы» [19]. В этой связи приоритетные внешнеполитические задачи КНР сведены к преодолению недоверия со стороны Запада, путем информирования международных акторов об эффективных, действенных и необходимых китайских идеях совершенствования мирового порядка.

Например, Председатель Си Цзиньпин на заседании политбюро ЦК КПК 31 мая 2021 года призвал распространять знания о китайском пути развития, а также о его идеологическом и духовном основании, для ускоренного выстраивания китайского дискурса [19]. Однако необходимо отметить, что концепция повышения уровня информированности зарубежной аудитории об истории Китая и его Коммунистической партии была введена Председателем КНР еще 9 августа 2013 года, когда Си Цзиньпин призвал к распространению китайской культуры и за пределами Китая: «[Мы] должны тщательно и правильно вести внешнюю пропаганду, внедряя новые методы, упорно работая над созданием новых концепций, новых категорий и новых выражений, которые объединяют китайцев и иностранцев, хорошо рассказать миру историю Китая, правильно передавая голос Китая» [14]. И в этом смысле самым действенным инструментом является интеграция цифровых возможностей в процесс придания

КНР легитимного статуса актора на международной арене. В частности, используя западные онлайн-платформы, китайские авторы публикуют опровергающие теорию «китайской угрозы» труды (Кэцзинь Чжао [16], Лю Цзяньси [10], Тяньи Бай [15]).

Обзор литературы. Было бы неверно утверждать, что проблема наращивания международной дискурсивной силы КНР не привлекала к себе внимание исследователей.

Понимание заложенной в партийных документах стратегической задачи укрепления «дискурсивной силы» затруднено отсутствием не только китайской интерпретации определения понятия, но и единого мнения среди отечественных и зарубежных ученых относительно сути и значения этого политического явления. Источником понятия «дискурсивная сила» является «Порядок дискурса» французского философа Мишеля Фуко, в соответствии с которым «дискурс – ...это не просто то, через что являют себя миру битвы и системы подчинения, но и то, ради чего сражаются, то, чем сражаются, власть, которой стремятся завладеть» [2, с. 43].

Отечественный исследователь С. К. Песцов в своей работе «Дискурсивная сила во внешней политике Китая: интерпретация и продвижение инициативы “Один пояс – один путь”» рассматривает дискурсивную силу как один из малоизученных инструментов «мягкой силы» Китая, при помощи которого происходит аранжировка и продвижение китайской инициативы «Один пояс – один путь» [5, с. 155–164]. В этом смысле «дискурсивную силу» можно отнести к инструменту «мягкой силы» Дж. Ная-младшего, побуждающего другие государства поддаваться политическому, культурному и любому другому желаемому влиянию одной страны «с помощью привлекательности, а не с помощью принуждения или подкупа» [11, с. 1–32].

Другой исследователь М. А. Кобзева анализирует дискурсивную силу в двух аспектах: *во-первых*, в качестве инструмента «мягкой силы», заменяя понятие на «право голоса», *во-вторых*, как инструмент информационной борьбы, используемый для формирования положительного имиджа КПК как в самом Китае, так и за его пределами [3, с. 181]. Более того, автор

видит в укреплении дискурсивной силы попытку Китая предложить Западу альтернативные международные принципы и ценности [3, с. 181]. О результатах такой попытки пишут Д. А. Дегтерев, С. Р. Мирзет, А. В. Цвык, которые считают, что китайская модель глобализации, центральным элементом которой является инициатива «Один пояс – один путь», приведет к новой «конфронтационной биполярности» [1, с. 226].

И. Е. Денисов, относя «политикоформирующую» концепцию дискурсивной силы КНР к «классической “жесткой” силе», ее эффективность ставит в зависимость от «упорядочения собственных представлений» Китая «о себе и своем будущем» [2, с. 50–51]. Вместе с тем в его работе подчеркивается, что указанная концепция не тождественна «Белой книге» для иностранных читателей и заключается вовсе не в объяснении всему миру намерений Китая, а своей задачей ставит разработку внутренней инструкции для внешнеполитического аппарата государства с последующей возможностью переустройства мира [2, с. 43]. Так, комплекс мер по усилению международной дискурсивной силы рассматривается как «программная установка, которую китайский политический класс адресует исключительно самому себе – всей партийно-государственной системе, а также транслирует по вертикали государственным и негосударственным акторам, задействованным в развитии внешних связей страны» [2, с. 43].

Сотрудник Пекинского университета Цинхуа Кэцзюнь Чжао в работе «Подъем Китая и стратегия дискурсивной власти» пишет, что в настоящее время существует пять подходов к пониманию международной дискурсивной силы Китая: одни рассматривают дискурсивную власть как «право говорить», другие – как власть СМИ, некоторые приравнивают дискурс власти к власти дискурса в аспекте влияния дискурсов на общество, когда как остальные отождествляют с «мягкой силой», и, наконец, последние полагают, что дискурсивная власть в значительной степени зависит от политических операций, и до тех пор, пока государство развивает свое дипломатическое мастерство, дискурсивная власть может быть усилена [16, с. 541–545].

Зарубежная научная теория содержит более фундаментальную базу трудов ученых,

уделяющих внимание проблематике дискурсивной силы Китая во внешней политике. И, что примечательно, авторами большинства работ являются китайские научные деятели, а цели их исследований заключаются в обосновании привлекательности и эффективности китайской модели мироустройства для Запада. Очевидно, что такая тенденция вызвана двумя факторами: *во-первых*, призывом Си Цзиньпина «Хорошо рассказать миру историю Китая», *во-вторых*, сформированным западным мнением об отсутствии в Китае демократии, верховенства закона и политической свободы, что мешает формированию статуса актора на международной арене [12, с. 115]. Так, отрицая теорию «китайской угрозы», Тяньи Бай считает, что интеграция особенностей китайской картины мира, в частности, диалектического способа мышления, тысячелетней конфуцианской традиции доброжелательности «Жэнь» и гармонии «Хэ», в западную идеологию способствует установлению стабильности в мире [15, с. 1098]. Критикуя состоятельность китаецентричной концепции, Кэцзинь Чжао пишет о принципе мирного пути развития, согласно которому правительство КНР придерживается политики невмешательства во внутренние дела других стран, включая предоставление помощи без каких-либо дополнительных политических условий, что гарантирует качественно новый концепт развития, отличный от западных стран [16, с. 561].

Обсуждение проблемы. Заимствовав термин из западной науки, китайская политическая мысль интерпретировала новое понятие в соответствии с цифровой идеологией Си Цзиньпина. Анализируя стратегические планы и программы Китая, можно сделать вывод о том, что постепенному мягкому усилению дискурсивной власти Китая должен способствовать стремительный технический прогресс. Прямое влияние цифровой политики Китая на усиление дискурсивной силы особо проявилось в период пандемии COVID-19, когда КНР развернула успешную информационную кампанию в социальных сетях с целью укрепления имиджа государства [7, с. 277–278]. И в этом смысле видится отсылка к работе Дж. Ная «“Мягкая сила. Средства достижения успеха в мировой политике”, в которой раскрывается

глобальное влияние «мягкой силы» на перестройку общества в эпоху информационного общества [1]. Несмотря на то, что зарубежная западная литература не содержит полного исследования, раскрывающего понятие «дискурсивная сила» в цифровую эпоху, анализ таких работ как «Растет ли дискурсивная сила Китая? “Сила прошлого” в китайско-японских отношениях» шведского исследователя Карла Густаффсона позволяет сделать вывод о наличии более негативного окраса у данного термина, интерпретируемого как «манипуляция событиями, фактами, прошлым китайским правительством с целью заставить других международных участников делать то, чего они в противном случае не сделали бы» [8, с. 414–415].

Исследование зарубежных источников позволяет прийти к выводу о том, что цифровые программы КНР «Сделано в Китае 2025» и «Интернет Плюс» могут служить примером проявления в политике современного Китая международной дискурсивной силы. Такая позиция находит подтверждение в исследовательской работе «Сделано в Германии, копировано Китаем», согласно которой стратегии Китая заключаются не только в получении инновационных разработок, но и в установлении стандартов, правил как для Германии – одного из основных конкурентов нынешней промышленной революции, так и для всего мира: «Пекин рассматривает немецкую промышленность одновременно как инструмент сбора передовых технологий и ноу-хау, как важнейшего партнера, который может помочь распространить технические стандарты, благоприятные для Китая, а также как конкурента, которого Пекин намерен обогнать [9, с. 4]. Злоупотребление Пекином китайско-германским сотрудничеством представляет значительную угрозу интересам Германии, Соединенных Штатов Америки и их демократическим союзникам [9, с. 26]. Однако сами исследователи из Китая Тиан Шубин и Пан Чжи в работе, опубликованной в немецком журнале, рассматривают стратегии «Сделано в Китае 2025» и «Industrie 4.0», как «пример сотрудничества, способного победить будущее совместными усилиями» [13, с. 87], что позволяет причислять дорожную карту КНР к одному из способов интернационализации китайских стандартов, но уже с учетом интересов других государств.

Под эгидой китайской мечты лидер Си Цзиньпин предложил множество международных инициатив, одной из которых является стратегия построения новых торговых и транспортных путей, а также экономического коридора, способствующего укреплению рыночной интеграции между государствами Европы, Азии и Африки. Так, концепция «Один пояс – один путь» 2013 года может рассматриваться как стремление к увеличению дискурсивной власти на международном уровне. В результате объединения проектов «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути XXI века» уже к 2020 году Китай создал 77 зон сотрудничества в 36 странах, включая 20 зон экономического и торгового сотрудничества, что способствовало улучшению общественно-политических отношений с государствами-партнерами, развитию внешнеторгового потенциала экономики КНР, экономическому росту, а также формированию положительного образа Китая на международной арене [4, с. 215]. Важно отметить, что инициатива в таком ключе является неким инструментом «мягкой силы» реализации концепции сообщества единой судьбы, предложенной Си Цзиньпином в ноябре 2012 года на XVIII Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая.

В процессе выступления председателя Китайской Народной Республики Си Цзиньпина на пекинском форуме в мае 2017 года была представлена новая модель «Цифрового Шелкового пути», что позволило стратегии «Один пояс – один путь» выйти на новый этап развития, включив инструменты Четвертой промышленной революции [6]. Позиция лидера КНР заключается в установлении инновационного пути развития мирового порядка путем укрепления сотрудничества в таких передовых областях, как цифровая экономика, искусственный интеллект, нанотехнологии и квантовые компьютеры, технологии больших данных, облачных вычислений и умных городов [18]. Такой формат нового цифрового международного взаимодействия способствует эффективному вступлению на новый «Цифровой Шелковый путь» [18].

Опираясь на поток данных в цифровом пространстве, «Цифровой Шелковый путь» поможет преодолеть культурные различия, информационную асимметрию, а также будет

способствовать всестороннему сотрудничеству между странами, расположенными вдоль «Пояса и Пути» в различных областях, таких как торговля, финансы, промышленность, наука, образование, культура и здравоохранение. Более того, новый Путь способствует сокращению цифрового разрыва между его участниками, а также ускорит экономическое и социальное развитие при помощи инновационных ресурсов. Одна из причин, по которой предложение привлекло огромное внимание в мире, заключается в том, что инициатива уделяет большое внимание развитию таких развивающихся стран, как Ирак, Лаос, Бангладеш, Камбоджа, Непал, Пакистан, Афганистан, разбросанных по маршруту «Пояса и Пути», предлагая включить эти страны в международное сотрудничество в целях экономического взаимодействия и общего развития, что вызвало одобрительную реакцию во всем мире.

Более того, представляется, что в ближайшем будущем КНР не только станет примером успешного применения искусственного интеллекта, но и займет место мирового лидера по установлению стандартов его разработок и использования. Такой вывод объясняется тем, что в контексте цифрового становления Китая особое место принадлежит вопросу развития искусственного интеллекта, о чем свидетельствуют не только стратегические планы, среди которых: четырнадцатый пятилетний план социально-экономического развития КНР, «Интернет Плюс искусственный интеллект», стратегия развития искусственного интеллекта следующего поколения до 2030 года, но и позиция Председателя КНР Си Цзиньпина, который рассматривает искусственный интеллект в качестве стратегической силы для победы в глобальной научно-технической конкуренции [17].

Выводы и результаты исследования. Китай находится в новом цикле роста, в рамках которого ожидается, что планы «Сделано в Китае 2025», «Один пояс – один путь» и «Интернет плюс» станут новой движущей силой развития. Цифровые амбиции КНР по построению мировой научно-технической сверхдержавы подкрепляются сильной государственной политикой, а также схожестью партийных, государственных и частных интересов. Разработка новых технологий поддерживается государ-

ственными целевыми фондами, государство позволяет субъектам коммерческой деятельности производить и быстро внедрять новые продукты для цифровой экосистемы, защищая китайских производителей от иностранной конкуренции. Увеличивающийся цифровой охват КНР, тем не менее, будет сталкиваться с западным сопротивлением в процессе осуществления внешнеэкономической деятельности. И основная причина такого противостояния будет заключаться в противоречии инновационной политики Китая правовым западным ценностям. Однако, если в настоящий период централизованное государственное управление, этатизм традиционного Китая и ценности неолиберальной рыночной экономики смогли успешно интегрироваться в идеологию нового социально-экономического развития Китая, основанного на синтезе цифровых достижений, то мало что может препятствовать для признания КНР полноправным актором на международной арене.

Литература

1. Дегтерев, Д. А. США – КНР: «властный транзит» и контуры «конфликтной биполярности» [Текст] / Д. А. Дегтерев, М. С. Рамич, А. В. Цык // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2021. – Т. 21, № 2. – С. 210–231.
2. Денисов, И. Е. Концепция «Дискурсивной силы» и трансформация китайской внешней политики при Си Цзиньпине [Текст] / И. Е. Денисов // Сравнительная политика. – 2020. – № 4. – С. 42–52.
3. Кобзева, М. А. Дискурсивная власть Китая: инструменты и стратегия [Текст] / М. А. Кобзева // Восток (Oriens). – 2021. – № 4. – С. 173–184.
4. Левченко, Т. А. Реализация инициативы «Один пояс – один путь»: цели, достижения, вызовы [Текст] / Т. А. Левченко // АНИ: экономика и управление. – 2020. – № 4(33). – С. 213–216.
5. Песцов, С. К. Дискурсивная сила во внешней политике Китая: интерпретация и продвижение инициативы «Один пояс – один путь» [Текст] / С. К. Песцов // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. – 2017. – Т. 22. – С. 155–164.
6. Цифровой Шелковый путь [Электронный ресурс] // Электронный портал КПК. – URL: <http://theory.people.com.cn/n1/2017/0906/c413700-29519638.html> (дата обращения: 20.04.2022).
7. Denisov, I. E. Chinese digital diplomacy in the pandemic and post-pandemic times: Analysis of the Russian-language accounts [Text] / I. E. Denisov, A. R. Dagaev, S. P. Sultanaev // China in world and regional politics. History and modernity. – 2021. – № 26. – P. 274–290.

8. *Gustafsson, K.* Is China's Discursive Power Increasing? The «Power of the Past» in Sino-Japanese Relations [Text] / K. Gustafsson // *Asian Perspective*. – 2014. – Vol. 38, No. 3. – P. 411–433.
9. *La Bruyère, E. de.* Made in Germany, Co-opted by China [Text] / E. de La Bruyère, N. Picarsic // Foundation for defense of democracies, FDD Press, Washington, DC. October 2020. – P. 4–26.
10. *Liu Jianxi.* White paper strongly refutes 'China threat' theory [Electronic resource] / Liu Jianxi // CGTN. – URL: <https://news.cgtn.com/news/2019-07-24/White-paper-strongly-refutes-China-threat-theory-IAdc9gIHLO/index.html> (date of application: 20.04.2022)
11. *Nye, J. S., Jr.* Soft Power: The Means to Success in World Politics. Public Affairs [Text] / J. S. Nye, Jr. – New York, 2004. – 192 p.
12. *Paul SN Lee.* The rise of China and its contest for discursive power [Text] / Paul SN Lee // *Global Media and China*. – 2016. – Vol. 1(1–2). – P. 102–120.
13. *Shubin, T.* “Made in China 2025” and “Industrie 4.0” – In Motion Together [Text] / T. Shubin, P. Zhi // Sendler U. (eds) *The Internet of Things*. – Berlin ; Heidelberg : Springer Vieweg, 2018. – P. 87–113.
14. Telling China's Story Well [Electronic resource] // China Media Project. – URL: https://chinamediaproject.org/the_ccp_dictionary/telling-chinas-story-well (date of application: 15.04.2022).
15. *Tianyi Bai.* Assessing China's Discursive Power: The Concept and Its Effect [Text] / Tianyi Bai // *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*. – 2022. – Vol. 637. – P. 1095–1098.
16. *Zhao Kejin.* China's Rise and its Discursive Power Strategy [Text] / Zhao Kejin // *Chinese Political Science Review*. – 2016. – № 1. – P. 539–564.
17. 习近平谈人工智能：赢得全球科技竞争主动权的重要战略抓手 [Си Цзиньпин говорит об искусственном интеллекте: важный стратегический ресурс для победы в глобальной научно-технической конкуренции] [Электронный ресурс] // *人民网-中国共产党新闻网* [Официальный информационный ресурс Коммунистической партии Китая]. – URL: <http://cpc.people.com.cn/xuexi/n1/2018/1101/c385476-30376558.html> (дата обращения: 20.04.2022).
18. 数字丝绸之路建设成为新亮点 // *中国日报网官方帐号*. [Строительство Цифрового Шелкового пути стало новой особенностью] [Электронный ресурс] // Официальный аккаунт China Daily. – URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1631498629606173864&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 23.04.2022).
19. 新时代中国国际话语权建构的现状与进路. 胡正荣. [Нынешняя ситуация и дальнейшие пути построения международного голоса Китая в новую эпоху. Ху Чжэньгун] [Электронный ресурс] // *人民论坛网* [Сеть народного форума]. – URL: http://www.dzllzg.com/djyj/202202/t20220209_9795842.html (дата обращения: 22.04.2022).
- M. S. Ramich, A. V. Tsvyk // *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: International Relations*. – 2021. – Vol. 21, No. 2. – P. 210–231 [in Russian].
2. *Denisov, I. E.* The concept of “Discursive power” and the transformation of Chinese foreign policy under Xi Jinping [Text] / I. E. Denisov // *Comparative Politics*. – 2020. – No. 4. – P. 42–52 [in Russian].
3. *Kobzeva, M. A.* The discursive power of China: tools and strategy [Text] / M. A. Kobzeva // *East (Oriens)*. – 2021. – No. 4. – P. 173–184 [in Russian].
4. *Levchenko, T. A.* Implementation of the “One Belt, One Road” initiative: goals, achievements, challenges [Text] / T. A. Levchenko // *ANI: economics and Management*. – 2020. – № 4(33). – P. 213–216 [in Russian].
5. *Pestsov, S. K.* Discursive force in China's foreign policy: interpretation and promotion of the initiative “One Belt, One Road” [Text] / S. K. Pestsov // *Izvestiya Irkutsk State University. Series: Political Science. Religious studies*. – 2017. – Vol. 22. – P. 155–164 [in Russian].
6. Digital Silk Road [Electronic resource] // The electronic portal of the PDA. – URL: <http://theory.people.com.cn/n1/2017/0906/c413700-29519638.html> (date of application: 20.04.2022) [in Russian].
7. *Denisov, I. E.* Chinese digital diplomacy in the pandemic and post-pandemic times: Analysis of the Russian-language accounts [Text] / I. E. Denisov, A. R. Dagaev, S. P. Sultanaev // *China in world and regional politics. History and modernity*. – 2021. – № 26. – P. 274–290 [in English].
8. *Gustafsson, K.* Is China's Discursive Power Increasing? The «Power of the Past» in Sino-Japanese Relations [Text] / K. Gustafsson // *Asian Perspective*. – 2014. – Vol. 38, No. 3. – P. 411–433 [in English].
9. *La Bruyère, E. de.* Made in Germany, Co-opted by China [Text] / E. de La Bruyère, N. Picarsic // Foundation for defense of democracies, FDD Press, Washington, DC. October 2020. – P. 4–26 [in English].
10. *Liu Jianxi.* White paper strongly refutes 'China threat' theory [Electronic resource] / Liu Jianxi // CGTN. – URL: <https://news.cgtn.com/news/2019-07-24/White-paper-strongly-refutes-China-threat-theory-IAdc9gIHLO/index.html> (date of application: 20.04.2022) [in English].
11. *Nye, J. S., Jr.* Soft Power: The Means to Success in World Politics. Public Affairs [Text] / J. S. Nye, Jr. – New York, 2004. – 192 p. [in English].
12. *Paul SN Lee.* The rise of China and its contest for discursive power [Text] / Paul SN Lee // *Global Media and China*. – 2016. – Vol. 1(1–2). – P. 102–120 [in English].
13. *Shubin, T.* “Made in China 2025” and “Industrie 4.0” – In Motion Together [Text] / T. Shubin, P. Zhi // Sendler U. (eds) *The Internet of Things*. – Berlin ; Heidelberg : Springer Vieweg, 2018. – P. 87–113 [in English].
14. Telling China's Story Well [Electronic resource] // China Media Project. – URL: https://chinamediaproject.org/the_ccp_dictionary/telling-chinas-story-well (date of application: 15.04.2022) [in English].
15. *Tianyi Bai.* Assessing China's Discursive Power: The Concept and Its Effect [Text] / Tianyi Bai // *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*. – 2022. – Vol. 637. – P. 1095–1098 [in English].

References

1. *Degterev, D. A.* USA – China: “power transit” and contours of “conflict bipolarity” [Text] / D. A. Degterev,

16. Zhao Kejin. China's Rise and its Discursive Power Strategy [Text] / Zhao Kejin. // Chinese Political Science Review. – 2016. – № 1. – P. 539–564 [in English].

17. 习近平谈人工智能：赢得全球科技竞争主动权的重要战略抓手 [Xi Jinping speaks about artificial intelligence: an important strategic resource for the victory in the global scientific and technological competition] [Electronic resource] // [Official information resource of the Communist Party of China]. – URL: <http://cpc.people.com.cn/xuexi/n1/2018/1101/c385476-30376558.html> (date of application: 20.04.2022) [in Chinese].

18. 数字丝绸之路建设成为新亮点 // 中国日报网官方帐号. [Construction of the Digital Silk Road has become a new feature] [Electronic resource] // Official account of China Daily. – URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1631498629606173864&wfr=spider&for=pc> (date of application: 23.04.2022) [in Chinese].

19. 新时代中国国际话语权建构的现状与进路. 胡正荣. [The current situation and further ways of building China's international voice in the new era. Hu Zhengong] [Electronic resource] // [People's Forum Network]. – URL: http://www.dzllzg.com/djyj/202202/t20220209_9795842.html (date of application: 22.04.2022) [in Chinese].

Поступила в редакцию 30.05.2022

Received May 30, 2022

Ларионов Алексей Николаевич,
кандидат юридических наук, доцент кафедры
теории и истории государства и права,
юридический факультет,
Южный федеральный университет,
344002, г. Ростов-на-Дону,
ул. М. Горького, д. 88,
email: anlarionov@sfedu.ru

Larionov, Aleksey N.,
PhD in Law, Associate Professor,
Department of Theory and History
of State and Law, Law Faculty,
Southern Federal University,
88 M. Gorky Str., Rostov-on-Don,
344002, Russian Federation,
email: anlarionov@sfedu.ru

ИСТОРИКО-ПРАВОВОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ «ТРАДИЦИОННЫЕ СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ» В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО ЭТАПА ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

HISTORICAL AND LEGAL UNDERSTANDING OF THE CONCEPT OF 'TRADITIONAL FAMILY VALUES' UNDER THE CONDITIONS OF THE CURRENT STAGE OF SOCIO- ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN STATE

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена теоретико-правовому анализу проекта указа Президента РФ «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» – таких закрепляемых им ценностей, как крепкая семья, традиционные семейные ценности. В работе используется критический анализ работы Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», рассматривается исторический генезис института семьи и делается попытка увязать этот генезис с существующим этапом социально-экономического и политического развития Российского общества и государства.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Россия; семья; традиционные духовно-нравственные ценности; марксизм; информационная агрессия; идейно-ценностная плоскость; классовая борьба; либеральные ценности.

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Ларионов, А. Н. Историко-правовое осмысление понятия «традиционные семейные ценности» в условиях современного этапа общественно-экономического развития Российского государства [Текст] / А. Н. Ларионов // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. – 2022. – Т. 9, № 2. – С. 72–76. – DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-2-8.

ABSTRACT. The article focuses on the theoretical and legal analysis of the draft decree of the President of the Russian Federation 'On the Approval of the Foundations of the State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values' in general and such values as a strong family and traditional family values, in particular. The paper refers to a critical analysis of the work of F. Engels 'The Origin of the Family, Private Property and the State', examines the historical genesis of the institution of the family and attempts to link this genesis with the existing stage of socio-economic and political development of the Russian society and the state.

KEYWORDS: Russia; family; traditional spiritual and moral values; Marxism; information aggression; ideological and value plane; class struggle; liberal values.

FOR CITATION:

*Larionov, A. N. Historical and Legal Understanding of the Concept of 'Traditional Family Values' under the Conditions of the Current Stage of Socio-Economic Development of the Russian State [Text] / A. N. Larionov. *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU*. – 2022. – Vol. 9, No. 2. – P. 72–76 (in Russian). – DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-2-8.*

Современные вызовы, возникающие перед нашим государством, все более четко указывают нам на тот факт, что сами принципы существования населения на территории Российской Федерации, да по большому счету и на территории всего постсоветского пространства, существеннейшим образом отличаются от тех, по которым существуют люди в странах Западной цивилизации. Обостряющиеся противоречия между Россией и коллективным Западом заставляют нас искать как причины такого обострения, так и оптимальные пути выхода из кризиса. И все больше раздается голосов в пользу поиска как истоков, так и путей дальнейшего развития ситуации в идейно-ценностной плоскости бытия. Государство, оказавшись лицом к лицу с информационной агрессией, логика проведения которой диктует апелляцию прежде всего к чувственно-эмоциональной составляющей восприятия аудитории, единственный способ противодействия видит в интеллектуальном осмыслении и объяснении предъявляемых действительных или фальсифицированных фактов, без которого подобное противоборство, в связи с неравными финансовыми и техническими возможностями, безусловно, будет проиграно. И вот здесь неизбежно возникает необходимость корректировки государственной политики не только в сторону обеспечения информационной безопасности, но и установления с целью дальнейшей защиты традиционных духовно-нравственных ценностей, в существовании которых видится основа интеллектуально-эмоционального суверенитета государства, без которого в условиях понимания и сочувствия основной массы населения действиям противоборствующей стороны любые экономические и военные усилия окажутся либо малоэффективными, либо вовсе бесполезными. Этим прежде всего и обусловлена попытка издания регулирующих данные отношения нормативно-правовых актов, так как правовое регулирование и есть самый надежный и действенный из механизмов любого государства. История знает немало случаев вмешательства государства в частную жизнь населения, большинство из которых имели деструктивный характер и не только не обеспечивали достижения властными органами поставленных политических целей, но, напротив, вели к зна-

чительной утрате ими легитимности в среде подвластных субъектов. Однако в настоящее время, учитывая скоординированное вмешательство в рассматриваемую сферу жизнедеятельности общества со стороны геополитических противников, дальнейшее воздержание от противоборства на этом поле влечет серьезные негативные последствия. В связи с этим проект указа Президента РФ «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» видится вполне обоснованным.

Однако, несмотря на указанную обоснованность, правовое регулирование в идейно-ценностной сфере имеет целый ряд сложностей, основной из которых следует назвать оценочно-эмоциональный характер входящих в нее понятий, что существенно затрудняет достижение признака формальной определенности соответствующих правовых норм. В качестве иллюстрации данного тезиса следует указать на определение одной из провозглашенных в качестве таковой традиционной духовно-нравственной ценности – крепкой семьи.

В соответствии с п. 3 проекта Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей к числу традиционных ценностей относится крепкая семья, при этом согласно п.п. 3 п. 13 проекта одной из задач государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей является сохранение и укрепление традиционных семейных ценностей (в том числе защита института брака как союза мужчины и женщины).

Российское семейное законодательство не совсем четко определяет, что такое семья, но из системного толкования положений ч. 3 ст. 1, ст. 2 Семейного кодекса РФ следует, что это объединение физических лиц, возникающее в результате брака как союза мужчины и женщины [1].

Однако, как любой человеческий союз, семья также может возникать на совершенно разных основаниях и приобретать совершенно разные формы в зависимости от многих факторов, таких, например, как уровень общественно-экономического, политического, идеологического развития общества, господствующих в обществе религиозных, нравственных и иных социальных норм и т. д. В связи с этим, рас-

крытие понятия «семья» и «традиционные семейные ценности» является довольно сложной задачей, без решения которой, тем не менее, любой нормативно-правовой акт, ими оперирующий, будет крайне трудно выполним, а его произвольное толкование приведет к утрате нормами, содержащимися в таком нормативно-правовом акте, признака единообразия, без которого соответствующая норма утратит признаки правовой.

Современная постсоветская юридическая наука крайне редко прибегает, если речь не идет о критике, к положениям, высказанным классиками марксизма, тем не менее, на наш взгляд, работа Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства...» для целей формулировки содержания понятия «семья» имеет фундаментальный характер. Основанная на труде Л. Г. Моргана, она всецело опирается на его эмпирическую базу, давая лишь объяснение происхождению тем или иным формам семьи с точки зрения классовой теории. Однако эти объяснения довольно обоснованы и не опровергнуты до сих пор. Так, Энгельс пишет: «Традиционное представление знает только единобрачие, наряду с ним многоженство мужчины да еще, пожалуй, многомужество женщины и при этом, как и подобает морализирующему филистеру, умалчивает, что практика негласно, но бесцеремонно преступает границы предписанного официальным обществом. Изучение первобытной истории, напротив, показывает нам отношения, при которых мужчины живут в многоженстве, а их жены одновременно – в многомужестве, и поэтому дети тех и других считаются общими детьми их всех; отношения, которые, в свою очередь, до своего окончательного перехода в единобрачие, претерпевают целый ряд изменений. Эти изменения таковы, что круг, охватываемый общими брачными узами, первоначально очень широкий, все более и более суживается, пока, в конце концов, не остается только одиночная пара, преобладающая в настоящее время» [2, с. 17].

Классик марксизма указывает на тот факт, что современная ему семья не является единственно данной формой этого явления, но лишь одним из звеньев его естественного развития, не первым и не последним. Проследивая исторический процесс взаимного сосуществования

мужчины и женщины начиная с животного существования человечества, он указывает взаимосвязь института семьи и уровня социально-экономического развития человеческого общества: «Для того чтобы в процессе развития выйти из животного состояния и осуществить величайший прогресс, какой только происходит в природе, требовалось еще кое-что: недостаток сил отдельной особи для самозащиты надо было возместить объединенной силой и коллективными действиями орды» [2, с. 20]. «Взаимная же терпимость взрослых самцов, отсутствие ревности были первым условием для образования таких больших и прочных групп, в среде которых только и могло совершиться превращение животного в человека» [2, с. 20–21]. Таким образом, уже в самом начале изучения феномена семьи, Энгельс сразу же указывает на принципы взаимоотношений, которые явным образом противоречат современной ему морали, с одной стороны, и во многом вполне укладываются в систему современных западных ценностей, с другой. Задавая исторический вектор изучения вопроса, классик марксизма пытается проследить путь формирования современной ему семьи, используя свойственную ему идею частной собственности как движущую силу.

Через первобытно-общинное существование человека Энгельс делает предположение о том, что первоначально существовала кровнородственная семья, в которой действовал и признавался вполне естественным союз между всеми мужчинами и всеми женщинами отдельно взятого человеческого коллектива, который впоследствии постепенно самоограничивался сперва в рамках одного поколения, затем непосредственного кровного родства. На смену гипотетической кровнородственной семье пришла семья вполне лицезримая – «пуналуа», которая через некоторое количество переходных форм была заменена семьей парной. И лишь затем появляется семья моногамная. Само собой разумеется, все указанные этапы развития семьи имели совершенно отличную друг от друга мораль взаимоотношений между мужчиной и женщиной, родителями и детьми. А значит, семейные ценности также видоизменялись в результате эволюции рассматриваемого института и продолжают изменяться до сих пор. Так, известная в новое время европей-

ская моногамная семья возникла, по мнению Энгельса, в результате развития института частной собственности: «Она основана на господстве мужа с определенно выраженной целью рождения детей, происхождение которых от отца не подлежит сомнению, а эта бесспорность происхождения необходима потому, что дети в качестве прямых наследников должны наследовать имущество отца» [2, с. 44].

Ни до, ни, как считали коммунисты, после частной собственности моногамная семья не являлась той формой, которая была бы господствующей. Однако в постсоветский период неприкосновенность частной собственности вновь стала объективной реальностью, а следовательно, скорее всего именно ценности моногамной семьи и являются для нас традиционными и именно о них идет речь в рассматриваемом проекте. Но здесь, опираясь на наблюдения Энгельса, следует иметь в виду тот факт, что моногамная семья, как и любое общественное явление, не является идеальной. По мнению классика, этой форме семьи естественно присущи два недостатка – гетеризм и прелюбодеяние: «Под гетеризмом Морган понимает существующее наряду с индивидуальным браком внебрачное половое общение мужей с незамужними женщинами, которое, как известно, процветает в самых различных формах на протяжении всего периода цивилизации и все более и более превращается в явную проституцию» [2, с. 48]. «Рядом с индивидуальным браком и гетеризмом неустрашимым общественным явлением сделалось и прелюбодеяние, запрещенное, строго наказуемое, но неискоренимое» [2, с. 49].

Иными словами, безоговорочно провозглашая ценности моногамной семьи традиционными духовно-нравственными ценностями России, мы тем самым в их число включаем и указанные недостатки. В этой связи нельзя слепо брать за основу буржуазную, или, как теперь принято говорить, либеральную моногамную семью. А это, в свою очередь, еще более остро ставит вопрос о необходимости четкого содержательного наполнения понятий «семья» и «традиционные семейные ценности».

В связи с наметившимися тенденциями отказа от полной апологетики либеральных ценностей, в том числе и волею исторического случая закрепленных в Конституции РФ, новое осмысления понятия «семья» является

лишь одной из составляющих выработки нового подхода к осмыслению понятия «Российское общество», определению его места в мире и путей дальнейшего развития. И как раз поиски данного вектора являются ключевыми в выработке указанных понятий.

Энгельс, исповедуя коммунистическую идеологию, видел дальнейшее развитие семьи в составе человеческого общества в неразрывной связи с эксплуатацией человека человеком и классовой борьбой: «Так как основой цивилизации служит эксплуатация одного класса другим, то все ее развитие совершается в постоянном противоречии. Всякий прогресс в производстве означает одновременно регресс в положении угнетенного класса, т. е. огромного большинства. Всякое благо для одних необходимо является злом для других, всякое новое освобождение одного класса – новым угнетением для другого» [2, с. 152].

«Поэтому, чем дальше идет вперед цивилизация, тем больше она вынуждена бывает покрывать плащом любви неизбежно порождаемые ею отрицательные явления, прикрашивать их или лживо отрицать, – одним словом, вводить в практику условное лицемерие, которое не было известно ни прежним формам общества, ни даже первым ступеням цивилизации и которое приводит, наконец, к утверждению: эксплуатация угнетенного класса производится эксплуатирующим классом единственно и исключительно в интересах самого эксплуатируемого класса; если последний этого не понимает и даже начинает возмущаться, то это самая постыдная неблагодарность по отношению к благодетелям, эксплуататорам» [2, с. 152–153].

Классик марксизма совершенно справедливо указывает на тот факт, что само существование либерального общества, которое подчинено главной цели властной элиты – обогащению за счет перераспределения в свою пользу результатов производства, основано на обмане и введении в широкий оборот ложных ценностей. Именно это мы воочию наблюдаем в сложившейся геополитической ситуации, а следовательно, играя по таким же правилам, мы неизбежно потерпим поражение. Такая логика подсказывает, что оставить в качестве эталона только либеральные нормы, не привнося в них качественно новые, прежде всего внеклассовые общесоциальные начала, означает обречь рос-

сийское общество на гибель. Именно поэтому, на наш взгляд, для смыслового наполнения понятий «традиционные духовно-нравственные ценности» вообще и «семья» и «традиционные семейные ценности» в частности, следует прежде всего определиться с указанными выше вопросами: современными координатами Российского общества и вектором его дальнейшего развития.

Фридрих Энгельс в указанной работе видел дальнейшее развитие семьи в неразрывной связи с нарастающей классовой борьбой пролетариата и буржуазии. Естественным итогом данной борьбы должна была стать пролетарская революция и построение безгосударственного коммунистического общества, что будет означать смерть моногамной семьи. Однако в наше время, имея перед глазами семидесятилетний отечественный опыт построения коммунизма, вновь безропотно идти по данному пути было бы просто безрассудно. Тем не менее, даже имея такой негативный исторический результат, нельзя совершенно отрицать те положительные моменты, которые имели место в советском государстве и, безусловно, оказали огромное влияние на формирование тех самых духовно-нравственных ценностей, поисками которых государство пытается заниматься. И вот здесь советское регулирование семейных отношений, в большинстве своем воспринятое современной российской правовой системой, имеет огромное значение, так как существенно выдается за пределы обозначенного Энгельсом в своей работе правового регулирования знакомой ему буржуазной моногамной семьи,

ставя во главу угла принципы добровольности семейного союза и взаимной ответственности родителей и детей, относя вопросы частной собственности на второй план, хотя и не отрицая их вовсе. Впрочем, как указывалось ранее, вопросы крепкой семьи являются лишь частично самостоятельными и входят в качестве составной части в глобальный вопрос определения вектора дальнейшего развития Российского общества и государства, который только еще предстоит определить.

Литература

1. Семейный кодекс РФ [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&rnd=3QXiNw&base=LAW&n=389166&cacheid=FFF771F3255584AE0618C73B1FB53304&mode=rubr#fOoIZ1TbE2ICsYQ6>.

2. Энгельс, Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. В связи с исследованиями Л. Г. Моргана [Текст] / Ф. Энгельс // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. XVI, Ч. I. – Москва : Партиздат ЦК ВКП (б), 1937.

References

1. The Family Code of the Russian Federation [Electronic resource] // Legal reference system "Consultant Plus". – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&rnd=3QXiNw&base=LAW&n=389166&cacheid=FFF771F3255584AE0618C73B1FB53304&mode=rubr#fOoIZ1TbE2ICsYQ6> [in Russian].

2. Engels, F. The origin of the family, private property and the state. In connection with the research of L. G. Morgan [Text] / F. Engels // Marx K., Engels F. Works. Vol. XVI, Part I. Moscow : Partizdat of the Central Committee of the CPSU (b), 1937 [in Russian].

Поступила в редакцию 24.04.2022

Received April 24, 2022

УДК 34.023; 340.115

DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-2-9

Мазуров Игорь Игоревич,
кандидат юридических наук, доцент кафедры
государственно-правовых дисциплин,
Смоленский государственный университет,
214000, г. Смоленск, ул. Пржевальского, д. 4,
email: igor_mazurov@tut.by

Mazurov, Igor I.,
PhD in Law, Associate Professor
at Department of State and Legal Disciplines,
Smolensk State University, 4 Przhevalsky Str.,
Smolensk, 214000, Russian Federation,
email: igor_mazurov@tut.by

ОБЩЕПРАВОВЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ЛИЧНОСТИ

GENERAL LEGAL APPROACHES TO THE STUDY OF PERSONALITY

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена анализу конструкций субъекта права и субъекта правонарушения как общеправовых подходов к изучению личности. Ввиду ряда ограничений, присущих классической конструкции субъекта права, в рамках общеправовой теории также используются другие теоретические конструкции для исследования личности в контексте правовой реальности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: личность; субъект права; субъект правонарушения; социальный актор; агент; человек в праве; правоспособность; дееспособность; притязание.

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Мазуров, И. И. Общеправовые подходы к изучению личности [Текст] / И. И. Мазуров // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. – 2022. – Т. 9, № 2. – С. 77–86. – DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-2-9.

ABSTRACT. The article focuses on the analysis of constructions of the subject of law and the subject of offense as the general legal approaches to the study of personality. Due to a number of limitations inherent in the classical construction of the subject of law, other theoretical constructions are also used within the framework of the general legal theory to study a personality in the context of legal reality.

KEYWORDS: personality; subject of law; subject of offense; social actor; agent; human in law; legal capacity; capacity; claim.

FOR CITATION:

*Mazurov, I. I. General Legal Approaches to the Study of Personality [Text] / I. I. Mazurov. *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU*. – 2022. – Vol. 9, No. 2. – P. 77–86 (in Russian). – DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-2-9.*

Всоциогуманитаристике в целом существует огромное множество самых разных подходов к пониманию личности, что вполне закономерно, когда сложный предмет рассматривается в контексте разнообразных методологических позиций, различных научных дисциплин.

Собственное видение личности (в т. ч. личности преступника), представленное рядом концепций, теорий, сформировалось и в юриспруденции. Однако если попытаться представить наиболее общий подход к пониманию и изучению личности в рамках юриспруденции, то есть такой подход, который нашел свое отражение не только во всех отраслевых юридических теориях, но и, что самое важное, актуален для юридической практики, то следует обратить внимание на теорию субъекта права. Экспликация основного содержания этой теории есть важный ключ для общеправового (базового юридического) понимания личности, поскольку понятие субъекта права является родовым, собирательным для всех сфер правового регулирования.

Обычно представляется, что дискурс, базирующийся на проблематике личности, в большей степени носит общегуманитарный или даже философский характер. Но это только на первый взгляд. Значимость личности в правовой реальности подчеркивается в современной юридической науке. Например, С. И. Архипов отмечает, что «личность, выступающая в качестве творца всего правового, истинного источника права, создателя всех правовых идей, величайшей правовой ценности, заслуживает того, чтобы правовая наука придала ей должное значение. Позитивизм настолько глубоко проник в научное правосознание, так его деформировал, что целые поколения российских правоведов не могут иначе воспринимать субъект права, как только в качестве элемента состава правоотношения. Такое восприятие субъекта права очень точно передает отношение отечественной юриспруденции к правовой личности» [2, с. 10]. Схожую мысль мы встречаем у И. Л. Честнова, отмечающего, что «субъект права – центр правовой системы, ее творец и постоянный деятель. Именно субъект права формирует и воспроизводит своими действиями правовую реальность... одновременно сам формируется ей в процессе правовой социализации» [28, с. 187].

Что же из себя представляет субъект права и почему в вышеприведенных цитатах по сути идет речь не о субъекте права, в его классическом юридическом значении, а преимущественно о личности? Попробуем разобраться.

Вопрос как о зарождении концепции юридической персоны (субъекта права) [13], так и вопрос о ее генезисе [24, с. 96–137] были достаточно подробно рассмотрены в юридической науке, ввиду чего отдельно останавливаться на них не целесообразно. Отметим только, что классическая теория субъекта права, являющаяся сегодня господствующей, была окончательно сформирована в XX в. в советской науке о праве. Приведем несколько определений субъекта права, выдвинутых известными советскими и современными учеными.

Так, С. С. Алексеев определяет субъекта права через его признаки: «во-первых – это лицо, участник общественных отношений (индивиды, организации), которое по своим особенностям фактически может быть носителем субъективных прав и обязанностей... Во-вторых – это лицо, которое реально способно участвовать в правоотношениях, приобрело свойства субъекта права в силу юридических норм» [1, с. 138–139]. С. Ф. Кечекьян указывает, что под субъектом права следует понимать «лицо, участвующее или могущее участвовать в правоотношении» [11, с. 84]. В. А. Кучинский пишет, что к «субъектам права относятся индивиды (физические лица) и организации, которые обладают признаваемыми правовыми нормами юридическими качествами, позволяющими им быть носителями субъективных прав и обязанностей. Эти качества (свойства) охватываются таким сложным юридическим понятием, как правосубъектность» [15, с. 9]. Подобным образом характеризуют субъекта права и многие другие исследователи [2, с. 30–31; 10, с. 206; 16, с. 348; 20, с. 115; 21, с. 515; 25, с. 760; 30, с. 114–115; 29, с. 1053; 31, с. 59–60].

Таким образом, в современной юридической науке человек посредством формализации его качеств (правосубъектность) в нормативно-регулятивном поле рассматривается как субъекта права. Действительно, во всех юридических конструкциях, используемых в частно-правовой и публично-правовой сферах, человек представлен как институализированное лицо,

которое согласно законодательной регламентации потенциально может а) обладать субъективными правами и юридическими обязанностями (правоспособностью), б) приобретать и осуществлять эти права и обязанности (дееспособностью), в) нести персональную юридическую ответственность (деликтоспособностью). Вместе с тем несмотря на очевидную тесную взаимосвязь всех элементов правосубъектности: правоспособность есть условие дееспособности и деликтоспособности; правоспособность сама по себе не обладает какой-либо практической значимостью для человека без возможности реализации соответствующих субъективных прав и обязанностей [10, с. 206–207], то есть без дееспособности; дееспособность и деликтоспособность, по существу, есть официальное признание за теми или иными деяниями лица обычного юридического значения – одного из элементов правосубъектности вполне достаточно для юридической действительности субъекта права.

Субъект права не притязает в строгом смысле этого слова, подобно тому, как это может делать личность, проявляя себя, а реализует субъективное право или исполняет юридическую обязанность в контексте правоотношения (или через непосредственные способы реализации права) как элемент другой конструкции: правомерного поведения или правонарушения. В подобной юридической конструкции правосознание и, в частности, волевой аспект действия, правовая культура, как и другие качества личности, практически не учитываются и лишь в последующем выстраиваются как дополнение, «довесок» к конструкции субъекта. Например, согласно п. 3. ст. 60 Уголовного кодекса Российской Федерации суд при назначении наказания учитывает личность виновного, в то время как для определения его как субъекта преступления его личность не играет никакой роли. Более того, если же говорить не о субъекте преступления, а субъекте других видов правонарушений, где в качестве этих субъектов могут выступать корпорации, организации, социальные группы, государственные органы и т. п., то сам вопрос о наличии личности у каких-либо из этих коллективных образований был бы не корректен.

Как верно отмечает С. И. Архипов, подвох в понимании субъекта права (как и субъекта пра-

вонарушения) заключается в том, что многие авторы, упуская из виду абстрактный характер субъекта права, усматривают в нем нечто материальное, физически существующее. Так, в субъекте права – физическом лице – обычно видят «живое, действительно физическое лицо, которое вполне осязаемо, осязаемо, реально существует, человека как правовую личность смешивают с ее материальным носителем, человеком как природным существом» [2, с. 8]. Сегодня существует тенденция аналогичным образом рассматривать и юридическое лицо, которое «предстает перед нами как некое имущество, совокупность людей, имущественно-людовой конгломерат и т. д.» [2, с. 9–10].

Определение круга субъектов права является первым шагом для того, чтобы некоторым образом урегулировать отношения между ними, поэтому в строгом смысле слова такой «субъект» относительно правового регулирования оказывается «объектом», которому возможность действия (бездействия) лишь предписывается законодателем. В процессе правового регулирования устанавливается (изменяется) правосубъектность, а также правовые статусы субъектов права, которые выступают в качестве одного из первых и основных условий для юридического признания деяний, притязаний личности, артикулированной в качестве субъекта права – формального участника правовой коммуникации. Например, раб (*servus*) не признавался в римском праве лицом (*persona*), то есть субъектом права, по причине чего не мог формально обладать субъективными правами – притязания на них попросту не прошли бы социальную верификацию и не были бы признаны. Однако формально-юридическое непризнание человека субъектом права не исключает его личность, и притязания раба на права в отношении некоторого личного имущества (*peculium*) [3, с. 38] признавались, как минимум, в его социальной среде. Более того, раб мог притязать на право быть свободным от оков своего правового положения в соответствии со специальной юридической процедурой – *manumissio vindicta* («освобождение из-под власти») [3, с. 38], а данное притязание официально признавалось римским правом как правовое, вопреки тому, что до момента актуализации субъективного права на свободу раб так и не считался субъектом пра-

ва. По завершении указанной процедуры раб признавался субъектом права, приобретая новый правовой статус – статус вольноотпущенника, в соответствии с которым он получал определенный объем субъективных прав и юридических обязанностей. Таким образом, посредством правового регулирования определяется совокупность условий, формальных качеств (правосубъектность), соответствие которым позволяет определенным социальным акторам выступать в качестве субъектов права, притязания которых, даже если они идут вразрез с личными или общественными интересами и ценностями, но при этом соответствуют нормам права, подлежат юридическому признанию.

Вместе с тем в юридической практике нередки случаи, когда злоумышленник выдает свои притязания и деяния как правовые, в т. ч. используя статус субъекта права для обмана, введения в заблуждение других лиц, а также при помощи иных недобросовестных способов, таким образом соблюдая условия и порядок, требуемые для юридического признания этих притязаний и деяний. Так, например, действует злоумышленник при учреждении юридического лица, приобретении акций (долей участия, паев) других юридических лиц без реального намерения осуществлять предпринимательскую деятельность (лжепредпринимательство). Или, к примеру, заем денег лицом, которое с самого начала запланировало не возвращать их кредитору, при соблюдении всех юридических процедур и правил займа признается правомерным поведением (в сущности, не являясь таковым) только на том лишь основании, что этот бесчестный должник обладает статусом субъекта права. Это можно считать одним из хрестоматийных примеров антиномии юридических и личностных качеств человека.

В настоящее время субъект правонарушения (правонарушитель, в т. ч. и преступник, в строго юридическом смысле этого слова) является такой же абстрактной юридической конструкцией, аналогичной конструкции субъекта права, с тем только отличием, что содержательно субъект правонарушения есть прежде всего деликтоспособное лицо, совершившее противоправное (то есть запрещенное законом) виновное деяние [6, с. 456; 7, с. 6]. Способность лица претерпевать меры юридической ответственно-

сти за совершенное правонарушение, то есть деликтоспособность как элемент правосубъектности, наряду с фактом нарушения определенной нормы права – есть те два признака, которые определяют субъекта правонарушения, артикулируют его правовой реальности. Как верно отмечает В. И. Павлов, размышляя по поводу классической модели юридической ответственности, «человек нужен только для того, чтобы запустить машину по реализации, по доказыванию состава преступления, а сам он – на периферии» [23, с. 142].

Более того, как разрешить парадокс, когда исследователь имеет дело с отдельными людьми или даже социальными группами, которые не определяются действующей правовой системой как субъекты права, однако фактически посредством своих действий, притязаний тем или иным образом воздействуют на правовую реальность, в т. ч. запуская процесс формирования объективного права? Очевидно, на основании того, что к ним неприменима модель субъекта права, исследователь не может отказаться от научного анализа юридической материи.

В современной научной юридической литературе для научного осмысления правовой реальности наряду с классической конструкцией субъекта права (или субъекта правонарушения) используются и другие концепты человека, позволяющие иным образом формализовать личность и ее качества. И здесь в общем и целом возможны несколько вариантов концептуализации, каждый из которых отражает определенную методологическую конфигурацию, используемую при изучении личности.

В первую очередь, это дополнение классической общеправовой теории субъекта права, заложенное в методологию исследования, социологической теорией личности. Такой подход характерен, например, для криминологии [14, с. 11–15]. В современной же общеправовой теории он практически не встречается, не считая редких исключений. К числу таких исключений можно отнести, пожалуй, работу Е. А. Лукашевой «Право. Мораль. Личность» [17], в которой автор наряду с использованием элементов классической теории субъекта права обращается к социологической теории личности, определяя структуру личности вполне традиционно: как единство социально-типичных и индивидуаль-

но-своеобразных качеств, политико-правовых и моральных, культурных и других характеристик [17, с. 177]. Вместе с тем подход к исследованию личности, основанный на совмещении теории личности и теории субъекта, где первая компенсирует структурно-функциональную ограниченность второй, не может быть представлен как общеправовой ввиду ряда причин предметно-методологического характера. И поскольку подробный разбор этих причин не является нашей целью, в качестве общей ремарки отметим, что данный подход обуславливает социологическую (криминология) или философско-правовую (указанная работа Е. А. Лукашевой) модель исследования, а также не предполагает конкретных инструментов научного анализа, актуальных для юриспруденции в целом, то есть общеправовых инструментов, каковым является, например, субъект права. Эти затруднения разрешаются в рамках далее перечисленных подходов к концептуализации человека.

Во вторую очередь, это содержательное расширение самой конструкции субъекта права. Так, С. И. Архипов рассматривает субъекта права не только как лицо, наделенное правосубъектностью, но и одновременно как носителя правовой воли (субъекта притязания, опосредующего процесс правообразования и правореализации), как совокупность правовых отношений, правовых связей, как правовое сознание, как социально-правовую ценность [2, с. 120–123], вместе с тем не ограничиваясь лишь указанными характеристиками и допуская иные аспекты понимания субъекта права [2, с. 122]. Российский исследователь делает вывод о том, что «в центре правовой системы в качестве первичного и исходного субъекта права должен быть не индивид – “частное” (физическое лицо) – и не юридическое лицо (как заключенные в скобки обособившиеся элементы, свойства правовой личности человека), а именно человек (как единая правовая личность)» [2, с. 248], интегрирующий и частноправовые роли в гражданских, семейных, иных «частных» отношениях, и публично-правовые роли в административных отношениях [2, с. 248]. В связи с этим С. И. Архипов отмечает, что «правовые субъекты делятся на физических и юридических лиц не по плоти, не по коллективному или индивидуальному субстрату и тому подобным основаниям. Так называе-

мым субстратом, который действительно делят юристы, является *правовая личность человека* (курсив наш. – И. М.). От этой личности отсекается все «частное», «индивидуальное», особое и упаковывается в форму так называемого физического лица и все общее, помещаемое в конструкцию юридического лица, включая его особые разновидности – государство, иные публично-правовые лица» [2, с. 248].

Н. В. Исаева аналогичным образом предпринимает попытку содержательного расширения классической конструкции субъекта права за счет ее дополнения новым элементом явно из смысловой плоскости личности – правовой идентичностью [9, с. 21–22, 158, 189].

В третью очередь, это методологическая опора в юридическом исследовании на другие концепты человека, которые содержательно тем или иным образом соотносятся с классической конструкцией субъекта права или же всецело заменяют ее. К их числу следует отнести концепты (теории) социального актора [12; 26], человека в праве [24, с. 96–151], правового существа [18, с. 61–85] и проч., которые также могут быть использованы в качестве общеправовой методологической установки для изучения личности в правовой реальности.

Понятие «социальный актор» не является новеллой для современной общеправовой теории. Оно также было заимствовано из социологии, как и понятие личности, однако в рамках общеправовой теории и философии права претерпело некоторые изменения. Под социальным актором понимается активно действующий участник общественных отношений – интересант, активный «субъект» правового действия [27, с. 83]. Он делает себя значимым, существенным для правовой реальности посредством своих притязаний. Особенно если размышлять о притязаниях в контексте объективации правосознания (притязание объективирует правосознание), то мы сталкиваемся с тем, что притязание личности – это один из способов обнаружения идеального (идеологического) источника права в реальных действиях социального актора [5]. В свою очередь, в отличие от субъекта права, который внешне определяем нормой, требования к конструкции социального актора менее строги, за счет чего он может структурно включать более широкий спектр характеристик личности. Это по-

звояет прежде всего обращать внимание на антропологический аспект права.

В научной литературе также можно встретить категорию «агент», используемую по смыслу тождественно социальному актору [4]. Однако тут следует учитывать специфику юридической лексики, согласно которой агент понимается как сторона, действующая по поручению (в интересах) другой стороны – принципала, в то время как социальный актер характеризуется самостоятельностью действия.

О нетождественности субъекта права и социального актора свидетельствует ряд примеров из юридической теории и практики, когда свойствами субъекта права наделяется не только человек, либо конкретный человек не признается субъектом права (хотя, конечно, в условиях социума он является и личностью, и социальным актором), которые, к слову, не следует расценивать в качестве примеров несовершенства юридической техники прошлого. Так, в ст. 5 боливийского «Закона о Правах Матери-Земли» («Ley de Derechos de la Madre Tierra»), принятом в 2010 году, в целях защиты своих прав «Мать-Земля» («Madre Tierra») объявляется «коллективным субъектом, представляющим публичный интерес» [8], то есть признается субъектом права, хотя фактически не является ни личностью, ни социальным актором по объективным причинам, а в качестве социальных акторов выступают граждане Боливии, которые могут реализовать право на жизнь и здоровье, чистую экологическую среду, биологическое разнообразие и ряд других прав и свобод в рамках указанного закона.

В русле антропологической теории права В. И. Павлов предпринимает попытку пересмотреть описание, понимание и функциональность правовой реальности за счет переосмысления роли человека в праве. Одна из ключевых идей данной теории – это расширение, углубление понимания человека в праве: от субъекта права – к человеку в праве, что не означает отказа от понятия «субъект права», но предполагает его развитие [24, с. 96–151; 22]. Так, В. И. Павлов концептуализирует человека в праве как синтез двух уровней его бытия: нормативного (классический субъект права) и энергийного (правовой человек). При этом последний уровень – правовой человек – рассматривается как «способ правового суще-

ствования человека в праве, включающий и личностно конститутивную, и ценностную стороны, влияющие на юридическое самоопределение и поведение лица в правовой реальности» [24, с. 63]. Смысл дополнения классического субъекта права понятием «правовой человек» заключается, как указывает В. И. Павлов, в том, чтобы «выявить реальное положение человека в правовой реальности и через это проследить его взаимоотношение с неантропологическими – институциональными правовыми образованиями – различными правовыми институтами, юридическими конструкциями, механизмами и т. д.» [24, с. 63].

В качестве еще одной модели концептуализации человека в правовой реальности следует отметить оригинальную концепцию правового существа В. П. Малахова. Так, российский исследователь отмечает, что «...перед нами – не правовой субъект, ибо с понятием о субъекте связана совершенно иная смысловая нагрузка... <...> Но мы также не говорим и о правовой личности как о некоторой социальной качественности... Речь идет именно о правовом существе как о таком феномене, которому черты права присущи имманентно, для которого правовое бытие является всеобъемлющим и самодостаточным. Оно – определенная “ипостась” человека, наряду с его биосоциальностью, моральностью, боговдохновенностью, экономичностью, разумностью, историчностью и пр. Этими существами человек также никогда не перестает быть. Правовое существо – это человек, бытующий в сетке координат правовой реальности и перестающий быть полноценным человеком, как только он за пределы этой сетки выходит (или выпадает). <...> Право – свойство человека, а человек – субстанция права. Это самое большое и самое изначальное, что может быть сказано о правовом существе» [19, с. 187–188]. Однако характеристика человека как правового существа, срабатывая на уровне философии права, с трудом соотносится с общеправовой теорией, а тем более сложно адаптируется к конкретному практико-ориентированному юридическому анализу, методология для которого формируется в рамках общеправовой теории. Тем не менее концепция правового существа, как представляется, не лишена эвристического потенциала для теории права.

Существуют и другие общеправовые подходы к пониманию и изучению личности, однако в целом они укладываются в один из указанных выше вариантов юридического прочтения человека.

Таким образом, конструкция субъекта права или конструкция социального актора, или конструкция человека в праве будут определять соответствующую методологическую основу, используемую, *во-первых*, для мысленной фиксации значимых для права характеристик человека и, *во-вторых*, для их последующего научного анализа. Например, преступник, совершающий кражу кошелька, посягает не на кошелек, а на право собственности, ибо «притязатель» притязает не на сам предмет, а на право на этот предмет (действие и т. д.). Для обычного взгляда вор посягает на кошелек, но в юридическом смысле (как субъект правонарушения) – на право собственности. Вор остается типичным преступником, если посягает исподтишка, осознавая неправомерность своих действий. Вместе с тем если он действует как мифический «Робин Гуд», то в таком случае он не просто посягает, а притязает на право восстанавливать справедливость путем перераспределения собственности сообразно своим представлениям о справедливости, так как не видит ничего правомерного в установленном несправедливом порядке. Он как социальный актер бросает правовой вызов, обусловленный его личностно-ценностными установками, хотя чисто с формальной стороны остается правонарушителем.

Учитывая вышеизложенное, можно сделать следующие выводы и обобщения:

1. Общеправовой подход к изучению личности представлен прежде всего классической теорией субъекта права.

Как имя предписывается ребенку с рождения, так и в правовом дискурсе человек рассматривается сквозь призму субъекта права (за исключением некоторых случаев, например, рабы в римском праве считались не субъектами права, а *res mancipi* – вещами).

Субъект права в рамках общетеоретического и отраслевого юридического знания определяется не путем глубокой содержательной оценки его деяний, притязаний или ценностных установок, равно как и других элементов индивидуальной правовой культуры, актуа-

лизирующих человека для правовой реальности как полноценную личность, а посредством правосубъектности (деликтоспособности, если речь идет о правонарушителе) и соответствующего ей правового статуса. В свою очередь, традиционные для общеправовой теории понятия правосознания и понятия правовой культуры хоть и относятся к личности, однако инструментально в юридических конструкциях практически не учитываются.

2. Рассматривается субъект права главным образом в качестве подчиненного элемента специальных юридических конструкций – элемента структуры правоотношения (или правомерного поведения, если речь идет о непосредственных способах реализации права) либо состава правонарушения. Во многом это обусловило традицию в юриспруденции, согласно которой принято исследовать субъект права, как и стоящую за ним личность, как неглавное, вторичное правовое явление.

3. Фактический правовой статус субъекта права в контексте правомерного и противоправного поведения отличается и зависит от юридической конструкции, через которую он определяется в той или иной сфере права. Так, субъект права в контексте правомерного поведения – субъект правоотношения, правомерного поведения, в то время как субъект права в контексте правонарушения – правонарушитель (субъект правонарушения). То есть понятие субъекта права используется как родовое во всех отраслях права. В отличие от субъекта права как субъекта правомерного поведения деяние правонарушителя не направлено на реализацию права, а направлено на его нарушение. Вместе с тем совершение лицом правонарушения (юридический факт) является основанием для возникновения особого рода правоотношений (охранительных), в которых правонарушитель выступает специальным участником.

4. В настоящее время классическая теория субъекта права занимает господствующее положение в отечественной правовой науке и юридической практике. Именно практическая эффективность этой абстрактной юридической конструкции, отвлекающейся от множества реальных качеств и свойств человека, усекающей его ценностно-личностные качества до состояния, когда «субъектом» может быть, к примеру, любая организация (даже представленная все

так же одним человеком), соответствующая формальным, законодательно оговоренным признакам юридического лица, обуславливает ее жизнеспособность.

5. В общеправовой теории для изучения и анализа личности помимо классической конструкции субъекта права могут использоваться и другие познавательные модели. К их числу следует отнести, *во-первых*, социологическую концепцию личности, используемую как дополнение к субъекту права. *Во-вторых*, содержательно расширенную концепцию субъекта права. *В-третьих*, иные модели познания личности (правовое существо, человек в праве, социальный актор и т. д.), тем или иным образом концептуализирующие значимые для права качества человека.

6. Хотя современная общеправовая интеллектуальная модель (в подавляющей степени позитивистская) вполне успешно обходится использованием привычной для нее теории субъекта права, тем не менее в юридической науке, как и во всем корпусе социогуманитарных наук, наметилась устойчивая тенденция к переосмыслению классических правовых теорий и конструкций ввиду происходящих на рубеже XX и XXI вв. экономических и социокультурных изменений. Так, в рамках общеправовой теории сложились концепты социального актора, человека в праве и проч., позволяющие несколько иным образом концептуализировать человека и его личность. Данные подходы, продуктивно используя ряд авторов в научной юридической литературе, представляются оправданными для современных правовых и социальных реалий.

Литература

1. Алексеев С. С. Общая теория права: в 2 томах [Текст] / С. С. Алексеев. Т. 2. – Москва : Юридическая литература, 1982.
2. Архипов, С. И. Субъект права: теоретическое исследование [Текст] / С. И. Архипов. – Санкт-Петербург : Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004.
3. Афонасин, Е. В. Римское право [Текст] / Е. В. Афонасин. – Новосибирск : Программа развития НГУ, 2013.
4. Бурдые, П. Социология политики [Текст] / П. Бурдые ; пер. с фр. ; сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко. – Москва : Socio-Logos, 1993.
5. Васильева, Т. А. Понятие и значение источника права [Текст] / Т. А. Васильева // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. – 2010. – № 73. – С. 37–44.
6. Вишневский, А. Ф. Общая теория государства и права [Текст] / А. Ф. Вишневский, Н. А. Горбатов, В. А. Кучинский ; под ред. В. А. Кучинского. – 2-е изд. перераб. и доп. – Москва : Изд-во деловой и учебной литературы, 2006.
7. Владимиров, В. А. Субъект преступления по советскому уголовному праву [Текст] : лекция / В. А. Владимиров, Г. А. Левицкий. – Москва : Высшая школа МООП РСФСР, научно-исследовательский и редакционно-издательский отдел, 1964.
8. Закон Боливии № 071 от 21 декабря 2010 г. «Ley de Derechos de la Madre Tierra» («О правах Матери-Земли») [Электронный ресурс] // URL: <https://bolivia.infoleyes.com/norma/2689/ley-de-derechos-de-la-madre-tierra-071>.
9. Исаева, Н. В. Правовая идентичность (теоретико-правовое исследование) [Текст] : дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / Н. В. Исаева. – Москва, 2014.
10. Иоффе, О. С. Вопросы теории права [Текст] / О. С. Иоффе, М. Д. Шаргородский. – Москва : Изд-во Юридической литературы, 1961.
11. Кечекьян, С. Ф. Правоотношения в социалистическом обществе [Текст] / С. Ф. Кечекьян. – Москва : Изд-во Акад. наук СССР, 1958.
12. Клименко, А. И. Правовая идеология современного политически организованного общества [Текст] / А. И. Клименко. – Москва : Норма, 2017.
13. Кофанов, Л. Л. Persona и persona publica в республиканском Риме [Текст] / Л. Л. Кофанов // IVS ANTI-QVVM. Древнее право. – 2010. – № 1(25). – С. 27–50.
14. Курс советской криминологии: Предмет. Методология. Преступность и ее причины. Преступник [Текст] / В. Н. Кудрявцев [и др.]; под ред. В. Н. Кудрявцева, И. И. Карпеца, Б. В. Коробейникова. – Москва : Юридическая литература, 1985.
15. Кучинский, В. А. Основы учения о правовых отношениях [Текст] : лекция / В. А. Кучинский. – Минск : Академия МВД, 2008.
16. Лазарев, В. В. Теория государства и права [Текст] / В. В. Лазарев, С. В. Липень. – Москва : Спарк, 2004.
17. Лукашева, Е. А. Право. Мораль. Личность [Текст] / Е. А. Лукашева ; отв. ред. В. М. Чхиквадзе. – Москва : Наука, 1986.
18. Малахов, В. П. Концепция философии права [Текст] / В. П. Малахов. – Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2007.
19. Малахов, В. П. Природа, содержание и логика правосознания [Текст] : дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / В. П. Малахов. – Москва, 2003.
20. Мальцев, Г. В. Социалистическое право и свобода личности [Текст] / Г. В. Мальцев. – Москва : Юридическая литература, 1968.
21. Нерсесянц, В. С. Общая теория права и государства [Текст] / В. С. Нерсесянц. – Москва : Норма: ИНФРА-М, 2012.
22. Павлов, В. И. От субъекта права к правовой субъективации (К началам энергично-правового дискурса) [Текст] / В. И. Павлов // Наука теории и истории государства и права в поиске новых методологических решений : коллективная монография ; отв. ред. А. А. Дорская. – Санкт-Петербург : Астерион, 2012. – С. 115–133.
23. Павлов, В. И. Постклассические концепции субъекта права [Текст] / В. И. Павлов // Феномен человека

в его эволюции и динамике: Труды открытого семинара Института Синергической Антропологии / отв. ред. и вступ. ст. С. С. Хоружий. – Великий Новгород : НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2013.

24. Павлов, В. И. Проблемы теории государства и права [Текст] / В. И. Павлов. – Минск : Академия МВД, 2017.

25. Поляков, А. В. Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода [Текст] / А. В. Поляков. – Санкт-Петербург : Издательский дом СПбГУ, 2004.

26. Трофимов, В. В. Коммуникация гражданского общества и публичной власти на платформе правового сотворчества как социальный инструмент выравнивания и стабилизации курса государственно-правового развития (введение в проблему) [Текст] / В. В. Трофимов // Право: история и современность. – 2018. – № 1. – С. 73–82.

27. Трофимов, В. В. Правовая наука и коммуникативная теория общества (к проблеме модернизации социально-философских оснований правовых исследований) [Текст] / В. В. Трофимов, В. В. Свиридов. – Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2017.

28. Честнов, И. Л. Диалогическая концепция права [Текст] / И. Л. Честнов // Неклассическая философия права: вопросы и ответы / Библиотека международного журнала «Проблемы философии права». – Харьков, 2013. – С. 160–189.

29. Четвернин, В. А. Субъект права [Текст] / В. А. Четвернин // Юридическая энциклопедия / редкол.: Т. Е. Абова [и др.]; под общ. ред. Б. Н. Топорнина. – Москва : Юристъ, 2001.

30. Халфина, Р. О. Общее учение о правоотношении [Текст] / Р. О. Халфина. – Москва : Юридическая литература, 1974.

31. Явич, Л. С. Сущность права [Текст] / Л. С. Явич. – Ленинград : Изд-во Ленинградского университета, 1985.

References

1. Alekseev, S. S. General Theory of Law: in 2 volumes [Text] / S. S. Alekseev. Vol. 2. – Moscow : Legal Literature Publ., 1982 [in Russian].

2. Arkhipov, S. I. The subject of law: a theoretical study [Text] / S. I. Arkhipov. – St. Petersburg : Publishing house of R. Aslanov “Law Center Press”, 2004 [in Russian].

3. Afonasin, E. V. Roman Law [Text] / E. V. Afonasin. – Novosibirsk : NSU Development Program, 2013 [in Russian].

4. Bourdieu, P. Sociology of Politics [Text] / P. Bourdieu ; trans. from French; comp., general ed. and preface by N. A. Shmatko. – Moscow : Socio-Logos Publ., 1993 [in Russian].

5. Vasilyeva, T. A. The concept and meaning of the source of law [Text] / T. A. Vasilyeva // Bulletin of the V. N. Tatishchev Volga State University. – 2010. – No. 73. – P. 37–44 [in Russian].

6. Vishnevsky, A. F. General Theory of State and Law [Text] / A. F. Vishnevsky, N. A. Gorbatok, V. A. Kuchinsky ; edited by V. A. Kuchinsky. – 2nd ed. reprint. and additional. – Moscow : Publishing house of business and educational literature, 2006 [in Russian].

7. Vladimirov, V. A. The subject of a crime under Soviet criminal law [Text] : lecture / V. A. Vladimirov, G. A. Lev-

itsky. – Moscow : Higher School of the Ministry of Education and Science of the RSFSR, Research and Editorial and Publishing Department, 1964 [in Russian].

8. Bolivian Law No. 071 of December 21, 2010 “Ley de Derechos de la Madre Tierra” (“On the rights of Mother Earth”) [Electronic resource] // URL: <https://bolivia.infoeyes.com/norma/2689/ley-de-derechos-de-la-madre-tierra-071> [in Russian].

9. Isaeva, N. V. Legal identity (theoretical and legal research) [Text] : thesis for the Doctor of Law degree: 12.00.01 / N. V. Isaeva. – Moscow, 2014 [in Russian].

10. Ioffe, O. S. Questions of the theory of law [Text] / O. S. Ioffe, M. D. Shargorodsky. – Moscow : Publishing House of Legal Literature, 1961 [in Russian].

11. Kechekyan, S. F. Legal relations in a socialist society [Text] / S. F. Kechekyan. – Moscow : Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1958 [in Russian].

12. Klimenko, A. I. The legal ideology of a modern politically organized society [Text] / A. I. Klimenko. – Moscow : Norma Publ., 2017 [in Russian].

13. Kofanov, L. L. Persona and persona publica in Republican Rome [Text] / L. L. Kofanov // IVS ANTIQVVM. Ancient law. – 2010. – № 1(25). – P. 27–50 [in Russian].

14. The course of Soviet criminology: Subject. Methodology. Crime and its causes. The criminal [Text] / V. N. Kudryavtsev [et al.]; edited by V. N. Kudryavtsev, I. I. Karpets, B. V. Korobeynikov. – Moscow : Legal Literature Publ., 1985 [in Russian].

15. Kuchinsky, V. A. Fundamentals of the doctrine of legal relations [Text] : lecture / V. A. Kuchinsky. – Minsk : Academy of the Ministry of Internal Affairs, 2008 [in Russian].

16. Lazarev, V. V. Theory of State and Law [Text] / V. V. Lazarev, S. V. Lipen. – Moscow : Spark Publ., 2004 [in Russian].

17. Lukasheva, E. A. Pravo. Moral. Personality [Text] / E. A. Lukasheva ; ed. by V. M. Chkhikvadze. – Moscow : Nauka Publ., 1986 [in Russian].

18. Malakhov, V. P. The concept of philosophy of law [Text] / V. P. Malakhov. – Moscow : UNITY-DANA Publ., 2007 [in Russian].

19. Malakhov, V. P. Nature, content and logic of legal consciousness [Text] : thesis for the Doctor of Law degree: 12.00.01 / V. P. Malakhov. – Moscow, 2003 [in Russian].

20. Maltsev, G. V. Socialist law and freedom of the individual [Text] / G. V. Maltsev. – Moscow : Legal Literature Publ., 1968 [in Russian].

21. Nersesyants, V. S. General Theory of Law and State [Text] / V. S. Nersesyants. – Moscow : Norm: INFRA-M Publ., 2012 [in Russian].

22. Pavlov, V. I. From the subject of law to legal subjectivation (To the beginnings of the energy-legal discourse) [Text] / V. I. Pavlov // Science of theory and history of state and law in search of new methodological solutions : a collective monograph ; ed. by A. A. Dorskaya. – St. Petersburg : Asterion Publ., 2012. – P. 115–133 [in Russian].

23. Pavlov, V. I. Postclassical concepts of the subject of law [Text] / V. I. Pavlov // The phenomenon of man in his evolution and dynamics: Works of open seminar of the Institute of

Synergetic Anthropology / ed. and the introductory article of S. S. Khoruzhiy. – Veliky Novgorod : Yaroslav the Wise NovSU, 2013 [in Russian].

24. *Pavlov, V. I.* Problems of the theory of state and law [Text] / V. I. Pavlov. – Minsk : Academy of the Ministry of Internal Affairs, 2017 [in Russian].

25. *Polyakov, A. V.* General Theory of Law: problems of interpretation in the context of a communicative approach [Text] / A. V. Polyakov. – St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg State University, 2004 [in Russian].

26. *Trofimov, V. V.* Communication of civil society and public authorities on the platform of legal co-creation as a social tool for leveling and stabilizing the course of state and legal development (introduction to the problem) [Text] / V. V. Trofimov // Law: History and Modernity. – 2018. – No. 1. – P. 73–82 [in Russian].

27. *Trofimov, V. V.* Legal science and communicative theory of society (on the problem of modernization of socio-philosophical foundations of legal research) [Text] / V. V. Trofimov, V. V. Sviridov. – Tambov : Publishing House of TSU named after G. R. Derzhavin, 2017 [in Russian].

28. *Chestnov, I. L.* Dialogic concept of Law [Text] / I. L. Chestnov // Non-classical Philosophy of law: questions and answers / Library of the international journal “Problems of Philosophy of Law”. – Kharkov, 2013. – P. 160–189 [in Russian].

29. *Chetvernin, V. A.* The subject of law [Text] / V. A. Chetvernin // Legal Encyclopedia / editorial board: T. E. Abova [et al.]; under the general editorship of B. N. Topornin. – Moscow : Yurist Publ., 2001 [in Russian].

30. *Khalfina, R. O.* The general doctrine of legal relations [Text] / R. O. Khalfina. – Moscow : Legal Literature Publ., 1974 [in Russian].

Поступила в редакцию 24.03.2022

Received March 24, 2022

Овчинников Алексей Игоревич,
доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой теории и истории
государства и права, юридический факультет,
Южный федеральный университет,
344002, г. Ростов-на-Дону,
ул. М. Горького, д. 88; профессор кафедры
теории и истории права и государства ЮРИУ
РАНХиГС при Президенте РФ, 344002,
г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, д. 70/54,
email: k_fp3@mail.ru

Ovchinnikov, Alexey I.,
Doctor of Law, Professor,
Head of the Department of Theory and History
of State and Law, Law Faculty, Southern Federal
University, 88 M. Gorky Str., Rostov-on-Don,
344002, Russian Federation;
South-Russian Institute of Management
(SRIM, a branch of RANEPa),
70/54 Pushkinskaya Str., Rostov-on-Don,
344002, Russian Federation,
email: k_fp3@mail.ru

Фарапонова Татьяна Константиновна,
преподаватель, Специализированный
учебно-научный центр Южного
федерального округа, 344090, г. Ростов-на-
Дону, ул. Сладкова, д. 178/24,
email: tfaraponova@sfedu.ru

Faraponova, Tatyana K.,
Lecturer, Specialized Educational and Scientific
Center of the Southern Federal District,
178/24 Sladkov Str., Rostov-on-Don,
344002, Russian Federation,
email: tfaraponova@sfedu.ru

КОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В ПРАВООТВОРЧЕСТВЕ*

CONFESSIONAL COMPONENT OF ETHNOCULTURAL EXPERTISE IN LAWMAKING

АННОТАЦИЯ. В статье рассмотрены концептуальные элементы проведения этнокультурных экспертиз в сфере права. Авторы делают акцент на религиозно-правовых и этноконфессиональных особенностях правосознания, которые часто не учитываются ни в правотворческой политике государства, ни в правоприменительной практике. В качестве важнейшего критерия допустимости правовых обычаев с этноконфессиональным компонентом на территории Российской Федерации авторы предлагают признать «публичный порядок». Речь идет, естественно, о тех ситуациях, когда имеется некоторое противоречие между официальным законодательством и религиозным правосознанием.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: правовая теология; правосознание; правовой обычай; правовая этнология; антропология права; религиозное мировоззрение; государственно-конфессиональные отношения.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-44228 «Право и правосознание в теологическом измерении: история и современность».

ABSTRACT. The article considers the conceptual elements of conducting ethno-cultural expertise in the field of law. The authors focus on the religious-legal and ethno-confessional features of legal consciousness, which are often not taken into account either in the law-making policy of the state or in law enforcement practice. As the most important criterion for the admissibility of legal customs with an ethno-confessional component on the territory of the Russian Federation, the authors propose to recognize 'public order'. Naturally, we are talking about those situations where there is some contradiction between official legislation and religious legal consciousness.

KEYWORDS: legal theology; legal consciousness; legal custom; legal ethnology; anthropology of law; religious worldview; state-confessional relations.

* The study was financially supported by the RFBR within Research Project No. 21-011-44228 entitled 'The Right and Legal Conscience in a Theological Dimension: History and the Present'.

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Овчинников, А. И. Конфессиональный компонент этнокультурной экспертизы в правотворчестве [Текст] / А. И. Овчинников, Т. К. Фарапонова // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. – 2022. – Т. 9, № 2. – С. 87–93. – DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-2-10.

FOR CITATION:

Ovchinnikov, A. I. Confessional component of ethnocultural expertise in lawmaking [Text] / A. I. Ovchinnikov, T. K. Faraponova. *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU*. – 2022. – Vol. 9, No. 2. – P. 87–93 (in Russian). – DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-2-10.

Введение. Правотворческая деятельность представляет собой сложный элемент механизма государственного управления, что в условиях сложноустроенного и большого государства, имеющего в своем составе более 190 этносов и несколько конфессий, предполагает учет этнокультурного, этноюридического, этнополитического и этноконфессионального контекста права. Этнокультурный контекст связан с недопущением правовой защиты ценностей, не входящих в этнокультурное наследие народов Российской Федерации, а также с учетом этнокультурной самобытности народов России, которая Конституцией РФ гарантируется в статьях 68 и 69. Этноюридический контекст предполагает учет норм этнического обычного права, которое продолжает определять и регулировать поведение во многих субъектах РФ, особенно на Северном Кавказе. Этнополитический контекст предполагает фильтрацию норм, обладающих конфликтогенным характером по отношению к межэтническому миру и согласию, а также создающих благоприятные условия для этнократических тенденций в субъектах Российской Федерации с преобладанием той или иной этнической группы. Наконец, этноконфессиональный контекст предполагает учет религиозных норм и традиций, нарушение которых со стороны законодательства может повлечь протестные настроения среди представителей доминирующих конфессий.

Рассмотрим некоторые концептуальные предпосылки этноконфессионального компонента этнокультурной экспертизы права. Представляется важным выделить некоторые аспекты данной экспертной деятельности в фокусе правовой теологии – междисциплинарного направления в правовых исследованиях на стыке юриспруденции и теологии.

Этноконфессиональная экспертиза в фокусе правовой теологии. Этноконфессиональное измерение права представляет собой важ-

нейшее направление исследований в области правовой теологии. Правовая теология представляет собой новое междисциплинарное направление в исследовании права, правопонимания, правосознания, правовой культуры, правовых ценностей и правового поведения. Традиции такого подхода насчитывают столетия, так как именно религиозным было правовое мышление видных представителей русской философии права И. А. Ильина, П. И. Новгородцева, Л. А. Тихомирова, Б. П. Вышеславцева и других. Религиозным было и правосознание у всех народов вплоть до XIX–XX веков, когда начался процесс секуляризации – постепенного разделения преимущественно в европейской культурно-исторической традиции светского и духовного измерения человека и общества.

Правовая теология как одно из направлений развития современного правового мышления важна по следующим причинам. Для России в условиях постмодернистского методологического кризиса в социальных науках в целом и в правовом мышлении в частности, вызванного, прежде всего, длительным мировоззренческим отрицанием своих базисных оснований, а также отказом европейской философии и теории права от своей христианской цивилизационной идентичности в пользу секулярных нелиберальных стандартов, вопрос о государственно-правовой идентичности приобретает особую значимость для юридической науки. Многие авторы признают неудачу проекта вестернизации постсоветской российской государственности и правовой системы, но значимых концептуальных альтернатив пока нет. Это значит, что существует необходимость дальнейшего обсуждения проблемы цивилизационной идентичности, политической и правовой самобытности российской государственности и права. В том числе и этноконфессионального компонента этнокультурного наследия в Российской Федерации, его сбережения и защиты в правовой политике страны.

Этнокультурная экспертиза нормативных актов является важным условием сбережения этнокультурного наследия Российской Федерации, что неоднократно обсуждалось в некоторых публикациях [1; 6; 9]. Идея этноэкологической экспертизы была предложена в 1999 году авторами монографии «Методы этноэкологической экспертизы» – этнологами Х. М. Думановой, Ю. В. Ивановой, В. И. Козловым, Н. И. Новиковой, А. И. Першиц, В. В. Степановым, А. Н. Ямсковой. На современном этапе разработан законопроект «Об этноэкологической экспертизе в РФ» [8], который посвящен отношениям в области этноэкологической экспертизы, осуществляемой в целях недопущения нанесения урона объектам этнокультурного наследия граждан в Российской Федерации, негативного влияния управленческих решений на международные отношения. Однако недостатком данного законопроекта является то, что он преимущественно направлен на защиту коренных малочисленных народов, а не на культурные традиции и ценности всех этносов, в том числе и крупных.

Постановка проблемы этноконфессионального измерения права. В современный период можно говорить уже о том, что процесс секуляризации становится постепенно процессом постсекуляризации, так как ожидания атеистически настроенных европейских интеллектуалов-гуманистов эпохи модерна не оправдались: никуда не исчезли религии и храмы, священные и сакральные ценности и идеи. Более того, некоторые народы, особенно те, которые существенно пострадали от воинствующего атеизма XX века, демонстрируют рост религиозности своих представителей. Прежде всего, хотелось бы указать на русский народ, который явно переживает после 90-х этап возрождения православной веры, а также на этносы постсоветской России, где ислам существенно влияет на общественную и личную жизнь верующих. Собственно говоря, религиозные ценности, идеи, нормы и правила и так сохраняли свое значение даже в период СССР, но их влияние было неявным – через обычаи, традиции, архетипы правосознания. Например, именно архетипы православной культуры определили события после Октябрьской революции 1917 года, как это показал видный русский мыслитель Н. А. Бердяев в работе «Ис-

токи и смысл русского коммунизма». Соборность, жертвенность, аскетизм православной этики плавно трансформировался в моральный кодекс строителей коммунизма. Однако в процессе строительства коммунизма сформировался определенный скепсис относительно коммунистической идеи: не прошло и 70 лет, как русский человек, «истосковавшийся» за высшими смыслами бытия, за ответами на вечные вопросы земной жизни обратился опять к истокам своей веры – православию. Примерно те же самые процессы происходили и у исламских народов, роль религиозных традиций которых усиливалась по мере роста усталости от программных коммунистических проектов построения «земного рая».

Тесно связано с ритмом религиозной жизни и современное право. Право по своей природе предполагает обращение к метафизическому осмыслению своих первоисточков. Нормативизм как правопонимание предполагает перенос вопроса о сущности и легитимности Основной нормы, придающей юридическую силу всей системе правовых норм, в плоскость рассуждений о трансцендентном. Не случайно преамбула Конституции РФ содержит указание на некоторые высшие идеалы: веру в добро и справедливость. Без веры в естественно-правовое происхождение Основного закона, в его естественно-правовой характер, обусловленный договорным процессом, в котором участие принимали обладающие личными правами и свободами люди с естественно-правовой субъектностью, в его справедливость и человечность, никакой юридической силы у его норм не будет. В основе идеи прав человека и абсолютного человеческого достоинства лежит христианский идеал понимания каждого как «образа Божия». Поэтому утрата религиозности и дехристианизация Европы повлекли и кризис правосознания, о котором писал еще П. И. Новгородцев в своей знаменитой работе [2].

Первыми юристами в истории человечества были жрецы, передававшие знания о праве на уровне сакральных сведений. И сегодня конституционалисты называют конституцию «гражданской Библией», намекая на то, что появление первых конституций в Новое время было вызвано секуляризацией, но избавиться от некоторых аналогий с ролью Священного Писания невозможно: доверие Богу заменило

доверие суверену, будь то монарх или народ. Однако содержание права осталось во многом прежним, так как основу правовой культуры каждого народа составляет именно религиозное наследие этноса: именно религия формирует сакральное ядро каждой культуры, устанавливает смыслы культуры, закладывая основы нравственного поведения. Отсюда в правовые системы европейских государств вошли общие для всех авраамических религий – христианства, ислама, иудаизма – нормы о запрете убийства, лжесвидетельства, кражи, непочтения к родителям, прелюбодеяния и т. д. Все эти запреты составляют общий для христиан, мусульман и иудеев этический и правовой кодексы, основой которых является Декалог Моисея. Поэтому в вопросе о роли традиционных духовных ценностей в государственной политике Российской Федерации нет этнических и конфессиональных споров: базовые ценности и нормы у этих народов совпадают и имеют религиозное происхождение.

Этнокультурное и этноконфессиональное измерение права. Далеко не всегда принимаются законодательные нормы с учетом этнокультурного правосознания народов России. Иногда они противоречат последнему, как, например, в вопросе об абортх, за запрет которых неоднократно выступал и патриарх Кирилл, и представители других конфессий. По данным Всероссийской переписи населения 2010 года, на территории Российской Федерации проживают представители свыше 190 национальностей, при этом используется более 270 языков и диалектов [7]. Их этнокультурное наследие, частью которого являются и конфессиональные нормы, предполагает государственную защиту.

Представляется правильным подвергнуть законодательство Российской Федерации этноконфессиональной или этнокультурной экспертизе, под которой следует понимать экспертно-аналитическую деятельность по выявлению конфликтогенных коллизий между нормами права и этнокультурными нормами, этноконфессиональными отношениями, а также обычаями и традициями народов Российской Федерации. В таком случае правомерное поведение представителей последних получит дополнительное обоснование и мотивацию, усиливая

роль правовых регуляторов в формировании гарантий общественного порядка, межэтнической и межконфессиональной гармонии.

Ранее нами было уже предложено осуществлять этнокультурный анализ проектов законов с позиции их соответствия этнокультурным ценностям и традициям [6]. Этнокультурная экспертиза основывается на признании правильности исторического подхода к праву, сформированного в свое время Монтескье, Гуго, Пухтой, Савиньи, Г. К. Гинсом и другими правоведом, придерживающимися социокультурного, цивилизационного измерения права. Значимость такой экспертизы обусловлена не только задачей сохранения этнокультурной самобытности, но и задачей обеспечения эффективности права, и реализации его норм. Дело в том, что исторический опыт, язык, культура, традиции этноса, особенности его представлений о правовых и политических идеалах определяют оценочную деятельность правового мышления адресатов правовых норм, в корне изменяя смысловое содержание последнего [6, с. 8]. Очевидно, что крайне конфликтно принятие нормативных актов, понимание которых будет совершенно иным со стороны этнокультур, чем прогнозируемое законодателем.

Общеизвестно, что правовая система должна быть, в первую очередь, адекватна национально-культурной самобытности народа, его правовому менталитету, его правовому идеалу, правосознанию, ценностям народа, а не экономической идее или правилам юридической техники. Это требует учета в понятиях и правовых идеалах этнокультурные особенности правосознания адресатов. Ранее уже говорилось, что этнокультурная экспертиза предполагает учет в ходе законопроектной работы следующих приоритетов и ценностных компонент этнокультурного наследия: 1) религиозное сознание и его роль в жизни этноса; 2) отношение к Другим и Другому; 3) семья, власть, воспитание детей; 4) отношение к труду и к собственности. Эти ценностные «срезы» позволяют в наибольшей степени учитывать правопонимание этнических сообществ, подпадающих под действие закона.

Человеческое поведение определяется целым спектром факторов и обстоятельств, одним из которых является страх Божьего суда.

Вряд ли кто-то будет спорить, что лучший контроллер в вопросах поведения – совесть человека. Правовые нормы, защищающие те же блага, что и религиозные нормы, не противореча им и способствуя их защите, обладают большей силой, чем «оторванные» от традиционных этнических и конфессиональных представлений о нравственности юридические тексты, которых в нашей стране более двух миллионов – данное положение достаточно очевидно и не нуждается в дополнительной аргументации. Следовательно, этническое обычное право наряду с религией этноса достаточно эффективно регулирует общественные отношения. Каковы пределы действия норм обычного и религиозного права и правосознания? Думается пределами следует считать не только Конституцию РФ и законодательство, но и публичный порядок, так как данная категория включает в себя и представления об общественной нравственности. Оговорку о «публичном порядке» законодатель использует в Гражданском Кодексе РФ для решения вопроса о применимости норм иностранного права к правоотношениям с иностранным элементом. Представляется вполне правильным использовать данную юридико-техническую форму для решения вопроса о допустимости норм религиозного права, например, шариата. Речь идет, естественно, о тех ситуациях, когда имеется некоторое противоречие между официальным законодательством и религиозным правосознанием.

Исламская правовая культура в Российской Федерации. Важно обратить внимание и на проблемы исламского права – шариата. Россия – многонациональное государство, и в своих границах она объединяет большое количество этнических групп, исповедующих ислам. Северный Кавказ и Поволжье являются основными российскими территориями, жители которых в большинстве своем мусульмане. Современная мусульманская среда обладает специфической правовой культурой, в которой по-прежнему религиозные нормы имеют приоритетное значение. В традиционной исламской правовой культуре основной целью государства является служение шариату, и обеспечение выполнения его норм. Для мусульман, проживающих на территории России, ислам является не только основой духовной жизни, но также

составляет базу всех жизненных аспектов, и правовое поле не является исключением.

Возрождение ислама в России началось в 90-е годы XX века, данный процесс был обусловлен распадом Советского Союза и начавшейся повсеместно этнополитической мобилизацией. Мусульмане стали активно использовать шариат как основной источник, регулирующий разнообразные аспекты бытовых отношений. Поэтому проблема использования норм шариата становится с каждым годом все актуальнее для мусульман России.

Во-первых, это связано с сакральным значением шариата для мусульман. Сакральный смысл шариата заключается в том, что шариат обладает исключительной значимостью, для мусульман нормы шариата исходят от Бога и представляют высшую ценность, нарушение норм шариата недопустимо. *Во-вторых*, в последнее время наблюдается увеличение количества мусульман, проживающих вне территорий, где традиционно преобладает ислам. На таких территориях мусульманские этноконфессиональные меньшинства включаются в общественно-политическую жизнь, данный процесс иногда сопровождается этнокультурным конфликтом. Чаще всего главной причиной конфликта выступает желание мусульман установить свой образ жизни для немусульманского социума. *В-третьих*, возрождение ислама привело к активизации исламского фундаментализма и религиозного терроризма, что является угрозой национальной безопасности России. Деятельность террористических исламских группировок аргументируется нормами шариата. Все перечисленные факты отражают важность вопроса возможности такой интеграции норм шариата в правовую систему России, которая не вызывала бы указанные выше проблемы.

В России совсем недавно предпринимались попытки внедрения шариата в законодательство мусульманских республик. Проявлением на практике противопоставления норм шариата и светского позитивного права является принятие уголовного кодекса в Чечне 1996 г., который обобщил нормы шариата [10]. В результате появились публичные казни и жестокие пытки, за которыми последовали межтейповые конфликты и многочисленные нарушения как норм шариата, так и норм фе-

дерального законодательства. В 1998 г. в Дагестане исламские радикалы в Кадарской зоне заменили российское законодательство на «законы шариата», которые использовались в ходе работы специального шариатского суда. После восстановления конституционного строя на территории Чечни и Дагестана «шариатское законодательство» было ликвидировано.

Можно выделить два основных сценария шариата и позитивного права в России. Первый сценарий заключается в противопоставлении шариата и позитивного права, следствием такого отношения может стать этноконфессиональный конфликт, крайним проявлением которого является сепаратизм. Российская практика показывает, что конфликтное отношение шариата и законодательства, характеризующееся полным противопоставлением, влечет за собой сепаратистские тенденции со стороны «исламских регионов».

Второй сценарий – параллельное сосуществование правовых систем на началах верховенства Конституции РФ и федерального законодательства. При этом важно не допускать правовых коллизий между ними. В российской правовой практике существует опыт внедрения норм шариата в законодательство мусульманских республик: в семейное право. В Ингушетии в 1999 г. был принят указ, который официально разрешил многоженство на территории республики. Затем в июле того же года был принят закон «О регулировании некоторых вопросов семейно-брачных отношений в Республике Ингушетия» [5]. Положения данного закона были основаны на местных традициях. Закон просуществовал около года, в июле 2000 г. статьи о полигамии были отменены Верховным судом республики на основании противоречия Семейному кодексу РФ. В феврале 2001 г. положение о многоженстве было изъято из закона, теперь статья излагалась в новой редакции: «Граждане Республики Ингушетия имеют право на вступление в брак и построение семейных отношений на основе действующего законодательства и с учетом национальных традиций и обычаев» [3]. Окончательно закон был отменен в 2006 г. Между тем, в Конституции республики в ст. 37 говорится о том, что ингуши имеют право строить семейные отношения на основе национальных традиций и обычаев.

Несмотря на то, что пункт о полигамии был изъят из всех нормативно-правовых актов, по-прежнему семейные отношения строятся на основании национальных традиций и обычаев. В этом положении четко прослеживается сакральный характер этнического компонента правовой культуры Республики Ингушетия.

В Ингушетии попытались интегрировать и нормы шариата в позитивное право, приняв закон о мировых судьях в 1998 г. [4]. Данный закон отражал нормы шариата. В законе сохранялся принцип независимости судей, а также провозглашалось подчинение только Конституции РФ, Конституции Ингушетии, федеральным и республиканским законам. Кроме того, данный закон устанавливал соблюдение местных обычаев, традиций и норм шариата при осуществлении правосудия. В 2000 г. из закона были изъяты положения о соблюдении норм шариата.

Пример Ингушетии показывает стремление мусульман интегрировать исламское право в систему российского законодательства на основе мирного сосуществования шариата и позитивного права.

Таким образом, можно выделить две основные тенденции развития исламского права в Российской Федерации. Первая тенденция заключается в выделении шариата как основного акта, регламентирующего правовую сферу общественной жизни. В рамках данной тенденции можно предвидеть неизбежность этноконфессионального и политического конфликта. Возведение шариата на высшую ступень иерархии нормативно-правовых актов в исламских республиках может привести к увеличению количества радикальных исламских группировок, а также к сепаратизму. Приоритет норм шариата и пренебрежение установленными правовыми нормами нарушают принцип светскости государства.

Вторая тенденция заключается в сохранении статуса шариата как источника нравственно-этических норм, в сохранении приоритета федерального законодательства с возможной интеграцией в законодательство субъектов РФ правовых норм, допускающих применение некоторых национальных традиций и обычаев, противоречащих законодательству Российской Федерации и ее публичному порядку, в том числе и религиозного происхождения. Кста-

ти, игнорирование именно религиозно-нравственных традиций этносов обладает наиболее ярко выраженным конфликтогенным потенциалом по сравнению с этническими обычаями, например, адатами.

Литература

1. Андриченко, Л. В. Правовые механизмы сохранения этнокультурной самобытности народов Российской Федерации и формирования общероссийской гражданской идентичности [Текст] / Л. В. Андриченко // Журнал российского права. – 2020. – № 6. – С. 38–51.

2. Новгородцев, П. И. Кризис современного правосознания [Текст] / П. И. Новгородцев // [соч.] П. Новгородцева. – Москва : Типо-литография Товарищества И. Н. Кушнерев и К°, 1909. – XII, 393, [3] с. – (Введение в философию права ; [вып.] 2).

3. О внесении изменений в Закон Республики Ингушетия «О регулировании некоторых вопросов семейно-брачных отношений в Республике Ингушетия» [Текст] : Закон Республики Ингушетия от 28.02.2001 № 2-РЗ (ред. от 28.02.2001) // Народное собрание – Парламент Республики Ингушетия. – 05.02.2001. – Ст. 1.

4. О мировых судьях Республики Ингушетия [Текст] : Закон Республики Ингушетия от 03.02.1998 № 1-РЗ (ред. от 03.02.1998) // Народное собрание – Парламент Республики Ингушетия. – 18.12.1997. – Ст. 8.

5. О регулировании некоторых вопросов семейно-брачных отношений в Республике Ингушетия [Текст] : Закон Республики Ингушетия от 02.08.1999 № 19-РЗ (ред. от 02.08.1999) // Народное собрание – Парламент Республики Ингушетия. – 31.07.1999. – Ст. 2.

6. Овчинников, А. И. Этнокультурная экспертиза в правотворческой деятельности [Текст] / А. И. Овчинников // Северокавказский юридический вестник. – 2013. – № 4. – С. 7–15.

7. Постановление Правительства РФ от 29.12.2016 № 1532 (ред. от 24.12.2021) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации “Реализация государственной национальной политики”» [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_210753

8. Проект федерального закона «Об этнологической экспертизе в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов ID проекта 01/05/01-18/00077915. – URL: <https://regulation.gov.ru>

9. Слепцов, А. Н. Вопросы нормативного закрепления этнологической экспертизы в местах традиционного проживания и хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера на примере Якутии [Текст] / А. Н. Слепцов // Юрист. – 2017. – № 19. – С. 42–46.

10. Сюкияйнен, Л. Р. Совместим ли шариат с современным российским правом? [Текст] / Л. Р. Сюкияйнен // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2014. – № 3. – С. 4–30.

References

1. *Andrichenko, L. V.* Legal mechanisms for preserving the ethnocultural identity of the peoples of the Russian Federation and the formation of the All-Russian civil identity [Text] / L. V. Andrichenko // Journal of Russian Law. – 2020. – No. 6. – P. 38–51 [in Russian].

2. *Novgorodtsev, P. I.* The crisis of modern legal consciousness [Text] / P. I. Novgorodtsev // [op.] by P. Novgorodtsev. – Moscow : Typo-lithography of the Partnership I. N. Kushnerev and Co., 1909. – XII, 393, [3] p. – (Introduction to the Philosophy of Law; [issue] 2) [in Russian].

3. On Amendments to the Law of the Republic of Ingushetia “On the Regulation of certain issues of family and marriage relations in the Republic of Ingushetia” [Text] : Law of the Republic of Ingushetia No. 2-RZ dated 28.02.2001 (ed. from 28.02.2001) // People’s Assembly – Parliament of the Republic of Ingushetia. – 05.02.2001. – Article 1 [in Russian].

4. On Justices of the Peace of the Republic of Ingushetia [Text] : Law of the Republic of Ingushetia dated 03.02.1998 No. 1-RZ (ed. from 03.02.1998) // People’s Assembly – Parliament of the Republic of Ingushetia. – 18.12.1997. – Article 8 [in Russian].

5. On the regulation of some issues of family and marriage relations in the Republic of Ingushetia [Text] : The Law of the Republic of Ingushetia dated 02.08.1999 No. 19-RZ (ed. dated 02.08.1999) // People’s Assembly – Parliament of the Republic of Ingushetia. – 31.07.1999. – Art. 2 [in Russian].

6. *Ovchinnikov, A. I.* Ethnocultural expertise in law-making activities [Text] / A. I. Ovchinnikov // North Caucasian Legal Bulletin. – 2013. – No. 4. – P. 7–15 [in Russian].

7. Decree of the Government of the Russian Federation No. 1532 of December 29, 2016 (ed. of December 24, 2021) “On approval of the State program of the Russian Federation “Implementation of State national policy” [Electronic resource] // SPS KonsultantPlus. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_210753 [in Russian]

8. Draft Federal Law “On Ethnological expertise in the Russian Federation” [Electronic resource] // Federal Portal of draft regulatory legal Acts Project ID 01/05/01-18/00077915. – URL: <https://regulation.gov.ru> [in Russian]

9. *Sleptsov, A. N.* Issues of normative consolidation of ethnological expertise in places of traditional residence and economic activity of indigenous small-numbered peoples of the North on the example of Yakutia [Text] / A. N. Sleptsov // Lawyer. – 2017. – No. 19. – P. 42–46 [in Russian].

10. *Syukiyainen, L. R.* Is Sharia compatible with modern Russian law? [Text] / L. R. Sukiainen // Pravo. Journal of the Higher School of Economics. – 2014. – No. 3. – P. 4–30.

Поступила в редакцию 02.06.2022

Received June 02, 2022

Раков Кирилл Андреевич,
кандидат юридических наук,
преподаватель кафедры теории государства
и права Московского университета
МВД России имени В. Я. Кикотя,
117997, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12,
email: rakoffkirill@yandex.ru

Rakov, Kirill A.,
PhD in Law, Lecturer at the Department
of Theory of State and Law, Moscow University of
the Ministry of Internal Affairs of Russia named
after V. Ya. Kikot', 12 Akademika Volgina Str.,
Moscow, 117997, Russian Federation,
email: rakoffkirill@yandex.ru

УСТОЙЧИВЫЕ ФОРМЫ ПРАВОВОГО ПОВЕДЕНИЯ КАК ОСНОВАНИЕ ПРАВОПОРЯДКА: ПОНЯТИЕ И КЛАССИФИКАЦИЯ

SUSTAINABLE FORMS OF LEGAL BEHAVIOUR AS THE BASIS OF LAW AND ORDER: CONCEPT AND CLASSIFICATION

АННОТАЦИЯ. В статье проводится общетеоретический анализ устойчивых форм правового поведения как одного из важнейших формальных оснований правопорядка современного политически организованного общества. Совокупность устойчивых форм правового поведения образует собой правовую практику субъектов общественных отношений, качество которой определяет сформированность базовых формальных характеристик правового порядка. Автор предлагает разработанную им классификацию устойчивых форм правового поведения, проведенную по различным основаниям и отражающую всю полноту социального распространения рассматриваемого явления. Исследователь приходит к выводу о том, что одной из основных задач государства по укреплению правопорядка является формирование развитой и устойчивой правовой практики в обществе.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: правовое поведение; правопорядок; устойчивые формы правового поведения; правовая практика; правомерное поведение; основания правопорядка; государство; общество.

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Раков, К. А. Устойчивые формы правового поведения как основание правопорядка: понятие и классификация [Текст] / К. А. Раков // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. – 2022. – Т. 9, № 2. – С. 94–100. – DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-2-11.

ABSTRACT. The article provides a general theoretical analysis of stable forms of legal behaviour as one of the most important formal foundations of the rule of law of a modern politically organized society. A set of stable forms of legal behaviour forms the legal practice of subjects of public relations, the quality of which determines the formation of the basic formal characteristics of the legal order. The author proposes his own classification of stable forms of legal behaviour conducted on various grounds and reflecting the full extent of the social spread of the phenomenon under consideration. The researcher comes to conclusion that one of the main tasks of the state to strengthen the rule of law is the formation of a developed and sustainable legal practice in the society.

KEYWORDS: legal behaviour; law and order; stable forms of legal behaviour; legal practice; lawful behaviour; foundations of law and order; state; society.

FOR CITATION:

*Rakov, K. A. Sustainable Forms of Legal Behaviour as the Basis of Law and Order: Concept and Classification [Text] / K. A. Rakov. *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU*. – 2022. – Vol. 9, No. 2. – P. 94–100 (in Russian). – DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-2-11.*

Поскольку все известные социальные регуляторы нормативны (право, традиции, мораль, религия), каждый из них подразумевает парные варианты поведения: правомерное/противоправное, традиционное/нетрадиционное, нравственное/безнравственное (аморальное), праведное/неправедное. Однако правовое поведение выбивается из общего ряда, поскольку в условиях современного доминирования государства, а значит, и юридического права государства над всеми остальными формами организации общественной жизни, его нормы покрывают сферой своего регулирования всех без исключения членов общества, не оставляя им формального выбора.

Следует сказать, что механизм надления правового порядка его формальными характеристиками, а именно обеспечение его устойчивости и эффективности, имеет двусторонний характер. Несмотря на то, что формальные основания правопорядка направлены на консервацию сложившегося состояния права в обществе, наряду с «пассивным», существует «активный» компонент их выражения. Значение нормативного строя права как базового (первичного) формального основания иллюстрирует объективно-формальное условие действительности правопорядка. Однако некоторые формы правового поведения социальных акторов, в силу ежедневной практики их выполнения, становятся формализованными «правовыми привычками», а устойчивый характер позволяет считать их формальным основанием правового порядка.

В академическом курсе общей теории права указанные формы именуется «привычным правовым поведением»: «Согласно социологическим опросам примерно одна треть российских граждан соблюдают правовые нормы по привычке, не задумываясь над тем, почему именно так поступают. Они обычно затрудняются даже внятно объяснить мотивы своего законопослушания. Как правило, отвечают: “так надо”, “так приучены”, “так воспитаны”, “иначе нельзя”. Для них правомерное поведение является естественным, само собой разумеющимся образом жизни» [6, с. 207]. Более того, проведенные в 80-е годы советскими учеными опросы подтвердили, что граждане, как правило, даже не осознают того, что внушительный объем осуществляемых ими действий носит

правовой (юридический) характер. Так, среди действий, имеющих правовое значение, совершенных ими в жизни, респонденты называли лишь вступление в брак, получение ордера на жилье, получение паспорта, а некоторые вообще высказались о том, что никогда не совершали правовых поступков [3, с. 132–133]. Приведенные результаты исследований подтверждают значимость и уникальность устойчивых форм правового поведения как полноценного правового феномена, заключающегося в устойчивых моделях правомерного поведения, не предполагающих содержательного осмысления субъектом целей, причин и правового значения исполнения требований правовых норм.

Важным является то, что устойчивые формы правового поведения присущи любым формам и типам права, и в этом также, на наш взгляд, заключается возможность отнесения их к основаниям правопорядка. Конечно, самым «богатым» с точки зрения распространенности устойчивых форм правового поведения является государственный правопорядок, основанный на юридическом праве государства [5, с. 138–140], поскольку данный тип правопорядка наиболее формализован и консервативен по сравнению с остальными. Наиболее ярким примером может являться соблюдение участниками дорожного движения установленных правил, осуществляемое автоматически на основе многократного повторения. Вместе с тем устойчивые модели правового поведения достаточно распространены, например, в гражданском правопорядке. Примером могут являться сделки розничной купли-продажи, когда покупатель, приобретая товар, не задумывается о форме, существе, условиях сделки. Не является исключением международно-правовой порядок. Лица (в особенности иммигранты), которые обращаются в консульские учреждения за рубежом, зачастую не задумываются о правовом статусе данных учреждений и собственном правовом статусе в данном государстве, а, как правило, основываются на правовой привычке поступать соответствующим образом.

Рассматриваемые устойчиво-шаблонные формы правового поведения по сути представляют собой правовую практику субъектов правоотношений. Как отмечает О. В. Кулик: «Правовая практика представляет собой дея-

тельность субъектов правоотношений по реализации правовых норм и результаты такой деятельности. При этом вести речь о практике можно тогда, когда она является устоявшимся образом действий, а не единичным или случайным поведением» [4, с. 496–501].

Наиболее удачно характер и значение устойчивых форм правового поведения (правовой практики) объясняют отдельные положения психологической теории права и правовая психология. Достаточно большое внимание ученых данная проблематика привлекла в советский период [1; 3; 8]. В частности, А. В. Кудрявцев, обобщив имеющийся теоретический материал, касающийся субъективной стороны правомерного поведения, отмечал парадоксальный характер его связи с позитивными правовыми нормами и пришел к выводу о том, что правовая привычка и является конечной целью существования и действия последних [3, с. 117–118]. Таким образом, увеличение числа устоявшихся в общественном правосознании моделей правомерного поведения аксиоматически влечет за собой повышение уровня законности – формального индикатора правопорядка.

Большинство граждан на сегодняшний день не осознают масштабов действия права (в том числе и юридического), которое регулирует колоссальный объем общественных отношений. В связи с этим существенная часть социально значимого поведения не определяется в сознании граждан как правозначимое (правовое). Это объясняется, в том числе, несоответствием роста объема правового регулирования развитию общественного правосознания, правовой культуры и правового воспитания. Данное обстоятельство и является причиной столь серьезной роли устойчивых форм правового поведения (правовой практики) как основания современного правопорядка.

Следует сделать важное замечание. Устойчивые формы правового поведения выступают основанием правопорядка только рассматриваемые как явление. В отличие от правовых ценностей, например, отдельно взятая устойчивая форма правового поведения не может считаться условием действительности правового порядка, поскольку носит частный характер. Отличительной чертой устойчивых форм является как раз их массовый характер: широ-

кая распространенность такого образа правового поведения и позволяет говорить о данном феномене как об условии устойчивости правопорядка.

Несмотря на то, что проблема привычного поведения рассматривалась рядом ученых, в частности, с точки зрения причин и распространенности данного явления, вопрос об устойчивых формах не получил достаточной проработки. На наш взгляд, в контексте исследования формальных оснований правового порядка уместным будет теоретическая конкретизация устойчивых форм правового поведения. Типологизацию предлагается осуществить по нескольким критериям:

1. В зависимости от объективной стороны поведения.

а) В форме действия.

б) В форме бездействия.

Стандартный для различных форм правового поведения критерий различия уместен и для характеристики устойчивых форм. Устойчивая правовая привычка не поступать определенным образом не менее, если не более значима для правопорядка, чем проявления поведения в форме действий. Это объясняется тем, что неправомерное действие, как правило, приносит более ощутимый вред охраняемым правом отношениям нежели неправомерное бездействие. Таким образом правомерное бездействие является базовой и важнейшей устойчивой формой правового поведения. Отличие от правомерного бездействия, не устоявшегося в ежедневной правовой практике граждан, заключается в том, что устоявшееся правомерное бездействие выражается не в волевом отказе от совершения неправомерного действия (как в первом случае), а в нерелефлексированном игнорировании возможности его совершения.

2. В зависимости от субъективной стороны.

а) Сознательно-правовые – когда лицо осознает правовой характер своего поведения.

б) Бессознательно-правовые – лицо не задумывается или не осознает правового значения своего поведения.

Следует отметить, что «бессознательность» или неосознанность правового выбора не является обязательным признаком правового поведения для определения его как формально устойчивого. Элемент неосознанности альтернативно характеризует поступок как

устойчиво формально-правовой, вместе с тем существуют варианты осознанно-правовых устойчивых форм правового поведения. Важным здесь является отсутствие внутренней дискуссии в сознании субъекта в момент совершения поступка, иными словами, автоматический характер действия (бездействия). Стоит заметить, что для развитого правопорядка большую значимость имеет сознательно правовое устойчивое поведение, которое свидетельствует о развитом правосознании субъекта его осуществления, небезразличном отношении к праву.

3. В зависимости от правового интереса.

а) Поведение в собственных правовых интересах.

Устойчивое правовое поведение в собственных правовых интересах является психологически самым логичным вариантом действия. Такой вид поведения наиболее естественен для человека, а значит, проще всего входит в привычку, тем самым приобретая устойчивое качество. Поэтому совершенно логично, что неправомерное поведение в собственных интересах является, в свою очередь, самым распространенным вариантом среди прочих. Примерами устойчивого правового поведения в собственных интересах могут являться: получение подарков, покупка товаров, получение зарплат, пенсий, стипендий и т. п., реализация многих конституционных прав и свобод; реализация многих конституционных прав и свобод;

б) Поведение в правовых интересах другого субъекта.

Устойчивость данной формы правового поведения может быть достигнута под влиянием двух факторов: перманентного стремления, в силу тех или иных причин, не нарушать требования позитивных правовых норм и (или) на основе нравственной установки соблюдать права других людей. Отличительной особенностью рассматриваемого вида является обязательная необходимость ограничения в той или иной степени собственных интересов. К устойчивым формам правового поведения в интересах другого субъекта можно отнести выплату заработной платы, платеж по счету, предоставление преимущества в движении пешеходу или другому транспортному средству, воспитание и образование несовершеннолетних детей, уход за пожилыми родителями.

в) Правовое поведение в интересах общества.

Правовое поведение в интересах общества требует определенного уровня правосознания и правовой культуры субъекта, а также некоторого уровня социальной ответственности. Особенность заключается в том, что, ограничивая свое поведение определенным образом, человек не представляет конкретного «выгодополучателя» и действует под влиянием вышеуказанных или иных факторов. Однако чаще всего осознанно ограничив однажды (или несколько раз) свое поведение в интересах общества (в силу разных мотивов), в последующем субъект правового поведения уже вряд ли задумывается об условиях и механизме общественной пользы своих поступков, в силу чего они и приобретают форму устойчивого поведения. Контроль над своим поведением в общественных местах или систематическая уплата налогов являются примерами устойчивого правового поведения в интересах общества.

4) В зависимости от сферы общественных отношений:

а) Общественно-политическое.

Наименее распространенные из устойчивых форм правового поведения. Общественно-политическая сфера характеризуется наибольшей удаленностью от каждодневной социально-правовой практики граждан. Отсутствие регулярного исполнения требований правовых норм данной сферы является главным препятствием для укоренения их в массовом привычном правовом поведении. Вместе с тем для представителей политической профессии или лиц, так или иначе вовлеченных в орбиту общественно-политической деятельности, ряд форм правового поведения указанного вида являются устоявшимися.

б) Социально-экономическое.

Социально-экономическая сфера жизни современного общества практически полностью урегулирована средствами правового нормирования. Марксистская идеология и идеология социалистического государства признавали данную сферу ведущей, системообразующей сферой, соответственно подлежащей всесторонней правовой регламентации и правовой охране. Современное буржуазное государство не выводит на первые роли социальную сферу, а рыночный характер экономики предполагает определенную свободу (в том числе правовую)

экономических отношений. Однако общая тенденция последовательной правовой регламентации максимально возможных аспектов жизни современного общества не могла не затронуть рассматриваемую область, в связи с чем количество и распространенность устойчивых форм правового поведения в ней весьма существенны.

в) Бытовое (в том числе досуговое).

Самой распространенной формой устойчивого правового поведения является бытовое правовое поведение. Как уже отмечалось ранее, сегодня сложно представить область человеческой жизни, не урегулированную (в той или иной степени) нормами позитивного права. Не являются исключением сферы быта и досуга. Поскольку деятельность человека в быту максимально рутинна и носит систематический ежедневный характер, то те поступки, которые имеют правовое значение, зачастую не идентифицируются как таковые и совершаются наряду с юридически нейтральными действиями, укореняясь в повседневной правовой практике человека.

5. В зависимости от предмета правового регулирования (или от соответствующей отрасли права).

а) Конституционно-правовое.

Устойчивым правовым поведением в данной отрасли, в первую очередь, является реализация гражданами своих конституционных прав и свобод. Путешествуя из города в город, мало кто задумывается о том, что реализует тем самым свое конституционное право на свободу передвижения. Высказывая свое мнение по тому или иному вопросу, мы не думаем о том, что используем право на свободу слова, а поход в церковь не идентифицируется как осуществление права на свободу вероисповедания.

б) Уголовно-правовое.

Возвращаясь к одному из рассмотренных критериев классификации устойчивых форм правового поведения, следует сказать, что устойчивой формой правомерного поведения в уголовно-правовой сфере является исполнение норм уголовного закона в форме бездействия. Логично, что отказ от совершения преступления чаще является не волевым актом субъекта, а правовой привычкой не поступать преступным образом. Вместе с тем для специальных субъектов уголовного права, в силу

особых профессиональных обязанностей, является нормальным устойчивое правовое поведение в виде действий. Наглядным примером здесь является деятельность медицинских работников по оказанию медицинской помощи или деятельность сотрудников полиции по пресечению правонарушений и преступлений. Также одной из особенностей уголовно-правового поведения является зачастую смежный с другими отраслевыми видами характер. Не нарушая нормы уголовного кодекса, субъект, как правило, одновременно исполняет обязанности и соблюдает запреты, установленные нормами других отраслей. Так, например, сотрудник органов внутренних дел не совершает должностных преступлений, что можно расценить одновременно как уголовно-правовое и административно-правовое поведение.

а) Административно-правовое.

Жизнедеятельность человека в современном обществе достаточно тесно связана с деятельностью органов государственного управления. В связи с этим, значительный объем поведения, имеющего административно-правовое значение, прочно укоренился в повседневной практике субъектов права. Современное законодательство об административных правонарушениях является, наверное, одним из самых динамично развивающихся отраслей, что подтверждается внушительным объемом позитивных административно-правовых норм, требующих неукоснительного соблюдения. Соблюдение требований установленных правил дорожного движения, контроль за своим поведением в общественных местах, оплата проезда в общественном транспорте являются одними из множества примеров устойчивых форм административно-правового поведения.

в) Гражданско-правовое.

Гражданско-правовые отношения «пестрят» примерами устойчивых форм правового поведения. Упомянувшиеся ранее сделки розничной купли-продажи являются классическим примером рассматриваемого формального основания правопорядка. Одалживание денег и вещей, обмен и многие другие разновидности устных сделок происходят в привычном режиме и завершаются автоматическим исполнением обязательств и реализацией прав вне содержательного осмысления правового значения таких отношений. Сама природа граждан-

ско-правовых отношений подразумевает поведение, основанное на доверительных началах между их участниками, велика роль обычаев. В частности, цивилистическая теория важными источниками гражданского права признает обычаи делового оборота, деловые обыкновения и так называемый «заведенный порядок» [7, с. 343–358]. Данные факторы способствуют стереотипизации правового поведения в рамках рассматриваемых отношений.

г) Трудовое.

Трудовое право может считаться подотраслью гражданского, а устойчивое правовое поведение в рамках трудовых отношений могло быть затронуто в контексте рассмотрения гражданско-правовых, вместе с тем считаем, что данный вид заслуживает отдельного внимания. Дело в том, что, если юридические отношения в рамках осуществления трудовой деятельности имеют все свойства, позволяющие включить их в категорию гражданских правоотношений, то в социальном измерении, безусловно, трудовая деятельность и обусловленное ею правовое поведение играют намного более самостоятельную роль и проникают во все сферы общественной жизни. Подтверждением тому является высокое значение фактора труда в экономике и выросшие на его основе социально-философские теории, нашедшие практическое применение и оставившие заметный след в истории. В этой связи устойчивые формы правового поведения в сфере трудовых отношений выступают формальным основанием любого правопорядка, а распространенность их выше, чем в каждом из приведенных ранее видов. Это обусловлено тем, что каждодневное выполнение трудовых обязанностей неизбежно формализует такие действия, не отменяя при этом их правовую обусловленность и юридическую регламентированность.

На основании изложенного следует сделать следующие обобщения:

1) Наряду с нормативным строем права к формальным основаниям правопорядка считаем возможным отнести устойчивые формы правового поведения (правовую практику). Данный правовой феномен в традиционной правовой теории получил название «привычное правовое поведение» и рассматривается как один из видов правового поведения в зависимости от субъективной стороны.

2) Теория в целом недооценивает важность такого явления как устойчивое правовое поведение, осуществляемое вне содержательного осмысления характера таких действий. Актуальность его идентификации как полноценного основания правопорядка подтверждает высокий уровень распространенности такого образа правового поведения.

3) Более того, имеет смысл согласиться с мнением некоторых ученых о том, что правомерное поведение, осуществляемое автоматически, по привычке, является конечной целью действия норм позитивного права [7, с. 117–118]. Единственным условием, на наш взгляд, является легитимность таких норм, о наличии которой можно говорить по факту пройденного на этапе их принятия публично-правового дискурса [2, с. 89–93].

Литература

1. Гальперин, П. Я. Лекции по психологии: учебное пособие для студентов высших учебных заведений [Текст] / П. Я. Гальперин. – Москва : Книжный дом Университет, 2010. – 397 с.
2. Клименко, А. И. Социальная справедливость как справедливость правовая и ее концептуализация в рамках правового дискурса [Текст] / А. И. Клименко // Правовая коммуникация государства и общества: отечественный и зарубежный опыт : сборник трудов международной научной конференции. – Воронеж : НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2020. – С. 89–93.
3. Кудрявцев, В. Н. Правовое поведение: норма и патология [Текст] / В. Н. Кудрявцев. – Москва : Наука, 1982. – 287 с.
4. Кулик, О. В. Правовая практика как фактор правотворчества [Текст] / О. В. Кулик // Право – явление цивилизации и культуры. – Москва : Российский университет дружбы народов, 2019. – С. 496–501.
5. Малахов, В. П. Общая теория права и государства: курс лекций [Текст] : учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция». – Москва : ЮНИТИ: Закон и право, 2018. – 271 с.
6. Матузов, Н. И. Теория государства и права [Текст] : учебник / Н. И. Матузов, А. В. Малько. – Москва : Юристъ, 2004. – 245 с.
7. Миклашевская, Н. И. Правовая природа обычая делового оборота [Текст] / Н. И. Миклашевская // Антиномии. – 2001. – № 2. – С. 343–358.
8. Нурпеисов, Е. К. Государство реальной демократии: (Равноправие граждан СССР – важный конституционный принцип) [Текст] / Е. К. Нурпеисов. – Алма-Ата : Казахстан, 1980. – 71 с.

References

1. *Galperin, P. Ya.* Lectures on psychology: a textbook for students of higher educational institutions [Text] / P. Ya. Galperin. – Moscow : University Book House, 2010. – 397 p. [in Russian].
2. *Klimenko, A. I.* Social justice as legal justice and its conceptualization within the framework of legal discourse [Text] / A. I. Klimenko // Legal communication of the state and society: domestic and foreign experience : proceedings of the international scientific conference. – Voronezh : NAUKA-UNIPRESS, 2020. – P. 89–93 [in Russian].
3. *Kudryavtsev, V. N.* Legal behavior: norm and pathology [Text] / V. N. Kudryavtsev. – Moscow : Nauka Publ., 1982. – 287 p. [in Russian].
4. *Kulik, O. V.* Legal practice as a factor of law-making [Text] / O. V. Kulik // Law is a phenomenon of civilization and culture. – Moscow : Peoples' Friendship University of Russia, 2019. – P. 496–501 [in Russian].
5. *Malakhov, V. P.* General theory of law and State: a course of lectures [Text] : a textbook for students of higher educational institutions studying in the field of Law. – Moscow : UNITY: Zakon i Pravo Publ., 2018. – 271 p. [in Russian].
6. *Matuzov, N. I.* Theory of state and law [Text] : textbook / N. I. Matuzov, A. V. Malko. – Moscow : Jurist Publ., 2004. – 245 p. [in Russian].
7. *Miklashevskaya, N. I.* The legal nature of the custom of business turnover [Text] / N. I. Miklashevskaya // Antinomies. – 2001. – No. 2. – P. 343–358 [in Russian].
8. *Nurpeisov, E. K.* The state of real democracy: (Equality of citizens of the USSR is an important constitutional principle) [Text] / E. K. Nurpeisov. – Alma-Ata : Kazakhstan Publ., 1980. – 71 p. [in Russian].

Поступила в редакцию 13.05.2022

Received May 13, 2022

Фальшина Нелли Александровна,
кандидат юридических наук, доцент,
юридический факультет,
Южный федеральный университет;
344002, г. Ростов-на-Дону,
ул. М. Горького, д. 88,
email: nelli.falshina@yandex.ru

Falshina, Nelly A.,
PhD in Law, Associate Professor,
Law Faculty,
Southern Federal University;
88 M. Gorky Str., Rostov-on-Don,
344002, Russian Federation,
email: nelli.falshina@yandex.ru

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПРАВА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF LAW IN THE CONTEXT OF DIGITAL TECHNOLOGIES

АННОТАЦИЯ. В статье исследуются основные тенденции трансформации современного права в условиях интенсивного развития цифровых технологий, при этом основной аналитический акцент сделан на реализацию прав и свобод в указанных условиях. Активное развитие цифровых технологий сегодня оказывает существенное влияние на право, поскольку цифровые технологии стали неотъемлемой частью повседневной жизни любого человека, обуславливая его неизбежную трансформацию. Указанный процесс имеет свои закономерности, которые, в первую очередь, определены сущностью, особенностями российского права, а также уровнем правовой культуры. Эти и другие аспекты, как основополагающие, обозначили абсолютно иные горизонты развития российского права. Целью настоящей статьи является попытка продемонстрировать указанную трансформацию в современных реалиях развития цифровых технологий, выявить дефекты современного законодательства и представить способы разрешения соответствующих проблем.

В юридической науке нет четкого понимания каким образом возможно обосновать наличие принципиально новой отрасли права – цифрового права. Однако современная теория права обладает всеми необходимыми правовыми инструментами, позволяющими научно обосновать развитие цифрового права, что в дальнейшем позволит сформировать соответствующий законодательный механизм, позволяющий не нарушать интересы, права и свободы тех, кто является субъектом цифровых правоотношений.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: право; отрасль; права и свободы; правоотношения; национальное право; налогообложение; цифровые технологии; институт; реформирование; цифровые и информационные ресурсы; цифровое право.

ABSTRACT. The article examines the main trends in the transformation of modern law in the context of the intensive development of digital technologies, while the main analytical emphasis is on the implementation of rights and freedoms under these conditions. The active development of digital technologies today has a significant impact on the law, since digital technologies have become an integral part of the daily life of any person, causing his inevitable transformation. The indicated process has its own regularities, which, firstly, are due to the essence, specific features of the Russian law, as well as to legal culture. These and other aspects, as fundamental ones, have outlined completely different horizons for the development of the Russian national law. The purpose of this article is an attempt to demonstrate the indicated transformation in the modern realities of the development of digital technologies, to identify defects in modern legislation and to present ways to solve the relevant problems.

In legal science, there is no clear understanding of how it is possible to justify the existence of a fundamentally new branch of law – digital law. However, the modern theory of law has all the necessary legal tools to substantiate scientifically the development of digital law, which, in the future, will allow the formation of an appropriate legislative mechanism that permits not to violate the interests, rights and freedoms of those who are the subject of digital legal relations.

KEYWORDS: law; branch; rights and freedoms; legal relations; national law; taxation; digital technologies; institution; reform; digital and information resources; digital law.